

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Краткое жизнеописание раби Нахмана из Браслава (1772 - 1810)

Здесь рассказано лишь немногое о его святой жизни, о его великих усилиях в самоотверженном и возвышенном служении Имени Благословенного, начиная с детства и до его кончины, когда удостоился он истинной жизни. Рассказано немногое из того, что произошло с ним во дни его святой жизни и немногое из его святых бесед — то, что произнесли его святые уста, и о временах, которые он пережил — "под справедливым взором Твоим".

Из книги раби Натана Штернарца "Жизнь учителя нашего раби Нахмана".

Раби Нахман родился в субботу, в первый день месяца нисан, в 5532 году (4 апреля 1772 г.) в Меджибоже — городке, в котором прошла жизнь его прославленного прадеда раби Исраэля Бааль Шем Това (1698 — 1760). Его отец, раби Симха, был сыном одного из видных последователей Бааль Шем Това, а мать — Фейга — внучкой Бааль Шем Това, дочерью его единственной дочери Юдель. О ней известно, что она была Б-говдохновенной праведницей. Рождение раби Нахмана, которому было суждено стать одним из величайших вождей хасидизма, совпало с началом упадка этого движения, основоположником которого был Бааль Шем Тов. Обрезание раби Нахмана, его вступление в завет Авраама, происходило в ту самую Великую субботу¹ (11 апреля 1772г.), когда был объявлен *хэрэм*² против хасидов.

Детство раби Нахмана прошло в Меджибоже. По обычаю тех времен женился он рано. Его жена Сасья была дочерью раби Эфраима из Осатина. Там в доме своего тестя провел он последующие пять лет, а затем переселился в Медведевку, потом — в Златополье и, наконец, в Браслав.

С ранней юности раби Нахман был наделен притягательной силой, привлекавшей к нему сердца людей. После его необычайного, полного приключений путешествия в Святую Землю, к 26-летнему раби Нахману на праздник Новолетия стеклась толпа приверженцев.

В 1802 году, по пути в Браслав, он провел несколько дней в Умани. При посещении кладбища, где похоронены многие тысячи жертв массовой резни во времена погромов, раби Нахман сказал, что кладбище это он избирает местом своего вечного упокоения.

С момента прибытия в Браслав начинается период жизни и служения раби Нахмана, о котором мы располагаем относительно подробными сведениями.

Браслав расположен в 15 км к югу от Немирова, где жил юный раби Натан Штернхарц. Обладая выдающимися познаниями в Торе, раби Натан страстно искал подлинный путь служения Всевышнему. Когда его близкий друг раби Лейб описал ему субботу, проведенную в Браславе у раби Нахмана, раби Натан понял, что нашел наконец наставника. Вскоре вместе со своим другом раби Нафтали он отправляется в Браслав.

Первая их встреча по праву должна быть причислена к самым замечательным событиям в истории веры. Она иссекла огонь, который ярко пылает по сей день. Все поучения, беседы, сны и повествования раби Нахмана записаны рукой раби Натана. Это *Сэфэр а-Мидот* ("Книга атрибутов"), *Ликутей Моаран* ("Собрание поучений учителя нашего раби Нахмана"), *Сэфэр а-нисраф* ("Сожженная книга"), *Сэфэр Сипурэй маасиет* ("Книга необычайных рассказов").

Раби Натан в своих книгах оставил нам жизнеописание раби Нахмана, в котором с трепетной любовью запечатлен живой образ одного из величайших учителей нашего народа.

Раби Нахман встречался со своими последователями (браславскими хасидами) шесть раз в году, чтобы преподать им поучение. Его дядя, раби Барух, обвинил раби Нахмана

в недостаточном почитании Бааль Шем Това. Их противоборство продолжалось почти пять лет, а один из приверженцев раби Баруха, раби Моше Цви из Саврана, уже после смерти обоих — раби Нахмана и раби Баруха — стал непримиримым гонителем brasлавских хасидов...

Между праздниками Пэсах и Шавуот 1804 года раби Нахман совершил таинственную поездку в Шаргород и провел там две недели. Обитатели Шаргорода считались обреченными на истребление огнем и мором³. Раби Нахман, по преданию, предотвратил там мор⁴.

Вскоре на его семью посыпался град ударов. В 1806 году, после праздника Шавуот, в двухлетнем возрасте умер от чахотки первый его сын Шломо-Эфраим. Раби Нахман, возлагавший на сына великие надежды, горько оплакивал его. Второй сын, Яков, родившийся незадолго до Хануки того же года, также умер во младенчестве. А через год от той же болезни скончалась жена Сасья. Сам раби Нахман заразился в то время чахоткой и предсказал, что она станет причиной его смерти.

В конце 1807 г. раби Нахман решил опубликовать книгу "Ликутей Моаран". Рукопись была разослана ряду выдающихся авторитетов, чтобы получить их заключение о целесообразности ее публикации. Непосредственно перед Рош а-Шана следующего года издание было завершено. После выхода в свет "Ликутей Моаран" раби Натан немедленно начал работать над ее продолжением, содержащим позднейшие поучения раби Нахмана. Эта вторая часть книги была напечатана сразу же после кончины раби Нахмана.

В 1809 году была завершена рукопись "Сэфэр амидот" ("Книги атрибутов"). Примерно тогда же раби Нахман получил в подарок прекрасное резное кресло ручной работы, изготовление которого заняло полгода. С ним связано откровение одного из снов раби Нахмана. Это то самое кресло, которое впоследствии было по частям переправлено из России и стоит сейчас в Браславской ешиве в Иерусалиме.

1809 год раби Нахман провел в покое, восстанавливая силы после приступа болезни. После Рош а-Шана он послал в Меджибож своего брата, раби Йехиэля вместе с раби Натаном и раби Нафтали — молиться за него на могиле Бааль Шем Това. Он по-прежнему наставлял своих приверженцев, но уже никуда не выезжал. В Шабат Шира⁵ он вспоминал о своих поездках и беседах с учениками, которые имел обыкновение проводить в эту субботу.

Летом того же года его дочь Мириам отправилась на Святую Землю, где уже поселились ее муж и свекор. Несмотря на крайнюю слабость, раби Нахман провожал ее пешком и сказал тогда: "В Святую Землю надо добираться на собственных ногах".

Вскоре раби Нахман завершил свои "Маасиет" ("Необычайные рассказы"). В это время он уже помышлял о переезде в Умань. Решение созрело, когда перед Пэсах 1810 г. скончался ребенок его дочери Юдель, а в начале следующего месяца дом раби Нахмана сгорел дотла, и ночь рэбэ⁶ провел на ближайшем холме. Он покидает Браслав и прибывает в Умань.

Умань — место массового истребления евреев. Здесь в 1768 году тысячи евреев были вырезаны гайдаками Гонты. Раби Нахман поставил себе целью своей смертью очистить души погибших и вознести их на небеса. Поэтому он пожелал быть похороненным на уманском кладбище вместе с жертвами погромов.

В дни Рош а-Шана состояние раби Нахмана стало резко ухудшаться, сотрясавший его кашель сопровождался горловым кровотечением. Но в ночь Рош а-Шана он, по своему обыкновению, произнес поучение. Он говорил долго, и это была его последняя речь, обращенная к большому собранию людей.

18-й день месяца тишрей, четвертый день праздника Суккот, был его последним днем. Завершающие часы его жизни ярко описаны в дневнике раби Натана⁷:

Мы уложили его на кровать, облаченного в его прекрасное шелковое одеяние. Он велел рэб Шимьону расправить его одежды и застегнуть пуговицы на рукавах так, чтобы рубашка не выглядывала. Он сказал рэб Шимьону, чтобы тот убедился, что все сделано как положено.

Потом он попросил смыть с его бороды следы крови. Мы сделали это, и он лежал на своем ложе, ощущая полнейшую свободу.

Он взял небольшой восковой шарик и перекачивал его между пальцами. Так часто делал он в свои последние дни, погружаясь в глубокое размышление. И в этот последний час его мысль, достигнув небывалой свободы, возносилась к неведомому...

* * *

Дом был полон людьми, пришедшими почтить его. Увидев, что близится кончина, они начали читать молитву о праведниках из "Перехода через Ябок".*

Нам показалось, что он скончался, и, сотрясаемые рыданиями, мы начали звать: "Рэбэ! Рэбэ! На кого ты покинул нас?!"

Он услышал наши голоса и поднял голову, обратив к нам свое лицо, выражение которого повергло нас в трепет. Он как бы говорил: "Я не покидаю вас, упаси Б-г!"

Это было незадолго до того, как он ушел, чтобы приобщиться к своим отцам в великой святости и чистоте. Сверкающий и чистый, он ушел отсюда без малейшей тени смятения, без единого жеста непокорности, ушел, объятый безмятежностью, внушающей благоговейный страх.

Присутствовали многие из погребального общества. И все они говорили потом, что видели многих, умиравших при ясном сознании, но ничего подобного видеть им не приходилось.

И это все, что наше жалкое разумение сумело воспринять и запечатлеть. Но истинное значение этой смерти непостижимо. Тот, кто постиг хоть в ничтожной мере его величие, испытав на себе воздействие его трудов, бесед и повествований, знает, что совершенно невозможно говорить о столь поразительном, необыкновенном уходе из этого мира.

Что мне сказать? И как я могу говорить? Чем я могу воздать Всевышнему за то, что удостоился стоять там, когда отлетела его душа? Если бы я пришел в этот мир только для этого, этого было бы достаточно.

Итак, в 18-й день месяца тишрей, в году 5571 (16 октября 1810 г.), прожив 38 лет, 6 месяцев и 18 дней, раби Нахман оставил земную обитель. Каждый день его жизни одарил человечество искрой Б-жественного света.

В начале следующего дня он обрел покой на старом кладбище Умани. Его могила — святыня, ставшая местом поклонения его последователей. Они стекаются к ней со всех концов земли.

* * *

Не проникнув в подлинный смысл жизни и откровения этого великого праведника и святого, некоторые современные исследователи художественной литературы считают раби Нахмана из Браслава одним из своеобразнейших и величайших писателей на пороге нового времени, предтечей Кафки и Беккета. Мы надеемся, что переводы отдельных творений раби Нахмана на русский язык, предлагаемые вниманию читателя, дадут ему какое-то представление о несравненной "прозе" великого браславского праведника.

Часть первая. УЧЕНИЕ РАБИ НАХМАНА
перевод Н. Файнгольда
Раби Натан Штернарц . "ЙЕМЭЙ МОАРАНАТ"
КОНЧИНА РАБИ НАХМАНА

1.

Рош а-Шана, последний в его жизни, он провел в Умани. Первый день *Рош а-Шана* в том году пришелся на субботу. По обычаю своему, вечером наш учитель собирался произнести поучение — несмотря на то, что испытывал предельную слабость. У него началось сильное горловое кровотечение. На исходе дня в большом доме, где ожидалось его появление, собралось великое множество народу, теснота была необычайная. Люди ждали его с нетерпением и надеждой, ждали до позднего вечера, но он все не появлялся. Между тем мне передали, что он зовет меня.

Когда я вошел в его комнату, он, благословенна его память, сидел в постели. На коленях у него стояла медная чаша, почти до краев полная крови. Обратившись ко мне, он пожаловался, что не знает, что делать. Первое, что я сказал ему в ответ, — мол, ничего не поделаешь, раз это невозможно и он не в состоянии выступить с поучением. Но он возразил, что жалко людей приезжих, которым было очень трудно сюда добираться, чтобы послушать его, что сам он все лето так ждал наступления *Рош а-Шана* в надежде произнести поучение в Умани.

Осознав, как страстно он мечтает об этом, я сказал:

— Ведь и после возвращения из Лемберга (Львова) вы были тяжело больны, нельзя было даже помыслить, что вы сможете выступить с поучением. И тем не менее, с Б-жьей помощью, это вам удалось!

И тогда он сказал:

— Я готов выступить с поучением, даже если это будет стоить мне жизни.

И он велел мне передвинуть к дверям кресло, приготовленное для него в большом доме — на случай, если ему станет худо, — тогда проще будет перенести его домой и уложить в постель. Я возразил, что из-за страшной давки в помещении сделать это крайне трудно. Но он сказал:

— Если ты не передвинешь кресло к дверям, то уж точно я не появлюсь там.

Не откладывая, я направился в большой дом и, произведя немалый шум, заставил людей освободить место, переместить кресло и поставить его у дверей.

И вот наконец он уселся в кресло, а мы, тесно прижатые друг к другу, стояли, обступив его со всех сторон. Некоторые не выдержали давки и вынуждены были выбраться наружу. Учитель же наш, изнемогавший от слабости, по обыкновению своему, посидел некоторое время молча, а затем раскрыл свои святые уста и голосом необычайно тихим начал говорить. Он настолько ослабел, что представлялось чуть ли не противоестественным, что ему удастся завершить столь пространное поучение. Но Милосердный пожалел нас и всю общность Исроэля и поддерживал учителя нашего, пока тот, поистине чудом, не подошел к концу поучения...

Почтение, преподанное им тогда, именуется "*Тикью тохэха*", оно вошло в *Ликутэй тиньяна*. Самый конец его я записал со слов учителя уже после *Йом а-Кипурум*. Кончив говорить, он, как всегда в таких случаях, велел нам петь, а сам удалился.

Всю последующую ночь он находился в тяжелом состоянии, жизнь его висела на волоске. Ходили за врачом, но привести его не удалось. Учитель наш счел это за благо, сказав, что тот, кто не хочет распрощаться с жизнью, не допустит, чтобы его посетил доктор. Может статься, что сам больной пошлет за доктором, — тогда его близкие должны предотвратить появление врача. Меня не было, когда он сказал это. Доктора

решили позвать, против моей воли, и похоже, что тот приблизил кончину нашего учителя.

2.

Во второй день *Рош а-Шана* он молился один в своей комнате, а не вместе со всеми нами, как бывало, и уж нечего говорить, не принял участия и в совместной трапезе. Зато он много беседовал с людьми, по своему обыкновению, с каждым в отдельности. И никому не приходила на ум мысль о его предстоящей скорой кончине...

3.

Накануне *Йом а-Кипурум* мы пришли к нему, и он, как всегда, благословил нас — каждого в отдельности. Однако в его облике было нечто пугающее, и все, кто пришел за благословением, испытали страх и крайнее смущение. Невозможно описать величие святости, излучаемой его лицом, повергавшим нас в благоговейный трепет. Блаженны удостоившиеся получить в тот день его благословение — последнее благословение перед его кончиной.

В день Искупления (*Йом а-Кипурум*) он снова молился в одиночестве и не участвовал в совместной молитве. Когда приблизилось время заключительной молитвы *Нэила*, мы, не зная, кто будет молиться перед святым ковчегом, собирались спросить его. У меня появилось острейшее желание пойти к нему, чтобы снова его увидеть. Раби Нафтали, одолеваемый тем же побуждением, присоединился ко мне, и мы отправились вместе. В страхе и трепете вошли мы в его комнату. Так бывало всегда, когда нам предстояло переступить порог и предстать перед ним. И еще труднее обычного это было сделать в тот раз — в День Искупления, перед заключительной молитвой Дня, когда приближалась его кончина. Но вот мы переступили порог и стояли пред ним в сильнейшем замешательстве. Он отрывисто спросил, что привело нас к нему. Преодолевая смущение, мы задали свой вопрос: кто будет вести заключительную молитву? Не произнеся ни слова, он сделал рукой жест, означавший: "Уходите, уходите! Сейчас мне не до этого. Поступайте, как вам угодно!"

По окончании *Йом а-Кипурум* мы снова пришли к нему вместе. Он выглядел необычайно слабым и не был приветлив с нами.

4.

Утром на следующий день после *Йом а-Кипурум* явилась к нему вся община. Он был весел и разговаривал со всеми очень приветливо. Я пришел несколько погодя, в то утро я молился позже других. Войдя, я застал его беседующим со своими приверженцами из Теплика. Он наставлял их, укрепляя их дух, с радостью и любовью...

В тот же день я снова посетил его. Решиться на это помог мне его брат раби Йехиэль. Было это в полдень. Войдя, я нашел его сидящим в кресле, поставленном посередине комнаты. Он сразу же велел мне закрыть дверь. Сделав это, я показал ему свои записи поучения. Он внимательно прочитал написанное, исправил неточности и восполнил пропущенное... Делал он это с радостью и любовью; такой близкий, он был ласков и приветлив со мною. Я удостоился того, что он истолковал мне смысл стиха "Трубите в Новолетие в шофар". С него начинается поучение. Тогда, в *Рош а-Шана*, он оставил его без толкования...

Так пришли к концу все слова, которыми при жизни он облек свое учение. Ибо уже никогда больше его святые уста не произнесли ни единого поучения. Я вышел от него и сразу же отправился записывать услышанное.

Во второй половине дня я снова побывал у него. Это посещение было связано с его переездом в дом, где он жил до *Рош а-Шана*. Во время пребывания в Умани он

несколько раз менял жилье, об этом многое можно было бы рассказать... Как только переезд состоялся, мы стали приводить жилье в порядок, расставляя все по местам. Но для кровати его никак не могли найти места. Он отвергал все предложения, пока я не догадался, что следует передвинуть сундук, а на его место поставить кровать. На этой кровати и на этом месте он и скончался. Только спустя некоторое время меня осенило, почему он так тщательно выбирал, вернее искал, место для своей кровати. Место кончины нашего учителя было точно предопределено со времен изначальных. Это стало понятно нам из его слов, сказанных в день, предшествовавший кончине.

После переезда в тот дом и до последнего дня он выглядел изнуренным и был замкнут. В те дни я был занят переписыванием поучения и посещал его редко. А он, благословенна его память, постоянно спрашивал, где я. Я же подумывал о том, чтобы съездить домой на праздник *Суккот*. Ведь никто из нас даже и представить себе не мог, что он может умереть, — хотя его безмерная слабость была очевидна. Однако Всевышний сжалился надо мной, сделав так, что домой я не поехал и удостоился быть рядом с учителем в час его кончины.

5.

За день до начала праздника *Суккот*, когда я пришел к нему незадолго до предвечерней молитвы, я застал там моего друга раби Нафтали и еще нескольких человек. Состояние раби Нахмана продолжало ухудшаться. Раби Нафтали сообщил мне, что ходил звать врача. Я рассердился на него, но ничего не мог изменить — почти все были против меня. В ту ночь, накануне *Суккот*, я ночевал у него, и тогда он продиктовал мне свое завещание. Дочери его Хае, да продлится ее жизнь, причиталось триста червонцев, а его супруге — сумма, оговоренная в *кэтубе* (брачном контракте). Он хотел еще кое-что добавить к завещанию, но я возразил ему: "И в том, что вы успели продиктовать, нет никакой нужды. Вы сами выдадите свою дочь замуж". (Я и слышать не хотел ни единого слова, когда он упоминал о его предстоящей кончине.) Он сказал: "Для Всевышнего возможно все". (Всю свою исполненную святости жизнь он никогда не упрямылся. Его слова означали: "Я-то знаю, что близится моя кончина, но, конечно же, для Всевышнего невозможного нет".) И добавил: "Эти три года я прожил чудом". (Миновало три года с тех пор, как у него открылась чахотка.) Я сказал: "Раз так, нет сомнения, ваша жизнь продлится. Велико милосердие Небес!" (Я хотел только одного — чтобы он остался жить, и не желал больше слышать о завещании.) И он повторил: "Для Всевышнего возможно все!"

Это была трудная, беспокойная ночь. Кровохарканье, начавшееся на второй день *Рош а-Шана*, повторялось снова и снова. Ему становилось все хуже. Он покорился воле окружающих его людей и, несмотря на мое сопротивление, перед рассветом привели доктора...

6.

Утром шестого дня недели он попросил найти для него удобное кресло. Как только принесли кресло, он уселся в него с нашей помощью. Мы накинули на него *талит* и возложили *тфиллин*. И тогда у него, облаченного в *талит* и увенчанного *тфиллин*, началось кровохарканье. Задыхаясь от кашля, он велел мне поддерживать его голову. Он едва не умер, но, по милости Всевышнего, жизнь его не покинула. Придя в себя, он начал молиться и молитву свою завершил.

В кресле этом он время от времени просиживал довольно долго. В *Суккот* он в *сукку* (кущу) так и не вошел, потому что был слаб безмерно, состояние его было предельно опасным. Мы не отходили от него ни на мгновение. На наших глазах жизненная сила покидала его.

И тогда я обратился к нему со склоненной головой и разбитым сердцем: "Раби, спасите себя сами!" Он ответил: "У меня нет желания..." Я сказал: "Пожалейте своих детей и своих людей!" В ответ он склонил голову и промолвил: "Тише, тише..." — как бы желая сказать: "Я далек теперь от всего этого необычайно..." О многом мы говорили в тот день. Весь день и всю последующую ночь — ночь субботы и первого дня *Суккот* — он провел в кресле. Время от времени он склонялся к стоявшему рядом с креслом столу и опускал на него голову, подложив руку. Возможно, он засыпал коротким мимолетным сном. Мы стояли перед ним, сменяя друг друга. Спали мы по очереди и всю ночь не оставляли его одного ни на миг.

В субботу утром, в первый день *Суккот*, мы одели его в субботние одежды и облачили в *талит*. Сидя по-прежнему в кресле, он приступил к утренней молитве. Как только он закончил молитву, в комнату вошло разом много людей: местные жители пришли повидаться с ним в праздник *Суккот*. Он был с нами приветлив, хотя говорил совсем мало, опасаясь приступов кашля; да и доктор предостерег его...

7.

По окончании субботы, во вторую ночь праздника *Суккот*, он велел перенести его в постель. Длительное сидение в кресле изнурило его чрезвычайно. Спустя какое-то время он сказал, немного возвысив голос: "Помнишь ли ты мой рассказ?" Я замер в волнении — ведь мне привелось слышать от него столько необычайных, повергающих в трепет рассказов! "Какой рассказ?" — спросил я. Он ответил: "Тот, что я поведал тебе, когда переезжал в этот дом". Я вспомнил и пришел в смятение. Это был рассказ о *Бааль Шем Тове*, благословенна его память, — как он пришел в одно место, где пребывало множество великих душ, которые он должен был исправить, и понял, что может добиться этого лишь ценою собственной жизни (см. *Хайей Моаран*, 191, 217). Потрясенный, я не мог произнести ни слова. Он промолвил: "С давних пор многие ждут меня здесь с нетерпением в надежде привлечь сюда. Что сказать тебе — это тысячи, десятки тысяч!" Слово "десятки" он произнес протяжно, давая понять, что здесь, в Умани, дожидались его многие десятки тысяч душ, и теперь они окружают его в уповании, что он осуществит их *тикун*, исправит их. Именно по этой причине пришлось ему изведать горечь страдания, перенести безмерные муки. Он повернулся к стене и протянул в ее сторону руки жестом, говорившим: "Вот, я отдаю свою душу. Я готов ко всему — ради Него, Благословенного!"

Об исправлении душ он поведал нам в ряде бесед и поучений, дав нам понять, что посвящает ему много усилий. (См. поучение "И сказал Боаз Рут" — о "**хозяине поля**".) И нам открылось, что все страдания и травля, которую ему пришлось вынести, обрушились на него потому, что он занимается исправлением душ. И в этом же причина его переезда в Умань с намерением покинуть там этот мир...

8.

В ночь четвертого дня *Суккот*, последнего дня его святой жизни, после полуночи, при нем находились раби Нафтали и раби Шимшон. Я в это время спал: пришел мой черед передохнуть несколько часов. В ту ночь он снова говорил о необходимости исправления душ и повторил, что в Умани пребывает множество душ, нуждающихся в исправлении. Он сказал: "Сколько здесь было казней, сколько здесь было святых!.."

Раби Нафтали спросил его: "Разве в поучении "И сказал Боаз Рут" вы не говорите, что величайший праведник, *цадик*, способен завершить исправление душ при своей жизни?" И он, благословенна его память, ответил: "Я имел в виду только один из аспектов исправления душ. Чтобы достичь полного исправления нужно отдать жизнь!" Внезапно он спохватился, как человек о чем-то вспомнивший. Он достал ключ от

комода и, вручив его раби Нафтали и раби Шимьону, велел им сразу же после его кончины, как только тело его положат на землю, извлечь из комода его рукописи и без колебаний сжечь их все до одной. Полные смятения, раздавленные горем стояли они перед ним. Шепотом они признались друг другу, что теперь не остается сомнений — он приготовился покинуть этот мир!

"К чему вы шепчетесь, — сказал им наш учитель, — можете говорить о моей кончине, не скрываясь, я не страшусь ее! Если же вы тревожитесь о самих себе, то напрасно: ведь я отправляюсь перед вами. Даже души, которые не знали меня, уповают на то, что я исправлю их. А вам-то уж и вовсе нечего беспокоиться — я иду впереди вас!.." Все это было той ночью, и я в это время спал...

Проснулся я через час после полуночи и сразу же явился к нему. Раби Нафтали и раби Шимьон стояли перед ним, а он сидел в кресле. Раби Нафтали шепотом рассказал мне о том, что произошло ночью: как он передал ключ от комода и велел сжечь все рукописи. Потрясенный, я сказал себе: не остается никаких сомнений — он готовится покинуть нас. Всевышний не допустит этого! Невозможно представить себе, что Всевышний возьмет его из этого мира, когда все так нуждаются в нем...

Я стоял перед ним вместе с раби Нафтали и раби Шимьоном, а он сидел в кресле, смотрел на нас и не произносил ни слова. Обращаясь к раби Нафтали, я прошептал: "Иди, поспи. Ведь ты совсем не спавши". Но раби Нафтали не желал уходить. Душа его была истерзана тем, что он услышал этой ночью из уст учителя нашего. Обуреваемый любовью к нему и страстным желанием еще насладиться сиянием его святого лица, он хотел оставаться подле него. Однако спустя какое-то время сон стал одолевать его, и он ушел. Да и раби Шимьон прикорнул на полу, здесь же, у кресла учителя. Ушли поспать также и прислуживавший учителю человек и его жена. И только я один остался, чтобы бодрствовать около него, охранять его и служить ему.

9.

Эта ночь была последней ночью в его жизни. Все часы от полуночи до рассвета я находился рядом с ним, не отходя ни на миг, но не удостоился беседовать с ним, потому что не решался ни о чем его спросить. Он же, благословенна его память, — как я понял впоследствии — поистине жаждал, чтобы его спрашивали и требовали ответов. И он ответил бы нам. Но из-за великих грехов наших и от великой любви к нему — мы не решались...

В эту ночь я стоял перед ним, и он глядел на меня взглядом, повергавшим в трепет. Это был взгляд говорящий, равноценный речи. В нем было провидение всего, что мне предстояло испытать — вообще и в частности. Теперь, что бы со мной ни случилось, я снова и снова осознаю, что он предсказал это мне своим взглядом. Его взгляд говорил: "На кого я оставляю тебя со всеми сокровищами, хранимыми у тебя? Что станется с тобою? Ведь многие поднимутся на тебя! И как совладаешь ты с ними, такой беззащитный?.."

10.

Он попросил уложить его в постель. Я подошел к нему, он склонил голову мне на плечо и оперся на меня всем телом. Я обнял его и поднял, так что ноги его едва касались земли, и перенес в кровать, стоявшую довольно далеко от кресла. Когда я опускал его на нее, он сказал на идиш: "Паволе, паволе!" (осторожнее). Я бережно уложил его в постель, проявляя величайшую осторожность. Его предостережение крайне меня удивило, и он, прочтя в моих глазах изумление, сказал: "Я теперь отяжелел, потому и предостерег тебя". (Иными словами, человек, приближаясь к смерти, становится тяжелее по мере того, как жизненные силы покидают его. Но я не

желал понимать...)

Лежа на кровати, он вновь устремил на меня долгий пристальный взгляд. Тогда я удостоился прислуживать ему совершенно один, я приносил и подавал ему все, что требовалось. Когда я предложил ему хоть чем-нибудь подкрепить свою душу, он спросил: "Что ты собираешься мне дать?" Я сказал: "Немного чаю". — "Ладно, — сказал он, — с яичным желтком". (В те дни ему давали чай с желтком — для ослабления кашля.) Я приготовил сладкий чай с яичным желтком и подал ему. Он попросил принести воды для рукоомовения и, совершив его, принял из моих рук стакан с чаем. Чай был еще слишком горячий и мог вызвать кровохарканье. Я взял у него стакан и стал остужать чай, переливая его из стакана в стакан и давая ему пробовать, достаточно ли чай охладился. Когда чай оказался пригодным для питья, он благословил его и выпил.

11.

Как только стало светать, меня охватила радость. Я почувствовал прилив сил оттого, что удостоился вволю послужить ему, проведя подле него несколько часов подряд, — не всякий день я удостоивался этого. И я радовался, не зная-не ведая, что в тот день возьмет от нас Всевышний повелителя нашего.

Рассвело. Пришел человек, прислуживавший ему постоянно, появились другие люди, и я отправился в *микву*, чтобы совершить омовение перед молитвой. Когда я возвратился, он сидел на кровати, облаченный в *талит*, и молился. На коленях у него лежал молитвенник Аризаля, в руках он держал этрог и лулав с веточками мирта и ивы. Он читал *Алель* голосом довольно громким, слова молитвы были слышны всем присутствующим. Блаженны созерцавшие его и внимавшие его голосу, когда он, сжимая в своих святых руках "четыре разновидности растений", читал *Алель* и *Ошанот* в последний день своей жизни. После того, как он завершил молитву, все собравшиеся перешли в смежную комнату и совершили там совместную молитву.

По окончании молитвы я отправился в дом, где ночевал и столовался. Хозяина я не застал и решил было немного поспать до его прихода. Заснуть не удалось, и я достал рукопись последнего поучения, чтобы внести в нее кое-какие уточнения. Появился хозяин и дал мне поесть. Необходимо было поспать, но меня не оставляло беспокойство и я надумал отправиться в дом учителя нашего и спать там. Когда я вошел, в комнате стоял сильный шум, присутствующие были в смятении. Я застал учителя нашего в кресле. Было видно, что его последние силы иссякают, — жизнь покидала его. Со всех сторон тянулись к нему руки людей, пытавшихся, как это принято в подобных случаях, вернуть его к жизни при помощи дорогих благовоний. Напуганный этим зрелищем, я велел немедленно перенести его на кровать, но тут он, благословенна его память, сделал протестующий жест рукой.

12.

Спустя немного времени мне стало ясно, что он едва жив и в кресле ему больше оставаться нельзя. Я снова велел перенести его на кровать, и на этот раз он не стал возражать. Один из присутствующих, житель Травицы, перенес его на кровать. Когда он укладывал его, я взял его святую руку и пожал ее, обняв своими руками. Я вложил в это рукопожатие всю свою нерасторжимую близость к нему.

Наш учитель лежал, облаченный в прекрасное шелковое одеяние. Он велел раби Шимьону расправить на нем одежды, застегнуть пуговицы на рукавах рубашки и убедиться, что они не выглядывают наружу больше чем следует. Потом он попросил смыть с его бороды следы крови. Мы сделали это. И вот он лежал на своем ложе, несравненно чистый, обретший полнейшую свободу. Он держал в руке небольшой

шарик из воска, оплывшего на светильнике, и перекатывал его между пальцами. Так делал он часто в те дни, погружаясь в глубокое размышление. В тот предсмертный час его мысль, достигнув чудесной свободы, возносилась к неведомому...

13.

Он лежал на своем ложе. Внезапно до нас донесся нарастающий гул. Это были отголоски пожара, вспыхнувшего на одной из ближайших улиц: гудение пламени, раздуваемого ветром невиданной силы. Под напором бури обрушилась *сукка* (куща), сооруженная рядом с домом. Присутствующие сорвались с мест и понеслись на пожар. Я же сначала колебался, не желая покидать учителя. Вглядевшись в его лицо и почувствовав, что на короткое время его можно оставить, я побежал на пожар — взглянуть, что происходит. Но не успел я добежать, как пожар прекратился. Всевышний смилоствивился над народом Своим, пламя чудом погасло при ураганном ветре. Об этом сообщили мне встречные, и я сразу же повернул назад.

Мы стояли у его ложа. Дом был полон людей. Увидев, что близится кончина, они начали читать молитву за праведников из "Перехода через Ябок". Вдруг нам показалось, что он скончался, и, сотрясаемые рыданиями, мы начали взывать: "Раби, раби! На кого ты покинул нас?!"

Он услышал наши голоса и поднял голову, обратив к нам свое лицо, выражение которого повергло нас в трепет. Он как бы говорил: "О, нет! Я не покидаю вас, упаси Б-г!"

И вскоре он ушел от нас, чтобы приобщиться к своим отцам в великой святости и чистоте. Сверкающий и чистый, он покинул этот мир без малейшей тени смятения, без единого жеста непокорности, ушел, объятый безмятежностью, внушающей благоговейный страх.

Присутствовали там люди из погребального общества. И все они говорили потом, что видели многих, умиравших в чистоте и при ясном сознании, но ничего подобного им видеть не приводилось.

И это все, что наше жалкое разумение сумело воспринять и запечатлеть. Но истинное значение этой смерти непостижимо. Тот, кто хоть в ничтожной мере осознал его величие, испытав на себе воздействие его трудов, бесед и повествований, знает, что совершенно невозможно говорить о столь поразительном, необыкновенном уходе из этого мира.

Что мне сказать? И как я могу говорить? Чем я могу воздать Всевышнему за то, что удостоился быть там, когда отлетала его душа? Если только ради этого я пришел в этот мир — этого довольно.

14.

Великий плач огласил дом, и мы возопили: "Силой великой десницы Твоей разбей оковы..." Ни одна женщина не появлялась у его смертного одра от часа его кончины и до похорон. И это само по себе удивительно. Дочерей его тогда не было в Умани, а его жена, вторая жена, с которой у него не было никакой близости, не решалась войти, чтобы оплакать его. Она плакала в своей комнате.

Как только душа его отлетела и разразился безутешный плач и горькие рыдания, раби Шимьон отворил комод и извлек из него рукописи нашего учителя, которые он не показывал нам при жизни. Там было несколько книг и разрозненные рукописи. Раби Шимьон взял их все и направился в другую комнату, чтобы, по повелению учителя, сжечь их. И я пошел за ним с душой, исполненной горечи, сотрясаемый рыданиями, дабы удостоиться вдохнуть священный дым его пылающих откровений, которых поколение наше оказалось не достойно. Горе нам! Что мы потеряли!..

После того, как раби Шимшон бросил рукописи в огонь, я вернулся в комнату нашего учителя и увидел, что тело его уже лежит на полу. Лицо его было открыто, казалось, он чуть-чуть улыбался. Черты лица его были, как у живого, когда, бывало, он, погруженный в свои мысли, ходил по комнате из угла в угол. И так же, как тогда, его лицо осеняли истинное очарование и чудесная красота во всех ее воплощениях, какие только существуют в мирах. Поведать об этом можно лишь человеку, созерцавшему его лицо при жизни, когда он ходил по комнате из угла в угол...

15.

Он скончался через несколько часов после полудня, в третий день недели, в четвертый день *Суккот*, в восемнадцатый день месяца *тишрэй*, в году 5571 (16 октября 1810г.)... Хоронили его утром следующего дня. Перед похоронами все совершили омовение в микве. До того, как пришли за ним, я вошел в его комнату, опустился около него на землю и стал говорить ему на ухо все то, что страстно желал сказать ему при жизни, да так и не привелось. Слезы лились из моих глаз, я оплакивал его. Собрались люди и окружили нас, но я, единственный, плакал над ним на земле, ибо **"глаз мой причиняет мне терзания, превосходящие терзания всех дочерей города моего"** (*Эйха, Плач Ирмэю*", 3, 51). Ведь он сам, благословенна его память, сказал, что я знаю его больше всех.

Когда обмывали его тело, я отвернулся, чтобы не видеть, ибо не подобает смотреть на учителя во время обмывания. Когда начали его облачать, я встал рядом. Как прекрасен он был, когда лежал на столе, облаченный в *талит*, — блаженно око, созерцавшее это!..

Он обрел покой на старом кладбище в Умани, на месте, которое избрал при жизни и которое было уготовано ему от начала творения...

ПОСЛАНИЯ И ПИСЬМА РАБИ НАХМАНА ЕГО ХАСИДАМ ПИСЬМО РАБИ НАХМАНА БРАТУ ИЕХИЭЛЮ В КРЕМЕНЧУГ

Написано в Заславе, в году 5567 (1807).

С Б-жьей помощью!

Второй день недели, когда

читается глава Торы

"По законам Моим".

Любимому брату моему и доброму другу, несравненному учителю моему, совершенному в мудрости раву Иехиэлю Цви, да светит светильник его. Получив твоё письмо, я испытал крайнее огорчение. Как могли эти злые люди набраться такой наглости по отношению к тебе! Не перестаю изумляться тому, что добро не поднялось против них и не поразило зло. Возлюбленный брат мой, душа и сердце мое, не страшись их, мужайся, находя каждодневную опору в Торе и в благоговении перед Всевышним, как договорено у нас с тобой. И да будут заслуги отцов твоих тебе в помощь. Ибо все это направлено к тому, чтобы возвеличить тебя, укрепить достоинство твоё и обострить твой разум. Ведь подобно тому, как росток расцветает и превращается в дерево лишь после того, как истлеет семя, зароненное в землю, так и ты возвеличишься и принесешь плоды свои миру, лишь пройдя через унижения, будучи втоптан во прах. Знали бы нечестивцы это, уж, верно, не стали бы тебя поносить, ибо стремление их — только ко злу.

Да будет известно тебе, что я намерен оставаться здесь, в Заславе, примерно три месяца, после чего разъянятся мои дальнейшие намерения. В здоровье супруги моей, после первоначального изменения к лучшему, наступило ухудшение. Она слабеет с каждым днем. Расходы, связанные с этим, велики: сорок-пятьдесят червонцев только

на жизнь.

Брат мой любимый, друг моей души! О благополучии твоём молюсь постоянно, жду от тебя добрых вестей и надеюсь скоро увидеть тебя в добром здравии и благополучии.

Нахман, сын раби Симхи, да охранит его Всевышний.

Моя жена шлет привет твоей супруге, моя дочь Мирьям приветствует всех вас...

Привет твоим сторонникам и приверженцам. Крепитесь духом и мужайтесь, деяния ваши праведны в мире этом и в мире грядущем.

Нахман бэ-раби Симха.

ПИСЬМО РАБИ НАХМАНА ОБЩИНЕ ЕГО ХАСИДОВ

Заслав, год 5567 (1807)

Сообщаю всем приверженцам нашим, что многочисленные бедствия и невзгоды, выпавшие на мою долю, сделали для меня жизнь в Браславе невыносимой. Буду отныне скитаться от шатра к шатру, нигде не укореняясь. Потому и обращаюсь к вам с просьбой и упованием — пусть не пропадут напрасно те усилия, которые я затратил на каждого из вас. Ради вашего блага, ради душ ваших, я подверг свою душу страшной опасности. Праведен Всевышний, я же согрешил. Деяния мои и поступки мои навлекли на меня бедствия и гонения — смерть моих бесценных сыновей, обвинения и преследования. Но я знал, что мои старания, направленные на то, чтобы вырвать вас из пасти нечистого, привлекли ко мне его пристальный взгляд и заставили его скрежетать зубами.

Поэтому, возлюбленные братья мои и друзья, крепитесь духом и мужайтесь, черпая силы в благоговении перед Всевышним, — каждый по мере своих сил и в соответствии со своей натурой, и да не пропадет втуне мой труд. Храните, как я учил вас, Тору, заповеданную нам Моше, слугой Всевышнего. Знайте, что, хоть я и нахожусь далеко от вас, это отдаление всего лишь телесное. Да будут слова мои, обращенные к вам, близки вам постоянно, днем и ночью. Уведомляю вас, что нахожусь в Заславе и намерен, если будет угодно Всевышнему, провести здесь месяца три.

Нахман, сын раби Симхи, да охранит его Всевышний.

Добавлю, что состояние здоровья позволяет мне обходиться без лечения и не думать о телесном.

ПИСЬМО РАБИ НАХМАНА ДОЧЕРИ САРЕ

Год 5569 (1809)

С Б-жьей помощью!

Третий день недели,

12 день месяца-утешителя *ава*.

Мир моей любимой дочери, скромной и разумной г-же Саре! Мир и благополучие да осенят твою жизнь и жизнь твоего супруга, твоего прелестного сына и твоей умницы-дочки. Амэн!

Вскоре после твоего отъезда отсюда я получил письмо, касающееся состояния здоровья твоей достойной тещи — да дарует ей силы Всевышний, амэн! Со своей стороны могу сообщить, что состояние моего здоровья, с Б-жьей помощью, удовлетворительно. Признаться, мне очень недостает веселых проказ твоего возлюбленного сына Исраэля. После вашего отъезда в доме стоит тишина. Уповаю на Благословенного, жду от тебя добрых вестей.

От твоей милой сестры Мирьям получил письмо, отправленное из Одессы. Их корабль отчалил в 7-й день месяца *ава*-утешителя. Она пишет, что преисполнена радости. Все

опекают ее. Передает привет.

Прошу тебя, поступай так, как я тебе велел. Меньше занимайся домом. Не отказывай себе в мясе и вине. Твое здоровье дороже для меня собственной жизни. Весть о том, что ты совершенно здорова, продлит мою жизнь.

Твой отец, ожидающий от вас вестей воистину благих.

Нахман бэ-раби Симха.

ПИСЬМО РАБИ АВРААМА ИЗ КАЛИСКА РАБИ НАХМАНУ ИЗ БРАСЛАВА

С помощью Б-жьей!

Мир и спасение прославленному и святому учителю нашему раби Нахману, наделенному мудростью и знанием, отпрыску рода святого, внуку *Бааль Шем Това*, благословенна память о нем. Да осияет Всевышний светом Своим его и всех его домочадцев и приверженцев и да осенит миром великим. Да сбудется воля Его!

От посланцев, возвратившихся в Страну Израэля, мы, к радости нашей, узнали, что Вы благополучно вернулись домой. Мы убедились, что не расторгнуты узы любви. От всего сердца желая добра нам, Вы посетили Райсин (Белоруссию), да поможет Вам Б-г!

О том, что случилось с нами после Вашего отъезда, Вам, наверно, известно от нашего посланца раби Элизэра. Еще в прошлом году вступили мы в переговоры с общинами Вольни, но пока не получили от них ни гроша. Не представляя себе, чем все это кончится, не получив помощи ниоткуда, мы пребывали в растерянности и уповали на помощь Небес. Нам пока неизвестно, что Вам удалось сделать для нас в Райсине, где вы лично поведали им о трудностях наших. Надеемся, что Вы нам сообщите об этом.

Помимо того, что мы задолжали наместнику и надо немедля задолженность погасить, — нам приходится жить в постоянном страхе и уповать на чудо. Все от Всевышнего. На Него, сокрывшего лик Свой, надеюсь, на спасение Его уповаю и по Нему тоскую. Он снова сжалится над нами и утешит нас, за страдания наши воздаст нам радостью. Крепко возлюбил Его я любовью вечной. Прославляя Его устами своими, облачил и увенчал для Него душу свою. Да осияет нас Всевышний на месте обитания Своего и да озарит чело наше светом вечным. И укрепнем духом и обретем спасение у Благословенного, ибо деяние Его до конца содержится в Его замысле. Душа моя познала Его вечную милость. Молюсь о Вас постоянно, молитесь же и обо мне всегда. На этом кончаю.

Авраам бэ-раби ми-Александров, благословенна его память.

Мой внук, аврэх Израэль-Элизэр, передает Вам привет от всего сердца и просит молиться за него.

ПИСЬМО РАБИ НАТАНА РАБИ НАХМАНУ

С помощью Б-жьей!

День пятый, 8 нисана 5567 г. (1807)

Вершины, возвестите мир сокровищнице знания, праведнику — основе мироздания, повелителю, учителю и наставнику нашему, оплоту силы нашей, венцу славы всего Израэля, красе Ариэля. Распростерший крылья великий орел! Под сенью его обретем защиту и отдохновение "на два дня, а на третий — поднимет нас", и будем живы. Он будет жив вечно, пока не истребятся небеса.

Величайший мудрец, светоч святой, истинный праведник, непорочный перед Властелином своим, дарующим жизнь всему живому. Хвала ему — безмолвие...

Счастливы мы, блаженно око, созерцавшее этот свет — свет семи дней Творения, сокрытый и потаенный. От Всевышнего изошло это, от небес — достоинство и святость имени его, вызывающего благоговение, — учитель наш и наставник наш раби

Нахман, — Да охранит и да благословит его Всевышний.

Да будет известно учителю нашему, что я ознакомился с посланием учителя нашего его приверженцам, — копию послания прислал мне в Могилев раби Нафтали. Сказанное там поразило меня и привело в состояние, подобное родовым мукам.

Наш дорогой наставник и старший друг, пекущийся о душах всего Исроэля! Что тут можно сказать? Смогу ли я утешить учителя нашего, найти путь к его сердцу святому? И как можно осмелиться коснуться этого? Стези Всевышнего неисследимы и ускользают от глаз смертного. Чего стоят здесь слова? И все же, вопреки всему, я решаюсь высказаться, уповая на благосклонность учителя и его истинное смирение.

Нет сомнения, что господин мой не забыл ничего из того, что пришлось пережить ему до настоящего времени, и как Всевышний помог ему удостоиться разрушить все, что он разрушил, сокрыть все, что он сокрыл, построить все, что он построил, и, наконец, подняться туда, куда он поднялся. И все это осталось сокрыто от глаз всего живого...

Это относится, в частности, к тому, что произошло с Вами в Стамбуле. Всевышний, как всегда, поддерживал Вас, и Вы удостоились тогда того, чего удостоились.

Ныне Вы, пребывая в глубокой печали, склонны думать, что хуже, чем теперь, никогда не бывало. Но я сам слышал из Ваших же святых уст, что так всегда кажется человеку страдающему. Если же действительно худших времен не бывало, то, напротив, из этого следует, что, уповая на Всевышнего, мы в близком будущем удостоимся света и радости и сбудутся ожидания Ваши. Об этом и сказано: "Доведу ли я до родов и не дам родить?" (*Йешая*, 66:9).

На этом и остановлюсь, ведь даже то небольшое, что я высказал, я очень боялся сказать. Только Ваше великое смирение помогло мне преодолеть этот страх.

Мы выполняем Ваше повеление молиться и надеемся, что Благословенный смилостивится над нами и всеми сынами Исроэля и пробудит сердца наши, чтобы мы удостоились подлинной молитвы. Ведь будь мы отзывчивей, мы кричали бы на базарных площадях и на улицах, взывая к Всевышнему, чтобы Он излил на нас милосердие Свое. На нас и на все творения Свои, на все падшие души, жаждущие укрыться под Его крылами, но пока не удостоившиеся этого.

Тем более велика та добрая воля, которую Вы проявляете по отношению к нам и, в том числе, ко мне. Поистине Вы подняли меня из праха и ввели в число достойных. Но я еще наг и нет у меня облачения. Не знаю, возможно ли уподобить меня хотя бы младенцу, не отнятому еще от груди. И нет у нас никого, кроме учителя нашего, чтобы кормить нас, насыщать нас благодатью и наделять жизненной силой. В нем — жизнь наша и долгоденствие. О, Всевышний, только Ты знаешь, ниспосылалась ли подобная милость кому-то со времен сотворения мира, как та милость, что ниспослана нам всем и каждому из нас в отдельности, когда каждый из нас знает изъяны своего сердца, даже те из нас, кто за всю свою прежнюю жизнь не видели проблеска добра.

Поэтому обязаны мы изливать свою душу в молитве перед Всевышним, раскрывать перед Ним свое сердце. На Него полагаемся мы и не устыдимся вовек! За каждый день бедствия нашего Он воздаст нам радостью, даст насладиться нам, явив нам сияние лика Своего. И напоятся души наши светом Его, насытятся радостью, осиянные святым ликом Превечного: "В свете лика Царя — жизнь и благоволение Его — как весеннее облако дождевое" (*Мишлей*, 16:15).

Жизнь и благоволение Его — да будут дарованы нам и всему Исроэлю. На этом заканчиваю. Пришло время предвечерней молитвы. В ожидании и надежде припасть к Вашим стопам и насладиться сиянием святости нашего учителя.

Малейший из малых

Натан бэ-раби Нафтали Херц.

ИЗБРАННЫЕ ПОУЧЕНИЯ И ВЫСКАЗЫВАНИЯ РАБИ НАХМАНА

Подборка Ицхака Альфаси

Мысль и разум. Творец и творение.

Тора и ее тайны. Народ Израэля.

Священный язык. Молитва. Правда и ложь.

Суббота и праздники. Изречения.

Мысль и разум

Знай, что существуют две разновидности ума: "ум задний" и "ум передний". Есть "задний" ум, что приходит с годами, для его накопления необходимо время. Но есть ум, который с необычайной силой проявляется уже с раннего возраста, ибо он независим от времени, выше времени. Это ум, устремленный вперед, как лицо человека... Такой ум проявляется неожиданно, без всякой подготовки со стороны человека, его источник — благодать, дарованная Всевышним. Движение разума согревает сердце. Ведь в природе всякого движения — порождать тепло. И движение разума порождает сердечное тепло, воспаляет сердце.

* * *

Вечная жизнь — у Одного только Благословенного, ибо Он — Вечноживой. И тот, кто приобщится к Источнику, также обретет вечную жизнь: приобщившись к Единому, человек становится неотделимым от Него и, подобно Ему, обретает вечную жизнь. Также и полностью обладает Один только Благословенный, а все и вся, кроме Него, ущербны. И лишь тот, кто приобщается к Нему, обретает полноту. Вообще главное — приобщиться к Единому, а это достигается познанием Его, Благословенного, как сказал мудрец: "Если бы я познал Его — стал бы Им".

* * *

Говорят, что с течением времени мир человеческий становится все умнее. Истина же состоит в том, что предшествующие поколения были несравненно умнее: они открыли основы мудрости. И уж после того, как они все подготовили, позднейшие поколения достигают еще большей мудрости, поскольку пришли на готовое.

* * *

Для всего на свете есть свои ограничения, количественные и качественные. И все эти ограничения записаны на камне, положенном в основу мира (*эвэн а-штия*). На этом камне зиждется мироздание. На нем начертаны все законы, которыми следует руководствоваться, он средоточие всякой мудрости, Святая Святых (*кодэш кодашим*). Ибо разум свят (*кодэш*), и при его посредстве все обладающие разумом приобщаются к Святой Святых — всеобъемлющей высшей мудрости, предписывающей все законы, от самых всеобщих до самых частных.

Творец и творение

Воистину любое сокрытие Всевышнего (от человека), даже сокрытие в сокрытии, и оно также, без сомнения, является облачением Благословенного. Ибо без Его животворящей силы невозможно никакое существование. Поэтому несомненно, что во всякое наше слово, деяние, мысль как бы облачен Благословенный. Даже преступление, т.е. поступок, противоречащий Его воле, нельзя совершить при отсутствии исходящей от Него жизненной силы, пусть неявной и крайне ущербленной.

* * *

Есть два сокрытия. Когда Он, Благословенный, сокрыт однократно, найти Его невообразимо трудно. Но все же, зная, что Благословенный сокрыт от него, человек может, приложив предельные усилия, прорваться к Нему, найти Его.

Когда же Благословенный сокрыт от человека сокрытием в сокрытии, т.е. когда сам факт сокрытия сокрыт от человека и он не знает, не ведает, что Он, Благословенный, сокрыт от него, — тогда вообще невозможно Его найти. Ведь такой человек ничего не знает о Всевышнем, не знает даже того, что Он есть.

* * *

Если говорить о трудностях познания Всевышнего (*кушает*), то ведь они с необходимостью должны существовать. Ему в Его несравненном величии "приличествует", Ему "пристало", чтобы мы испытывали эти трудности. Он так непостижимо высоко вознесен над нами, что мы, разумеется, не можем в полной мере постичь Его провидения. Если бы пути Его провидения, пути Его управления мирозданием соответствовали возможностям нашего разума, наше сознание не отличалось бы — упаси Б-г! — от Его сознания.

* * *

Надо знать, что славой Его полнится весь мир, и нет места, свободного от Его присутствия, которое наполняет все миры, объемлет их и приводит в движение.

Тот, кто поддерживает деловые отношения с язычниками, не может рассчитывать на снисхождение, говоря: "Невозможно служить Всевышнему, когда постоянно имеешь дело с ними!" Ведь наши мудрецы, благословенна их память, открыли для нас истину, состоящую в том, что во всех проявлениях материального начала и в жизни всех языческих народов можно обнаружить присутствие Б-жественного, поскольку без проблеска Б-жественного невозможна никакая жизнь, никакое существование, как написано: "Ты всех наделяешь жизнью".

Однако проблеск Б-жественного там предельно ущерблен, его достаточно только для поддержания жизни и не более.

* * *

Слова Торы которые обычно переводят: "Возлюби ближнего, как самого себя, Я — Б-г!" — допускают иное прочтение: "Возлюби страдание свое: для такого, каков ты есть, Я — Властелин милосердный!" — т.е. прими с любовью все страдания и бедствия, постигающие тебя. Если судить по делам твоим, Он, Благословенный, проявляет к тебе великое милосердие: тебе придаются еще большие страдания, упаси Б-г, чем те, что выпали на твою долю.

Тора и ее тайны

Тора дает жизнь всему в мироздании. Следовательно, Тора облачается во всякую вещь и во всякую мысль. И это относится даже к преступной мысли, к преступному слову и действию, упаси Б-г! Но там она таится в великом сокрытии и ущерблена до предела.

Народ Израэля

Надо отстоять все достоинства, все хорошее, что можно обнаружить в народе Израэля. Сыны Израэля — корона Благословенного, которую нужно украсить разнообразными драгоценными камнями. Это означает, что каждого еврея следует украсить всеми заслугами и добродетелями, которые можно найти в нем.

Молитва

Основу жизнеспособности обретают в молитве, о которой сказано: "Молитва Б-гу Живому". Поэтому надо молиться, не щадя себя. Когда молишься во всю силу и она вливается в каждую букву молитвы, тогда твои собственные силы обновляются.

Для того, кто достигает в молитве полного самозабвения, упраздняя свою телесность, — нет границ. А когда нет границ, возможно приобщиться к Торе грядущей, которая безгранична.

Уединение

Человеку, удостоившемуся обрести привычку к подлинному уединению — лучше всего среди полей и лесов, к уединению, в котором он изливает душу свою перед Благословенным, — каждый шаг там доставляет райское наслаждение. Да и потом, после того, как он возвращается оттуда, весь мир кажется ему совершенно новым, не таким, каким он был прежде.

Главное для уединенной беседы со Всевышним — полнота самоотдачи, при которой человек так изливает душу перед Благословенным, что жизнь его висит на волоске, ибо страдающая душа в своей безмерной тоске и томлении по Благословенному рвется к Нему, готовая покинуть тело. Об этом сказано в речениях наших мудрецов, благословенна их память: "Молитва не будет услышана, если человек не готов отдать Ему свою душу".

Изречения

Стремление сделать что-то хорошее само по себе хорошо.

В любой настоящей книге запечатлен образ автора.

Средоточие мужества — в сердце человека. Тот, у кого сердце надежное, не страшится никого и ничего.

Милосердие — первооснова творения, поскольку все сотворено для того, чтобы стало явным милосердие Благословенного.

Лучше пойти к праведнику пешком, чем отправиться в экипаже.

С возрастом (истинного) знания увеличивается милосердие.

Если верят, что можно испортить, должны поверить, что можно исправить.

Душа даже самого незначительного из евреев способна противостоять целому миру со всеми его соблазнами.

Всякий раз, когда представляется возможность выхватить из этого мира что-то наделенное святостью, — надо выхватывать.

С каждым днем человек приближается к смерти.

Подлинный плач — плач радости. (Слово, означающее "плач" на святом языке — *бэхия*). *Бэхия* — это аббревиатура слов: "*бэ-шимха йагилун холь а-йом*", что означает: "Имени Твоему будем радоваться постоянно".

И в бездне *шеола* можно приблизиться к Благословенному, ибо и там Он присутствует. Ведь сказано (псалом 139): "Расстелю себе ложе в *шеоле*, и вот (снова) Ты!"

Уже провалившись в болото, вопят (взывая о помощи).

Есть много выходов, дающих возможность выбраться из мрака, но человек слеп и не видит их.

Мысль, подобно маятнику в часовом механизме, не знает покоя. Даже когда человек погружается в сон, мозг его продолжает мыслить безостановочно, но спящий забывает свои мысли.

Когда человек, погрязший в материальных интересах, порывает со своим материализмом, каждый шаг его на этом пути дорог Благословенному, и человек семимильными шагами продвигается в мирах высших. Следует воздерживаться от возражений, подкрепляемых постановкой трудноразрешимых проблем. Когда их пытаются разрешить, возникают проблемы труднее прежних, и в них погрязают. Лучше промолчать и исполнить заповеданное Торой: "Молчание — ограда мудрости". Нельзя человеку становиться старым: ни старым цади́ком (праведником), ни старым хасидом (приверженцем праведника). Старость предосудительна. Человек обязан повседневно обновляться и начинать все сизнова.

На исходе *Йом а-Кипу́рим* (Дня Искупления) я прикладываю ухо к стене и слышу стук молотка *шамаша* (служителя в синагоге), призывающего к чтению *слихот* (молитв о

прощении) перед следующим Днем Искупления.

Не может еврей умереть, оставаясь вероотступником: даже такой еврей перед смертью испытывает раскаяние и полностью возвращается к вере, так что он покидает этот мир совершенным праведником.

Слезы открывают врата, песнопения сокрушают стены.

Даже тот, кто — упаси Б-г! — опустился на самое дно бездны греха, может возвратиться к Благословенному и прилепиться к Нему. Ведь сказано: "Земля полнится славой Его!"

Только познание Б-жественного ведет к полноте. Всякое иное знание бессодержательно и по сути не является знанием.

Полноценное знание достижимо тогда, когда познание поверяется сердцем, — дабы твердо знать, знать самим сердцем, что Всевышний — наш Властелин.

Так бывает, что отмена занятий Торой соответствует ее сути.

Тот, кто способен написать книгу, но не пишет, — точно ребенка своего хоронит.

Если кто-то при тебе обличает евреев — заступись и постарайся быть убедительным, говоря об их достоинствах.

В каждом еврее есть что-то от царственности. Что именно и в какой степени — зависит от того, каков человек.

При посредстве святого языка мы были вознесены над всеми языками (т.е. народами).

Ведь ни один из языков не может сравниться со святым языком (*лашон а-кодэш*)!

Суть молитвы в том, чтобы она исходила из души, в соответствии со сказанным: "Каждая душа пусть прославит Всевышнего!" А *Машиах* (Мессия) принимает все молитвы.

Кто уединяется в отдалении от людей — к тому льнут Небеса.

Подлинное достоинство можно обрести только благодаря уединению.

Уединение — это высшая ступень.

Лучше пренебречь изучением Торы, чем осрамить еврея.

Трапеза еврея (подобна жертвоприношению в Храме и) очищает его от всех грехов.

Тот, кто позорит ближнего своего, — теряет дар речи и память.

Поносящий мудреца или его сотоварища в присутствии мудреца — безбожник. Он приравнивается к тому, кто дает Торе ложное толкование, противоречащее традиционному.

Тот, кого одолевает стыд, может уповать на спасение.

Тот, кто верит, не ведает страха. Вера порождает мир и благоденствие.

Тому, кто полагается на Всевышнего, не грозит преждевременная смерть.

Человека, не дающего воли своему гневу, не одолеют враги.

Не кипятись — и не согресишь.

Нет такой вещи внизу, у которой не было бы звезды наверху.

Праведник — это образ Всевышнего, запечатленный на поколении.

Праведника называют несущим ношу: на нем держится весь мир.

Когда еврей в очередной раз посещает *цадика*, он должен испытывать волнение, какое испытывал в первый раз. Ведь ему предстоит все начать сначала — с новым воодушевлением, заново преодолев себя.

Обновление разума — это обновление души... Знай, что можно кричать едва слышным шепотом...

Знай, что человек должен пройти по очень, очень узкому мосту. И главное здесь — ничего не страшиться.

Изучение Торы без соблюдения заповедей — это как мирт, благоухающий, но

лишенный вкуса.

Когда народ Исроэля един — все другие народы страшатся его.

СНЫ И ВИДЕНИЯ РАБИ НАХМАНА ИЗ БРАСЛАВА

Из книги раби Натана Штернарца "ЖИЗНЬ УЧИТЕЛЯ НАШЕГО РАБИ НАХМАНА"

"Он святой наставник наш, человек величайший среди гигантов, светоч святой, светоч несравненный, учитель всего Исроэля, неиссякаемый родник, источник мудрости, человек Б-жий, наш учитель — раби Нахман, благословенна память праведника и святого, потомок Б-жественного таная, святого во Исроэле, учителя нашего раби Исроэля *Бааль Шем Това*, благословенна память праведника и святого, — заслуги их да охранят нас и весь народ Исроэля, амэн".

НОВЫЕ РАССКАЗЫ

1. Год 5565-й. Я стоял и насыщался от (щедрот) стола и погружался в море. И все народы и все цари стояли, и созерцали, и изумлялись: вот он — стол царей, море мудрости, у которого я совершу откровение мудрости — невиданное...

2. То, что он рассказал в начале лета 5564 года.

И начал так: Поведаю вам, что я видел, и расскажете сыновьям своим.

Некто возлежит на земле, а вокруг него сидят, образуя круг. А вокруг того круга — еще круг. А вокруг этого круга — еще круг, и так — еще несколько кругов. А вокруг них сидят еще сколько-то людей — уже беспорядочно.

И тот, кто сидит посредине, (склонившись на бок), — шевелит губами. И все, что сидят вокруг него, шевелят губами вслед за ним. А потом я вижу вдруг, что нет его, (сидевшего в центре). И все сидевшие вокруг него перестали шевелить губами. И я спросил: "Что это?" И ответили мне, что он замерз и умер, и перестал говорить, и они (также) перестали говорить.

А затем все побежали, и я побежал за ними. И увидел два дворца прямо перед собой — здания необычайной красоты, а в них обитают два властителя. И те добежали туда, до этих властителей, и начали упрекать их: "Зачем вы ввели нас в заблуждение?" — и хотели убить их.

И выбежали властители наружу. Я увидел их, и их естество было исполнено для меня необыкновенной прелести. Я побежал за ними и издали увидел прекрасный шатер. Из него кричали властителям: "Вернитесь назад и потребуйте все права, которыми вы обладаете, и возвратите их себе! Идите к светильнику, висящему там, и действуйте по своей воле".

Они вернулись назад и обрели свои права, а были там целые свитки прав. И побежали к светильнику, а я побежал за ними. И увидел светильник (зажженный), висящий в пространстве. И подошли властители и швырнули правами в светильник, и искры из светильника упали во рты их. А светильник (сиял), как прежде. И из него возникла река. И пили из нее все, и внутри у них появились живые создания. А когда начали говорить, эти создания вышли из них, и я увидел, как те уносились и возвращались — не разновидность человека или разновидность животного, но (все же) создания.

Потом держали совет (и решили) вернуться на место. Но сказали: "Как сможем мы вернуться на место наше?" Ответил один: "Отправим (посланника) к тому, стоящему там и простирающему меч с небес на землю". И сказали: "Кого пошлем?" Посовещались (и решили) отправить эти создания.

И направились туда создания. А я побежал за ними и увидел того, ужасающего, что стоит от неба до земли с мечом в руках, простертым с небес до земли. А меч этот — многоострый: одно лезвие — для убийства, одно лезвие — для разорения, одно лезвие — для изнурения, и далее ряд лезвий — для прочих кар.

И стали упрашивать: мол, долгое время ты причинял нам страдания, отныне же будь нам в помощь и приведи нас на место наше. (И сказал: "Я не могу вам помочь".) И просили: "Дай нам лезвие для убийства, и мы убьем их". Но он не хотел. И просили другое лезвие, но он не хотел дать им ни одно из лезвий. И возвратились. Между тем пришло повеление казнить властителей, и им отсекали головы.

И тогда все вернулось к началу, и некто возлежал на земле, как прежде, а вокруг него сидели, образуя круги... и побежали к властителям... — все, как сказано выше.

Только теперь я увидел, что властители не швырнули правами в светильник, но взяли права, подошли к светильнику и в сокрушении сердца предавались молениям пред светильником, и из него упали искры во рты их... И снова предавались молениям, и из светильника возникла река... и появились создания, как прежде.

И мне сказали, что эти (властители) останутся в живых, тогда как первые были обречены смерти за то, что швырнули правами в светильник и не предавались молениям пред светильником, как эти.

Я не мог этого постичь, и мне сказали: "Иди в тот покой, и тебе истолкуют это". Я пошел туда, и там сидел один старик. Я спросил его об этом, а он взялся рукой за свою бороду и сказал мне: "Вот моя борода, она и есть истолкование происшедшего". Я обратился к нему: "Не постигаю и теперь". И он сказал мне: "Иди в тот покой, там найдешь объяснение". Я пошел и увидел покой, длинный и широкий — до бесконечности, весь заполненный рукописями, и на каком бы месте я их ни открывал — находил там истолкование происшедшего...

* * *

Все это слышал я из святых его уст. И сказал он, что все поучения, которые он когда-либо высказал, касаются намеков, содержащихся в этом рассказе. Исходное же поучение — *Тиша тикуним* (Девять исправлений) из *Ликутэй Моаран*¹ — все оно представляет собой толкование этого рассказа. Посвященный сумеет уловить там и постичь несколько поразительных намеков. Вникни в то, что там разъяснено, а именно: сердце отверзается подобно тому, как сказано²: "Отверз скалу, и излились воды..." Вникни в это, сопоставив с реками, которые упоминались. Глубоко постигни все поучение и удостоишься неожиданно для себя понять некоторые намеки, содержащиеся в этом грозном видении.

Тот, кто возлежал на земле, "а потом я увидел вдруг, что нет его... И ответили мне, что тот замерз и умер", — это, как разъяснено в упомянутом поучении, — о душе, отягощенной страданиями, как сказано: "Ломтем хлеба с солью будешь кормиться". Вникни в это. Возможно, здесь намек на то, что говорится в Мишне³ (после слов "Ломтем хлеба..."): "... и спать будешь на земле".

И возможно, что описание возлежащего на земле, окруженного многими кругами сидящих и сверх того сидящими беспорядочно, намекает на то, что именно от души все получают самое насущное, ибо все разъяснения Торы исходят от нее.

Возможно также, что "шевелившие губами" заняты разъяснением Торы и совершают ее откровение. Поэтому когда замерз и умер возлежащий в центре (символ души), все перестали шевелить губами — перестали говорить. Ибо, когда душа замерзла — имеется в виду ее кончина, исчезновение, — иссякли силы, чтобы продолжать разъяснение Торы. Вникни в это как следует. Тщательно взвесь подробности и исследуй рассказ и упомянутое поучение и тогда удостоишься понять еще и другие грозные намеки.

Когда же побежали к властителям и начали упрекать их — эта ссора и мятеж подобны разладу с праведниками из-за того, что прекратилось разъяснение Торы, и, быть

может, властители олицетворяют Моше и Аарона. Ведь они умерли, (не войдя в Землю), из-за того, что произошло у вод Мэривы, где они допустили ошибку, разъясненную в упомянутом поучении и заключающуюся в том, что не просили они и не молили...

И уясни как следует то, что сказано о светильнике: "Искры светильника упали во рты их, а светильник (сиял), как прежде, и из него возникла река..." — это об исполненных тепла речах, исходящих из сердца Всевышнего, в котором пробудилось милосердие, да будет благословенно Имя Его. И отверзлось сердце Всевышнего, и излились из сердца Всевышнего речи. В псалме же сказано: "Отверз скалу, и излились воды..." Сопоставим этот стих с видением: "... и (сиял) светильник, как прежде, и из него

возникла река". Под светильником подразумевается сердце, ибо, как известно⁴, сердце — "светильник зажженный". Вначале, когда "искры светильника упали во рты их", — это об исполненных тепла речах, исходящих из сердца. А после, когда "из него возникла река", — это об откровении Торы, также исходящем из сердца-светильника, в соответствии со стихом: "Отверз скалу, и излились воды".

А когда "швырнули права" — напомнили о своих заслугах и добрых делах и воспользовались жезлом могущества для привлечения (благодати) Торы. И это была их ошибка⁵. Вникни в это.

А создания, которые возникли у них внутри и, когда они открыли уста, вышли наружу, — это духовные силы, ангелы, возникающие из букв Торы, когда их обновляют⁶. Ангелы эти черпают силу у Эдома — его олицетворяет Держащий меч, который приводит в исполнение все кары, постигающие злодеев; и меч его многоострый имеет столько лезвий, сколько существует кар. Из-за изъяна — той ошибки, которая была совершена, он отказался предоставить им хоть одно из лезвий меча, так как вовсе не хотел наделять их силой. Потому что нужно воистину сокрушить свое сердце и просить, и умолять, а не выставлять напоказ свои заслуги — жезл могущества, предназначенный для иной цели — смирить зло в общине (Израэля). Для привлечения же (благодати) Торы необходимы милосердие и моления. Глубоко вникни в рассказ о видении и в поучение и ты постигнешь удивительный смысл других намеков. В меру разумения твоего узришь чудеса Б-жьи и ощутишь, "сколь безмерна глубина Его замыслов"⁷.

Однако, при всем том, если даже и удастся "просто так" уловить какие-то намеки, многое по-прежнему остается неясным, (а подчас) и полностью сокрытым.

* * *

И вместе с тем, когда мы неожиданно уясняем себе смысл одного из намеков, содержащихся в этом необычайном и грозном видении, как благотворно это для души! Ибо это великая награда для человека, если он удостоится того, что мысли его блуждают среди речений учителя нашего, благословенна память его — святого, повергающего в великий трепет, несравненного, которому невозможно воздать хвалу, не ущербив, упаси Б-г, его славу, ибо добавляющий убавляет (как в притче о царе, подвергаемом осмеянию⁸). Пусть знает каждый, кому наши хвалы покажутся преувеличенными, что они — ничто, даже не капля по сравнению с великим морем.

Ибо совершенно невозможно поведать о его достоинствах, непостижимых для человеческого разума. Даже великим праведникам недоступно его величие. Для нас же он непостижим, за исключением разве немногих из его исполненных откровения поучений, содержащихся в его святых книгах и в потрясающих видениях, о которых он поведал. Они приведены здесь⁹. И из них каждый — в меру того, как отзовется его

сердце, — постигнет в самой малой мере, каких беспредельных высот достигали его духовная сила и его святость. Блажен рожденный женщиной, удостоившийся такой высоты, возносящийся все выше и выше — так что уста не могут вымолвить, а сердце помыслить... И все же, если вопреки всему, удалось рассказать самую малость о его несравненной святости, то, что видели мы воочию, — посвященный умолкнет, пораженный теми яростными нападками, которым подвергся наш учитель при жизни...

ПРОДОЛЖЕНИЕ

О просьбе, (обращенной к Держащему меч). Просили дать острое для убийства, и не хотел дать; просили другое острое, и тоже не хотел дать. Просили для того, чтобы покарать тех (злодеев) смертью, а он не хотел наделить их силой. Просили хоть как-то покарать злодеев, но он ни за что не соглашался. Все это из-за той ошибки. Просьба же наделить их силой, чтобы они могли возвратиться, подразумевает возвращение в Страну Исаэля. Они должны были обладать какой-то силой покарать преступников, чтобы войти в Страну Исаэля. Постигни это.

А то, что сказали они Держащему меч, что уж очень долгое время они по вине его страдают, — перекликается со сказанным Эдому¹⁰: "Ты знаешь о всех несчастьях, которые постигли нас". (Отсюда) должен ты сделать вывод, что всякая кара осуществляется через его посредство. Вникни в это.

О словах старца, что борода его и есть истолкование происшедшего, — объяснение их в том, что все упомянутое поучение использует символику старца. Как разъяснил учитель наш, благословенна его память, все, что подразумевается под девятью бесценными исправлениями (*тиша тикуним*), воплощено в бороде.

Поэтому, после того, как все вернулось к началу (когда некто возлежал на земле...), на этот раз властители остереглись швырнуть правами в светильник, но взяли права и, подойдя к светильнику, в сокрушении сердца предавались молениям. — "И мне сказали, что **эти** (властители) останутся в живых", — тогда как первые были обречены смерти за то, что швырнули правами в светильник и не предавались молениям пред светильником, как эти.

Итак, суть ошибки Моше Рабэйну (Учителя нашего) в том, что не милосердием и молениями пытался он извлечь воды (привлечь благодать Торы), но жезлом могущества. В этом смысл "извлечения вод из скалы". .

И потому ныне остерегаемся мы и предаемся молитвам, взывая лишь к милосердию, — и этим живы. Да будет воля Его, чтобы явился праведный наш Машиах, вскорости, в наши дни, и он приведет нас в мире в Святую Землю Исаэля. И тогда будет исправлено все — вскорости, в наши дни. Амэн!

3. То, что он рассказал незадолго до Рош а-Шана 5569 года — летом 5568 года.

В эту пору принес ему шохэт¹¹ из Теплика чудесное кресло. И вскоре после этого рассказал он о том, что созерцал в видении или во сне.

Принесли ему кресло, и было оно окружено пламенем, и пришел весь народ, мужчины и женщины, посмотреть на него. А когда возвращались к себе, сразу же сочетались друг с другом, вступая в брак. Также и все предводители поколения пришли взглянуть на кресло.

И я подумал: "Какое оно далекое (непостижимое)! И почему это сразу заключаются браки?" И я отправился, и кружил вокруг них, прохаживаясь там. И услышал, что приближается *Рош а-Шана*¹³, и я стал колебаться, вернуться ли мне или же задержаться там. Был я в полной растерянности и сказал в сердце своем: "Как можно остаться здесь на *Рош а-Шана!*" Но разум подсказывал мне: "При таком слабом теле как у меня, стоит ли возвращаться?" И я остался там. И пришел к креслу. И видел там

Рош а-Шана — и это было воистину Начало года, а также *Йом а-Кипури* — и это был воистину День Испытания, и наконец Суккот — и это был воистину Праздник кущей. И услышал я, как кричали: "Жертвы ваши в начале месяца и в празднества ваши возненавидела душа Моя..."¹² К чему им судить этот мир? *Рош а-Шана* сам осудит... И побежали все, вместе с предводителями поколения. Все убежали. И я увидел, (находясь) там, что на кресле были вырезаны изображения всех сотворенных мира. И все они были изображены вместе со своими парами. И поэтому сразу же заключались браки — ведь каждый находил там и воочию видел свою пару. И в связи с тем, что изучал я в предшествующие дни, осенило меня, что стих¹⁴: "...курсия шиввин ди нур..." ("...престол его — искры огня...") содержит аббревиатуру "*шадхан*" (сват) — ведь благодаря этому креслу совершаются браки. Также и слово "*курсия*" (престол, кресло) — аббревиатура *Рош а-Шана*, *Йом а-Кипури*, *Суккот* и поэтому к Шмини Ацерэт (к завершающему дню праздника Суккот) приурочено сочетание с Царицей¹⁵.

И я спросил: "Как я смогу прокормить себя?". И мне ответили: "Будешь сватом". И пламень окружил его, ибо воистину *Рош а-Шана* — великое благо: это праздник, когда сокрыта Луна, и о нем сказано: "Принесите Мне искупительную жертву"¹⁶. Да, это великое благо, ибо в *Рош а-Шана* мы можем просить об искуплении. Вдумайся в это и вникни в слова Торы: "В новолуние трубите в шофар..." — "... и образовал Г-сподь из ребра", — говорящие о корнях душ, объединяемых креслом. Углубись в поучение, приведенное в *Ликутэй Тинъяна*, знак 1, и ты найдешь там истолкование видения, о котором я рассказал. В этом поучении говорится о *Рош а-Шана*, а об этом и речь.

В нем (многое) сокрыто и ускользает, кое-что отсутствует, ибо не все полностью записано. Однажды он говорил о Маасиет (его необычайные рассказы) и, коснувшись этой темы, упомянул о той связи, что существует между видением (кресла) и упомянутым поучением. Какой грозной, чудесной и возвышенной представляется эта тема тому, у кого есть сердце, чтобы понять! И сказал он тогда: "Не знаю, почему все вы безрадостны", — имея в виду, что в любом случае, всегда, подобает нам радоваться тому, что мы удостоились быть осиянными этим грозным светом...

А после того, как он поведал о своем видении, сказал, что мы можем извлекать из него поучение все дни нашей жизни, и укорил нас за то, что мы невеселы. И добавил, что подобает нам радоваться, весьма и весьма.

4. 5569 год, первый день Хануки, после зажжения ханукальной свечи, когда наступила ночь.

Гость вошел в дом и спросил хозяина: "Чем ты зарабатываешь?" Ответил тот: "Нет у меня в доме постоянного пропитания, только от мира кормление мое". Спросил (гость): "Что ты изучаешь?" И тот ответил ему, и началась беседа, и слова шли прямо от сердца. Хозяин дома поведал о том, что он томим страстным желанием познать, как продвигаются и достигают хоть какого-то уровня святости. Сказал ему гость: "Я буду учить (это) с тобой". Удивился хозяин дома и подумал было: "Человек ли он вообще?" — но, снова взглянув на него, увидел, что тот говорит с ним, как принято у людей, и немедленно в нем окрепла готовность довериться ему, и он сразу же стал величать его — раби¹⁷, и обратился к нему: "Прежде всего, мне хотелось бы узнать у вас, как вести себя с вашей честью. Нет нужды говорить, что я не способен действительно нанести вашей чести ущерб — упаси Б-г! — но тем не менее трудно человеку всего остережиться, как это подобает. Потому и хочу я, чтобы вы научили меня, как вести себя с вашей честью". И тот ответил: "Нет у меня сейчас свободного времени, я приду к тебе в другой раз и научу тебя этому. Теперь же я должен уйти отсюда". И сказал (хозяин):

"И этому тоже должен я у вас научиться — как далеко я должен проводить вас?" И сказал (гость): "За ворота". И стал (хозяин) размышлять: "Как выйду я с ним? Сейчас-то мы среди людей, а если выйду наедине с ним, кто знает, кем он окажется?" И спросил (его гость, отчего он замешкался). Сказал ему: "Страшно выйти мне с вами". И тот ответил: "Раз я способен на такое — научить тебя, то ведь, если пожелаю сделать с тобой что-то в сей миг, кто воспрепятствует мне?"

И вышел с ним за ворота, а (тот) схватил его и взлетел с ним, и ему стало холодно, и (тот) взял облачение и дал ему. И сказал: "Возьми это облачение, и будет хорошо тебе, и будет у тебя пища и питье, и всякое благо, и будешь обитать в доме своем", — и полетел с ним. Между тем взглянул, и вот он в доме своем. И сам себе не поверил, что он дома, но поглядел, и вот он разговаривает с людьми, и ест, и пьет, как принято в этом мире.

Огляделся снова, и вот он летит, как вначале. Взглянул вновь — и опять он дома. Снова взглянул — и вот он летит. И так повторялось много раз.

Потом опустил его в долину, между двух гор. И там нашел книгу, и в ней были сочетания букв: *алеф хет заин* это *далет* и т.д.¹⁸. И в книге были изображены *кэлим*¹⁹, а внутри *кэлим* были буквы. И были внутри этих *кэлим* также буквы (самих) этих *кэлим*, посредством которых можно создавать эти *кэлим*. И им овладело страстное желание изучить эту книгу.

Взглянул — и вот он дома. Посмотрел снова — и опять он там. И вздумалось ему подняться в гору: быть может, найдет там какое-то селение. И когда подошел к горе, увидел, что стоит там золотое дерево с золотыми ветвями, а на ветвях висят *кэлим* — как те, что изображены в книге. А внутри *кэлим* были *кэлим*, посредством которых создают эти (первые) *кэлим*. И захотелось ему взять оттуда эти *кэлим*, но он не мог, потому что они запутались в извивающихся ветвях. Осмотрелся — и вот он дома.

И было совершенно непостижимо для него: что это такое, что он (оказывается) то здесь, то там? И он хотел рассказать об этом людям. Но как расскажешь людям о таком чуде, которое никто не в состоянии постичь?

Взглянул он в окно и увидел того гостя. И стал упрощать его, чтобы зашел к нему. И тот сказал: "Недосуг мне, потому что я иду к тебе". Сказал ему (хозяин дома): "Это само по себе поразительно для меня: ведь я здесь, и как это вы идете ко мне?!"

Ответил ему: "В тот час, когда, желая угодить мне, ты собирался пойти проводить меня за ворота, тогда была взята мною у тебя *нэшама*²⁰, а дал я тебе облачение из нижнего Ган-Эдена²¹. А *нэфэш*²² и *руах*²³ остались у тебя. И поэтому, когда ты говоришь и мысль твоя устремляется туда, — ты там и привлекаешь к себе оттуда разъясняющий свет (познания). А когда ты возвращаешься (мыслью) сюда — ты здесь".

Я так и не знаю — из какого он мира? Из мира благого, несомненно. И по сию пору это не закончилось и не завершилось...

5. 5569 год. Приснилось ему сборище евреев (во главе) с вождем, весьма великим в этом мире. И (стало известно), что вынесено постановление убить всех евреев. И этому вождю пришло в голову, что ему нужно превратиться в нееврея. Пошел он, позвал цирюльника, и тот обрил ему голову и пейсы.

А после выяснилось, что все это ложь, что никакого постановления не было. Какой позор навлек на себя тот вождь! Ему невозможно было показаться на глаза людям. Он вынужден был сменить место жительства и бежать. Но как выбраться за ворота? И как нанять подводу? Стыд и позор, испытанные им, не поддаются описанию. И, конечно, ему было необходимо какое-то время отсиживаться у необрезанного — пока не

отрастет борода его...

6. В будни. Привиделось мне во сне, что была свадьба и было там множество невест. А одна из невест была почитаема больше всех, будучи в глазах этого мира важнее других невест. И были там капеллы — певцы и музыканты, игравшие на своих инструментах. И увидел я, что открылись врата и стали (все) входить — собралась громадная толпа. Когда я увидел, что народу все прибывает, стал я прикидывать, как проникнуть в эту громадную толпу.

Я поспешно втиснулся туда и стоял над ними. И был там глава собрания, который занимался с ними. И было там почитание Торы величайшее. А невесты танцевали. И центром всего была самая почитаемая невеста, которая там танцевала. И какой бы напев ни исполняла капелла, вслед за тем невеста сама напевала его. И было там почитание Торы величайшее. И я не мог надивиться столь великому почитанию Торы, которое (видел) там, и спрашивал знакомых: "Приходилось ли вам видеть подобное почитание Торы?"

Судя по всему, занимались там простым изучением явной (открытой) Торы, и, по всей видимости, были там *рабаним*²⁴, да и книги указывали на это: были это книги весьма большие, какими пользуются при подобных занятиях.

7. Святая беседа учителя нашего, благословенна память его, на исходе субботы парашат Толедот²⁵, в году 5570-м, здесь, в Браславе.

По мере того как разворачивается последовательность урочных сроков в году: *Рош а-Шана*, *Йом а-Кипури*, Суккот, Ошана Раба, Шмини Ацерэт, Ханука и Пурим (а перед ним пятнадцатое²⁶), Пэсах, Шавуот... — с течением времени, когда снова наступают эти сроки, я уже не тот, что прежде²⁷. (Смысл его слов состоял в том, что когда снова, в очередной год, приходят эти сроки, оказывается, что его восприятие и познание полностью обновились и что Имени Благословенного он служит служением новым, а не так, как в прошедшие годы, и из года в год он приходит к совершенно новому постижению.)

В Хануку прошлого года я зажигал свечи и исполнял другие ханукальные обряды, сосредоточившись на внутреннем смысле²⁸ того поучения, которое было высказано тогда; то же самое в *Рош а-Шана*, *Йом а-Кипури* и т.д. — мое служение отражало внутренний смысл поучения, приуроченного к этим дням, отличаясь лишь большей тонкостью.

8. Месяц кислее, год 5570-й, здесь, в Браславе

Сон. Я сижу дома, и ни один человек не входит ко мне. И это странно. Я выхожу в другую комнату, но и там — ни души. Прохожу в большой дом, в Бэйт а-Мидраш, но и там также нет никого. Поразмыслив, решаю выйти наружу.

Выхожу я и вижу: стоят люди, собравшись в кружки, и шепчутся между собой. Этот подтрунивает надо мной, другой меня высмеивает, а тот — с наглостью поносит... И даже *мои* люди — и они против меня: кое-кто из них дерзит мне, другие перешептываются, что-то скрывая от меня...

Я обращаюсь к одному из моих людей и спрашиваю: "Что это?". И он отвечает: "Как это вы содеяли такое? Возможно ли было помыслить, что вы совершите подобное?!" Я же совершенно не представляю себе, почему они насмеяются надо мной. Я прошу этого человека, чтобы он пошел и собрал хоть кого-то из моих единомышленников. Он уходит от меня, и больше я его не увижу.

Размышляю: что делать? И решаю отправиться в другую страну. Прибываю туда, но и там, конечно же, стоят люди и толкуют о том же, поскольку и там знают об этом.

Я решаю поселиться в лесу. Ко мне присоединяются пять единомышленников, я иду с

ними в лес, и мы поселяемся там. А когда у нас возникает потребность в пище или еще в чем-то, посылаем одного из этих пятерых, и он покупает то, в чем мы нуждаемся. Я всегда спрашиваю посланца: "Не утих ли шум?" А он отвечает: "Нет, шум по-прежнему очень велик".

В то время, пока мы там живем, приходит один старик, зовет меня и заявляет, что ему нужно кое о чем переговорить со мной. Я иду с ним, и он начинает разговор: "Тебе ли пристало совершать подобное? И не стыдно тебе перед твоими отцами, перед наставником твоим раби Нахманом²⁹ и перед наставником твоим *Бааль Шем Товом*, благословенна память о нем? И как не стыдно тебе перед Горой Моше и перед праотцами святыми: Авраамом, Ицхаком, Яковом и другими? Ты полагаешь, что будешь и дальше отсиживаться здесь? Разве ты можешь жить здесь постоянно? Ведь деньги твои придут к концу, а ты человек слабосильный. Что ты будешь делать? А если ты собираешься отправиться в какую-то страну, то так или иначе, когда разведают, кто ты, ты не сможешь там оставаться. Не дадут тебе денег, и не сможешь быть там. Конечно же, и там узнают об этом".

В ответ я говорю: "Как бы велик ни был переполох, который я вызвал, все равно впереди у мет мир грядущий!" А он говорит: "Ты уверен, что будет дарована тебе жизнь в мире грядущем? Даже в аду не найдется для тебя места, где ты мог бы укрыться! Ведь ты совершил такой грех..." В ответ говорю ему: "Уйди! Я-то думал, что вы утешите меня, что обратитесь к моему сердцу. А вы заставляете меня страдать. Уходите". И ушел этот старик...

Будучи там, поразмыслил я как-то: "Живем мы здесь такое долгое время. Можно так и вовсе забросить учение". И я велю человеку, которого мы посылаем в город за всем необходимым, чтобы разыскал там хоть какую-то книгу и принес сюда. Отправляется он в город, возвращается, но без книги. И говорит, что достать невозможно, потому что, конечно же, нельзя открывать, для кого предназначена книга; сохранив же тайну, книгу раздобыть невозможно. И испытал я великую муку оттого, что я — скиталец и нет у меня ни одной книги: ведь так можно совсем забыть всякое учение.

После этого вновь появляется тот старик и несет под мышкой книгу. Я спрашиваю его: "Что вы несете?" И отвечает: "Книгу". Говорю ему: "Дайте мне книгу". Он протягивает ее мне. Я беру, но совершенно не представляю себе, как ее повернуть. Открываю книгу и ничего не могу в ней понять. Мне кажется, что это чужой язык и чужая письменность в вообще я ровным счетом ничего не пойму. И это мучительно для меня, а сверх того я опасаюсь этих людей — пятерых, которые со мной: когда (моя беспомощность) откроется им, они тоже могут покинуть меня.

И снова старик зовет меня поговорить с ним. Я иду, и он снова начинает, как прежде: "Как мог ты совершить такое? Как не стыдно тебе? Ведь даже в аду не найдется для тебя места, чтобы укрыться там!" Говорю ему: "Сказал бы мне подобное человек, обитающий в мире высшем, я поверил бы ему". Он отвечает: "Я оттуда", — и показал мне нечто — явно оттуда.

И тогда пришло мне на ум то, что, как известно, произошло с *Бааль Шем Товом*, благословенна его память. И он тоже думал тогда, что лишен мира грядущего. И сказал: "Я люблю Тебя, благословенно Имя Твое, без мира грядущего!" И с величайшей горечью отбросил я назад голову.

И когда я отбросил голову назад, пришли ко мне и собрались подле меня все те, которых, по словам старика, я должен стыдиться: наставники мои, и праотцы, и еще многие и многие. И произнесли стих³⁰: "... и плод земли³¹ (будет) гордостью и славой уцелевших Израэля". И они сказали мне: "Тем более будем гордиться вами³²". И

привели ко мне всех моих людей и сыновей (ибо в те времена сыновья также вначале отстранились от меня), и обратились к сердцу моему, и говорили противоположное тому, что мне пришлось выслушать раньше.

Я отбросил голову назад... Если был человек, восемьсот раз преступивший всю Тору, если отбросил он голову назад с такой горечью, то, конечно же, его простили.

А обо всем остальном, хорошем, я не хочу рассказывать. Но, воистину, было хорошо.

9. Слышал я от одного из наших единомышленников³³ рассказ, поведанный ему нашим учителем, благословенна его память, в канун *Йом а-Кипурум*, после *капарот**. Рассказал он, что было у него видение. Шел он лесом. Лес этот не имел ни конца ни края. Он уже было решил вернуться назад — по собственному следу. Но подошел к нему некто и сказал, что в этом лесу нельзя добраться до конца и до края, потому что нет у него ни конца ни края. Все *кэлим* в этом мире сделаны (из деревьев) леса. И указал ему путь, как выбраться из леса.

А потом пришел он к реке и хотел добраться до ее конца. И снова подошел к нему некто и сказал ему то же самое — что до конца этой реки добраться нельзя, потому что нет у нее конца. Все люди в этом мире пьют воду из этой реки. И также указал ему путь...

После этого пришел он к мельнице, которая стояла на этой реке. И снова подошел к нему некто и сказал, что эта мельница мелет муку для всего этого мира.

А потом он вернулся в тот лес и увидел там кузнеца, который обитал в этом лесу и занимался своим ремеслом. И сказали ему, что этот кузнец изготавливает *кэлим* для всего этого мира.

Смысл этого сокрыт и неясен (да и рассказ этот не записан, как следует. Многое забыто, потому что не было вовремя записано). И сказал тогда, что весь мир повествует историю, а он ее видел... Да удостоит нас Всевышний понять эти поразительные святые слова.

10. Рассказал он во дни месяца элул, что приснился ему сон. Во сне хотелось ему проникнуть в дом, чтобы послушать звуки шофара. Проходя мимо дома, он услышал, что там поют, прихлопывают в ладоши и пляшут изо всех сил — раздольное веселье, когда люди скачут и несутся в хороводах и смеются, переполненные радостью. И он сказал себе: "Хорошо бы заглянуть сюда, послушать звуки шофара"...

И откликнулся один (из присутствующих) и заметил, что и в книге (раби Нахмана)³⁵ содержится намек, указывающий на то, что заповеданное нам трубление в шофар — это как бы рукоплескание и танец.

И наш учитель кивнул утвердительно и сказал: "Уже впоследствии открыл Г-сподь моему сердцу тот намек, что содержите» в стихе псалма: шофар — источник радости и веселья. Это стих: "Тогда наполнятся уста наши смехом и язык наш весельем"³⁶. Слово *шофар* — аббревиатура, составленная из первых букв четырех слов этого стиха: "...*схок пину у-лешонэйну рина*" ("уста наши пением и язык наш — весельем"). И поэтому после стиха: "Счастлив народ, которому ведомо трубление..."³⁷ — следуют слова: "Имени Твоему будут радоваться весь день".

Вникни также и в другое место поучения³⁸, где сказано: "По сути плач должен корениться в смехе, потому что слово *бэхия* ("плач") является аббревиатурой слов "*бэ-шимха йегилун коль ха-йом*" ("Имени Твоему будут радоваться весь день").

11. Жил-был один человек, большой богач. Держал он лавку с разным товаром и сидел в ней безвылазно, как все лавочники.

И вот пришли воры и похитили его достояние и его богатство, и обеднел он весьма. И собрал тогда уцелевшее, чтобы начать все заново, купил товар и опять стал

лавочником.

Но снова появились воры и снова похитили достояние его. И собрал тогда то малое, что на этот раз Уцелело, — украшения жены, и это послужило основой. Для того, чтобы снова открыть лавку и как-то кормить семью.

Но пришли воры и похитили все уцелевшее раньше, так что обнищал он до крайности и дом его буквально опустел. И тогда пошел он и собрал ничтожную сумму, купил мелкий товар и отправился бродить по деревням наподобие других бедняков — с узлом на плечах, а в нем иголки, спицы и прочая мелочь. И ходил по деревням, чтобы заработать на хлеб для своей семьи. И выменивал у необрезанных иголки на курицу, яйца или другую пищу — по обыкновению таких же бедняков.

Однажды возвращался он из деревни, неся на себе немного товара и кое-какую еду. И повстречался ему разбойник верхом на лошади, а при нем два большущих узла. И решил разбойник ограбить его. Плакал он и умолял разбойника, но тот, не посчитавшись с его слезами, ограбил его, отобрал и ту малость, что была у него.

Так остался он и вовсе ни с чем. Идет он, плача навзрыд, и душа его полна горечи. Оказывается, мало было ему прежних бед — того, что обнищал он после такого богатства, — теперь лишили его последней малости, самого насущного для скудной жизни.

А между тем взглянул он и увидел, что разбойник свалился с коня и пытается подняться. Конь же стоит над ним и топчет его ногами, ударяя копытами по его голове. И вот распростерся разбойник на земле и умер.

Тогда приблизился к тому месту ограбленный и убедился, что грабитель лежит мертвый. Раскрыл узлы, которые были при грабителе, и нашел в них все свои товары, все свое достояние и богатство, похищенные у него за все время. И благополучно вернулся домой и стал богат, как прежде.

Повествование это не привелось мне самому слышать из его святых уст, а только в пересказе, из уст других. И, разумеется, я недостоин постичь все содержащееся здесь намеки — то, что имел в виду наш учитель. Но вместе с тем, по моему скромному мнению, рассказ содержит мысль о великом значении непреклонных усилий людей, всех вместе и каждого в отдельности, — усилий, прилагаемых вопреки всему, что постигает человека во дни его жизни. Грабят его и обирают его, похищают у него все без остатка — многократно, бесчисленное множество раз. Но, несмотря ни на что, нельзя человеку отчаиваться. Пусть устремит он глаза свои ввысь, пусть плачет и взывает к Нему, Благословенному, снова и снова, чтобы Он увидел его бедствие и его страдание, и тогда, в конце концов, пробьет час, и разбойник, как подкошенный, рухнет на землю и не поднимется никогда. И тогда ограбленный вернет себе и обретет снова все святыни, всю полноту своего служения и всякое благо, что похитил и отнял у него силой грабитель. И вернется к богатству своему и благодати вечной.

12. Рассказ о царе, что возвел для себя дворец и призвал двух человек и повелел им сделать во дворце роспись.

Царь поделил между ними дворец пополам: на одного было возложено расписать одну половину дворца, а на второго — другую. И установил им срок, не позже которого должны они завершить роспись. И ушли эти два человека.

Один из них стал упорно трудиться и, не покладая рук, изучал искусство живописи и ваяния. И овладел им превосходно, так что роспись, выполненная им в доверенной ему части дворца, была чудом красоты. Он нарисовал зверей и птиц, и изображения эти были исполнены необыкновенной прелести.

Второй же не принял близко к сердцу царское повеление и не стал его выполнять. А когда приблизился назначенный царем срок окончания росписи, то оказалось, что первый почти завершил свой труд, тогда как второй только начал задумываться — как это он, не посчитавшись с повелением царя, растратил время попусту!

И погрузился он в размышления — как теперь быть? Ясно, что нельзя ничего поправить в те немногие дни, что остались до истечения срока. Не успеть уже ему овладеть искусством живописи и выполнить свою часть работы — совсем близок назначенный час.

И тогда он решился и покрыл всю отведенную ему часть дворца черной блестящей ваксой. Поверхность получилась, словно зеркало, в нее и в самом деле можно было смотреться. А вдобавок к тому повесил он занавес, отделяющий его часть от росписи напарника.

И было, когда исполнился срок, назначенный царем, пришел он взглянуть, какова работа. И увидел, что первая половина росписи выполнена прекрасно, и изображения, из которых она состоит, радуют глаз; чудесные птицы и многое другое — все написано с удивительным искусством.

Другая же половина скрыта занавесом. Но вот второй ("мастер") отодвинул его, все осветилось солнцем, и в поверхности, покрытой ваксой, отразились несравненные изображения первой половины дворца — птицы и все остальное... То, что видел царь на первой половине, было и здесь, на половине второго. А кроме того были здесь отражения редкостных сосудов ("кэлим"), и замечательной утвари, и многого другого — всего того, чем царь украсил свой дворец.

Да и все те великолепные сосуды, что впредь царь соизволит поместить во дворце, ведь и они тоже будут видны на второй половине! И понравилось это царю... *(А сверх того — ничего не помню.)*

Все это я слышал сам — из его святых уст.

13. Рассказ об одном царе. Был это, собственно, не царь, а царек. И покорил его великий царь, и тот подпал под его власть. И покорил великий царь также и других царей и другие державы. Но с течением времени окреп царек и вместе с другими царями восстал против великого царя, который покорил их. И отвоевали они у него свои земли, а впридачу захватили некоторые из его земель.

И задумался царек, видя, как вращается и приходит на свое место колесо (судьбы): иной раз побеждает этот, а в другой — побежденный покоряет победителя. Кому ведомо, что нам готовит грядущий день? Ведь может случиться, что все повернется по-другому!

И возвел он у моря высокую стену и воздвиг крепость. А в ней спрятал все богатство и все сокровища, что собрал в своей стране. В крепости было множество комнат — в каждой из них он хранил лишь одну разновидность монет, и у входа в каждую из комнат велел повесить таблицы с указанием вида хранимых в ней монет.

Крепостные ворота были сооружены с большим искусством, и в них была встроена особая машина, так что в них нельзя было войти, не зная пути следования при входе — где поворачивать и в каком направлении. Кто не знал этого, тому машина отсекала голову. А за воротами висела таблица, где на нескольких языках был описан весь путь, вся премудрость проникновения в крепость, где и куда поворачивать, — все это для тех, кто сумел пройти мимо машины и войти в ворота невредимым.

Со временем море размыло остров, поглотило стоявшую на нем крепость, и все погрузилось в забвение. А через несколько веков появился царь, который завоевал эту землю, и к тому времени обнажился затонувший остров. Царь этот, собственно царек,

пожелал заселить остров. И поселил там евреев и неевреев. И надо полагать, как во всех новых поселениях, были там бедняки и нищие.

И вот один бедняк, соорудивший себе домишко у самого моря, отправился в день шестой³⁹ накопать глины и нашел ту самую таблицу (с указанием пути), но не смог понять, что в ней написано. Стал он расспрашивать стариков-неевреев, не знают ли они, было ли где-то поселение на том месте. Но никто из них ничего не знал и не помнил. Появился тогда один бедняк, искавший себе место на субботней трапезе. А тот бедняк, что нашел таблицу, рассказал ему о своей находке и поделился с ним, что не понимает, что там написано. Собеседник, выслушав его, говорит: "Давай, я прочитаю". И, взяв у него таблицу, прочитал все, что в ней было написано.

И пошел этот бедняк-еврей и взял себе все сокровища, все то богатство, что было там.

14. Слышал я от других рассказанное им по поводу знаменитых чудотворцев.

У одного царя было двое сыновей: один — умный, а другой — глупец. И сделал он глупца ответственным за казну. А у умного не было никакой должности, он все время был при царе.

Весь свет недоумевал, как это возможно, что у того, кто не умен, ответственная должность, и все приходят к нему внести в казну или получить из казны, а у того, что умен, нет вообще никакой должности.

И царь дал такое объяснение: преимущество ли это — брать от добытых другими сокровищ и распределять по свету? Именно умный находится при мне и, постоянно размышляя, приходит к новым замыслам, к которым сам я не могу прийти. Благодаря его замыслам я покоряю страны, о которых прежде ничего не знал. И из этих стран поступают в мою казну все сокровища. А этот, ответственный за казну, берет готовое и распределяет по миру. Поэтому, несомненно, несравненное преимущество и высшее достоинство у умного, хоть он и обходится без должности. Ведь в нем источник всех сокровищ.

15. День пятый, Ва-йелех⁴⁰, между Рош а-Шана и Йом а-Кипурим 5670 года, здесь, в Браславе.

Рассказал нам, что видел сон и не знает его разгадки. Снилось ему, что один человек, из наших людей, скончался. Тот и вправду умер, но он (раби) не знал об этом до того дня.

И привиделось ему, что весь народ столпился вокруг него и все, как это принято, просят у него разрешения возвратиться домой после *Рош а-Шана*. А тот человек, что скончался, также стоит там.

И спрашивает его (раби): "Почему тебя не было в *Рош а-Шана*?" Отвечает тот: "Ведь я уже скончался". Сказал (раби): "Вот как! Если человек скончался, конечно, не дозволено ему появляться на *Рош а-Шана*", — и умолк. А поскольку несколько человек говорили с раби о вере, он заговорил о вере и с ним. (Из этого можно заключить, что наш учитель, благословенна его память, ощутил, что тот отпал от веры.)

Сказал ему (раби): "Не один ведь я на свете. Если ты не веришь мне, постарайся приблизиться к другим праведникам. Если сохранилось у тебя доверие к другим, сблизься с ними". Ответил тот: "К кому могу я приблизиться?" И привиделось (раби), что он, имея в виду одного прославленного праведника, говорит: "Приблизься к нему, пусть он будет твоим учителем". А тот отвечает: "Я далек от него". Тогда раби говорит: "Приблизься к другому", — и одного за другим перечисляет всех знаменитых праведников, а тот о каждом из них повторяет: "Я далек от него". И (раби) говорит: "Раз ты далек от всех и не можешь приблизиться ни к одному из них, стоит тебе

остаться здесь, как прежде: вернешься и снова приблизишься ко мне". Тот же (не скрывая удивления) отвечает: "От вас я далек необычайно!"

"И привиделся он мне в полдень, — продолжал раби. — Солнце стоит над головой. А он возносится вверх по воздуху и поднимается на солнце, и, двигаясь вместе с ним, опускается все ниже и ниже, и в тот миг, когда солнце, заходя, касается земли, достигает земли и он тоже. И продолжает двигаться с солнцем, и в полночь вместе с солнцем оказывается прямо подо мной. Ведь в полночь солнце стоит прямо под ногами человека. И когда он достиг самого низа, под моими ногами, я услышал вопль, обращенный ко мне: "Слышите, вы, как я далек от вас!" И я не знаю этому объяснения".

И произнес наш учитель, благословенна его память, такие слова: "И я испытал чувство безмерного сожаления: ведь главное в труде человека, в его служении — целенаправленность. А ныне из-за непросветленности плоти и других препятствий не видят особого смысла в **сближении** (с праведником, указывающим путь к цели). Ясно, что главное — это конечная цель, и она только. Ведь после кончины, спустя долгие годы, постигнут то, что слышали прежде, и то, что услышат тогда, и более того, узнают, что станется с душой, соответственно заслугам каждого. Ну, а когда даже и после этого не устаиваются **сближения**?!..

Воистину блажен пришедший к незыблемой вере в Него, благословенно Имя Его, Благословенного, и доверившийся истинному праведнику. Не устыдится он и не опозорится ни в этом мире, ни в мире грядущем.

А однажды сказал он, что человек должен проникнуться такой твердой верой в истинного праведника, чтобы даже после смерти эта вера осталась незыблемой и чтобы ни в коем случае не могли ввести его в заблуждение. Ибо и там надо неколебимо верить праведнику.

И пояснил, что души злодеев противодействуют, стремясь ввести в заблуждение и не дать приблизиться к праведнику для того, чтобы совершить *тикун*⁴¹.

Но тому, кто тверд в вере, препятствующие не могут помешать. Ибо суть этих препятствий в том, что обвинители и губители стараются запутать (душу человеческую), пошатнуть убежденность и обмануть. Они возводят хулу на праведника, чтобы лишить душу решимости приблизиться к нему. (Ибо несомненно, что и после кончины человека, все то время, пока он не удостоится достичь места, где обретет полный покой, он еще не находится в мире истинном. *Напротив, он подвергается главному наказанию и претерпевает страдания, которые причиняют ему губители, ввергающие его в мир тщеты. И мнится ему, что он по-прежнему в этом мире. И, как это известно из книг, вводят его в заблуждение многократно.*)

Но если человек тверд и не прислушивается к их речам, и остается непреклонным, повторяя: "Я не слышу вас. Я хочу во что бы то ни стало прийти к праведнику", — то они вынуждены оставить его в покое и никак не могут ему воспрепятствовать. Ибо суть их противодействия, как говорилось, сводится лишь к обману.

И поведал историю, подтверждающую, что и после смерти необходимы усилия для того, чтобы приблизиться к праведнику, и что там также нужна твердая вера. И рассказал, что был в Эрец Исраэль один человек из Райсина⁴², который уехал в Эрец Исраэль из Витебска, где присоединился к святому праведнику, прославленному учителю нашему раби Мэнахему Мэндлу, благословенна память праведника. (Хорошо известно сопротивление, оказанное праведникам и их хасидам в дни былые, особенно в Литве и в уезде Райсин, в Белоруссии. Всякий, кто хотел сблизиться с хасидами, наталкивался на сильнейшее противодействие.)

Решили там, в Эрец Исраэль, послать этого человека в другие страны собирать деньги для евреев Снятой Земли, как это принято издавна. И в пути, находясь в море, посланец этот (человек, близкий к праведному учителю нашему раби Мэнахему Мэндлу) скончался. А в Эрец Исраэль об этом ничего не знали.

И вот после кончины привиделось ему, что он едет в Лейпциг со своими людьми, как бывало при жизни, когда был он состоятельным купцом и часто наезжал туда. И сейчас тоже он едет в Лейпциг, как обычно, в обществе верного человека и возницы.

В дороге он вдруг затосковал, ощутив неудержимое желание посетить своего святого раби, учителя нашего Мэнахема Мэндла. Но когда поделился он со своими попутчиками и сказал, что намерен немедленно отправиться к своему раби, те стали смеяться над ним и отговаривать его: мол, как можно ни с того ни с сего сорвать такую важную сделку. И удержали его. Но потом снова загорелось в нем страстное желание поехать к своему учителю, и он сказал об этом. И снова стали отговаривать и удерживать его: никак, мол, нельзя отказаться от поездки в Лейпциг и, пожертвовав такой сделкой, отправиться к раби. Послушался их и на этот раз и сдержал себя. Но вскоре опять его желание пробудилось в нем с великой, поистине непреодолимой силой. И сказал, что не намерен больше слушать ни единого их слова, потому что он хочет во что бы то ни стало ехать к своему учителю и не посчитается ни с какими препятствиями. На этот раз он не стал даже слушать доводы и уговоры спутников и остался тверд в своем намерении безотлагательно ехать к учителю. Он приказал им поворачивать.

Когда увидели они, что не внемлет он уговорам и что все их уловки бесполезны, взбунтовались против него и сказали, что не станут потакать его чудачеству. Он прикрикнул на них, требуя, чтобы выполнили его волю, но они отказались повиноваться. Это вызвало его гнев: ведь он их хозяин и они обязаны выполнять каждое его слово.

И тогда они объявили ему правду — что он мертв, а они, его спутники, — ангелы-губители, влекущие его к гибели и сбивающие его с пути.

И ответил он им: "Теперь-то уж не осталось у меня никаких сомнений, я хочу, чтобы во что бы то ни стало и без всякого промедления доставили меня к праведному моему раби".

Они же сказали: "А нам, вне всякого сомнения, не доставит никакого удовольствия доставить тебя к нему", — и оставались непреклонны в своем решении.

Он настаивал, чтобы привели его к учителю, они отказывались, и кончилось тем, что обратились они к Вышнему суду. И было вынесено решение в его пользу: они обязаны выполнить его волю и немедленно доставить его к раби.

И так оно и было — в один миг доставили его к праведному его раби, учителю нашему Мэнахему Мэндлу. А тот был еще жив и находился в Эрец Исраэль. И привели его в дом раби. И когда он вступил в дом нашего праведного учителя раби Мэнахема Мэндла, вместе с ним вошел один из губителей. Ужаснулся праведник и потерял сознание. И привели его в чувство, и после этого сел праведник и занялся *тикуном* — исправлением души его приверженца — и посвятил этому восемь дней, пока не преуспел.

И объявил тогда праведник сынам Святой Земли, что тот посланец, направленный в другие страны, скончался — ведь об этом никто не знал. И поведал им все, рассказанное здесь.

А это было им знать необходимо, чтобы немедля отправить другого посланца. Рассказывая, учитель наш (раби Нахман) объяснил, какие исключительные усилия

требуются, чтобы сохранить близость к праведникам также и там, после кончины. Но главное (по его словам) зависит от того, что происходит в этом мире. Кто был тверд в вере здесь и был способен на подлинную близость, удостоится ее и там. Ибо "соответственно тому, насколько сблизился человек с человеком в этом мире, будет и в мире грядущем"⁴³. И никто не сможет воспрепятствовать ему прийти к своему праведному наставнику также и там.

*От других слышал я, что он (раби) высказал такую мысль: после кончины можно прийти к праведнику, поклявшись сделать это на свитке Торы**. Я не слышал этого сам, из его святых уст, но только в пересказе от наших единомышленников, последователей учителя нашего.*

16. Рассказ учителя нашего, который слышал я от других

Есть в Иерусалиме *бэйт-кнэсэт*⁴⁵, куда доставляют всех умерших со всего света... И там каждого судят и решают, где ему место. В этом *бэйт-кнэсэте* заседает суд, который и решает, кто какого места заслуживает. Но бывает, выносят приговор, что умершему не положено никакого места, и (душа его) исторгается в *гэйином*⁴⁶ взмахом пращи.

Доставляют туда умершего в одеждах. Бывает, что у некоторых есть в одежде изъян: у одного не хватает рукава, у другого недостает полы и т.п. — все соответственно деяниям человека, как известно⁴⁷. А какова одежда, таков и приговор — то место, которое ему определяют.

Однажды доставили туда мертвеца совершенно обнаженного, без всякой одежды, упаси нас Б-же. И появился один праведник, и взял одно из своих одеяний и накинул на мертвого. Спросили его судьи: "Зачем это ты отдаешь ему свое одеяние? Ведь теперь он спасется благодаря одеянию, которое ему не принадлежит".

Отвечал праведник: "Мне нужно послать этого человека в некое место, и я вправе облачить его в свое одеяние. Представьте себе: один могущественный царедворец отправляет к другому своего раба, а у раба возникает небольшая заминка. Царедворец спрашивает его, почему тот медлит, и раб отвечает, что нет у него подходящего одеяния, в котором можно явиться к могущественному царедворцу. Тогда он говорит своему рабу: "Возьми-ка поскорее одно из моих одеяний и беги немедленно выполнять мое поручение!" Так и я отдаю одно из моих одеяний. И спас праведник умершего от горчайшей участи — быть исторгнутым (в *гэйином*) взмахом пращи.

А рассказал это наш учитель, чтобы разъяснить нам, каким безмерным могуществом — во спасение приверженцев своих — наделен подлинный праведник в мире истинном.

17. Жил-был царь. Поехал он в одну страну и увидел там великолепные дворцы. И они так ему понравились, что, возвратившись к себе, он сразу же нанял мастеров, чтобы те возвели для него такие же дворцы и украсили их прекраснейшими росписями. Когда все было готово, решил он устроить великий пир и разослал приглашения по всей стране — приезжайте, мол, поглядеть. И приехали поглядеть — со всей страны.

В числе прочих из одного города явились вместе еврей и необрезанный, шляхтич. Подошли они к дворцовым воротам и увидели, что на них изображена дорога.

Дорога эта была необычайной. По обе ее стороны были расположены источники воды. И за каждым источником надзирал ангел. По дороге шел нищий, испытывавший сильнейшую жажду. Но те, кто надзирали за источниками, не давали ему испить даже немного воды. А посередине дороги ехал один господин в экипаже, и он сказал надзирававшему за одним из источников, чтобы тот полил ему воды на руки. И пошел тот и полил ему на руки. И пошел второй надзиравший и дал нищему испить воды. И

пошел тот надзиратель, что полил на руки господину, и осыпал горячей золой надзирателя, который дал напиток нищему.

Все это видели упомянутые двое — еврей и шляхтич. И сказал шляхтич: "Безобразие!" И тогда еврей дал шляхтичу пощечину, и возникла драка.

Прослышал об этом царь, послал за ними и спросил вначале еврея: "Почему ты дал ему пощечину?"

Ответил тот: "Потому что он назвал безобразием деяние царя".

Сказал царь необрезанному: "Почему ты сказал это?"

Ответил тот: "А разве это не безобразие, когда кто-то хочет пить, а ему не дают. А когда тот (господин) захотел, чтобы полили ему воды на руки, полили ему. И еще похлеще: когда второй надзиравший подошел и дал нищему напиток, то тот, кто поливал господину, осыпал того горячей золой".

Затем царь снова спросил еврея: "Зачем ты ударил его?" И еврей воззвал к здравому смыслу: "Почему господину дали воду, а нищему нет? Потому, что господину следовало дать, а нищему не следовало".

И к этим словам еврея он (раби) ничего не добавил. А погода сказал, что всегда в канун субботы человек должен пройти через все четыре мира: *асия, ецира, брия, ацилут*⁴⁸. А ведь один лишь мир деяний — *олам асия* — пройти так трудно...

Все это рассказал он однажды в субботу — вечером, после благословения на хлеб.

СИХОТ А-РАН (БЕСЕДЫ РАБИ НАХМАНА)

1. "Ибо я знаю, что велик Всевышний и Властелин наш (выше) всех богов"¹, — так сказал царь Давид, да пребудет он в мире.

"Ибо я знаю..." — (это означает): я знаю доподлинно и неопровержимо, что о величии Творца, да будет Он благословен, невозможно поведать ближнему своему. И даже себе самому нельзя назавтра изъяснить то, что просияло, сверкнуло тебе ныне. На следующий день невозможно описать себе самому сияние и блеск величия Благословенного, осенившие тебя накануне.

И потому сказал (царь Давид): "Ибо я знаю..." — я знаю доподлинно. Ведь рассказать невозможно...

И сказал (раби Нахман): "А то, что написано после (этого стиха) — "Все, что угодно Всевышнему, вершит Он на небесах и на земле..."² — это совершенно о другом и безмерно далеко от хвалы "Ибо я знаю...", сущность которой невыразима и необычайно высока. Она выше высшего³, так что уста могут лишь произнести: "Ибо я знаю..."

Как сказано в Зоаре о стихе из *Мишлей* ("Известен во вратах Супруг Ее..."⁴): "Каждый — соответственно тому, что знает в сердце своем"⁵.

* * *

26. *Забвение* принято ассоциировать с ущербом. Однако в моих глазах есть в забвении великое достоинство. Ибо, если бы не было забвения, было бы совершенно невозможно служить Всевышнему.

Если помнить все свои прегрешения, над ними никак не подняться и невозможно отрешиться от них, чтобы отдаться служению Всевышнему. Человека приводит в смятение то, что происходит с ним. Но благодаря способности забывать, он предает прошедшее забвению.

Такое поведение в высшей степени мудро и благотворно, ибо делает возможным служение Всевышнему. Ведь, бывает, то, что прошло и миновало, приводит человека в замешательство, путает его.

И особенно во время молитвы, когда прошлое настигает его, и все, в чем он когда-то

запутался, осаждают его, искажая его мысли. Бывает также, что человека одолевают мысли о его делах, купле-продаже, домашних проблемах и тому подобном, о том, что он неверно поступил, мол, надо было решить по-другому, и т.д. и т.п.

Иногда во время служения, занятий Торой или молитвы помехой становится воспоминание о собственной недобросовестности и промахах, о том, как в каком-то случае ты вел себя недостойно перед лицом Благословенного. Таких помех много, и каждый человек знает их по собственному опыту.

Наилучшее средство от этого — забвение. С его помощью следует сразу же изгнать, устранить из своего сознания то, что завершилось и миновало, чтобы полностью от него отрешиться и никогда больше не возвращаться к этому в своих раздумьях. Хорошо вникни в эту проблему и в великую роль забвения.

Сказано в книгах, что забвение даровано для того, чтобы Тора всегда была любима изучающими ее, всегда — как в час первой встречи. Благодаря забвению человек, возвращающийся к разделу Торы, который он изучал прежде, воспринимает его как исполненный новизны и очарования.

Существует притча о человеке, который учит и забывает изученное. Однажды наняли людей наполнять бочки. Бочки эти были дырявые, и все, что в них наливали, выливалось наружу. Сказали глупцы: "Поскольку все снова и снова выливается наружу, зачем нам утруждать себя, наполняя их? Ведь все равно все выльется!" Но умный сказал: "Что мне до этого? За день работы мне заплатят, и плату мою не урежут. Ведь я нанят поденно на определенное число дней. Что мне до того, что из бочек все выливается?"

Точно так же, несмотря на то, что человек забывает изученное, плата его за все дни учения не убавляется.

И знай, что в грядущем человеку напоминают все то, что он учил, — пусть он забыл это. А тем людям, что внемлют поучению истинного праведника и не постигают его, напоминают услышанное из его уст. Ибо главное в Торе то, что она обращена к душам. И в мире грядущем души будут сведущи в Торе и до конца постигнут то, что изучали люди, в которых они воплощались в этом мире.

Блажен, кто проводит дни свои, усердствуя в изучении Торы и в служении Всевышнему.

* * *

69. "Воспевайте Того, Кто радуется, когда побеждают Его"⁶.

Ведь следует как бы пересилить Его⁷. Когда кажется человеку, что Он, благословенно Его Имя, не желает приблизить его, потому что он много грешил и продолжает вести себя не соответственно воле Его, то вопреки всему человек должен собрать все свои силы и, распростершись пред Ним (в мольбе), вознести к Нему, свои руки, чтобы Он смилостивился над ним и приблизил его к служению Ему.

(Человек обращается к Нему): "Несмотря ни на что я хочу быть евреем!" Тем самым он стремится как бы пересилить Его. А Он⁸, рад этому — тому, что Его как бы побеждают.

* * *

91. Достоинство в постоянстве, в том, чтобы быть ревностным в учении, в том, чтобы воздерживаться говорить дурное о ком-либо из сынов Израэля.

Когда невеста красива, то и любовь сильна. Но если у невесты есть недостаток или порок, то и любовь не достигает полноты. Тора наречена невестой. Написано: "Тору заповедал нам Моше как наследие..."⁹. Сказали учителя наши¹⁰: "Не читай — "наследие", но читай — "невесту"¹¹.

На каждого во Израэле приходится буква Торы, ибо 600.000 букв соответствуют 600.000 душ Израэля. И если у кого-либо в народе Израэля имеется недостаток, очевидно, что это наносит ущерб Торе, ибо в ней коренятся все души Израэля, и из-за этого любовь к Торе не может достичь полноты.

Однако если остерегаться говорить дурное о ком-либо из сынов Израэля и находить у него недостатки, окажется, что и у Торы нет никакого ущерба или недостатка, и ясно, что тогда Тора будет любима безмерно и каждый будет изучать ее с великой страстью.

* * *

Сказано: "Тора Всевышнего совершенна"¹². Это означает, что Тора не имеет никакого недостатка и ущерба, если остерегаться говорить дурное и находить недостатки в сынах Израэля. Ибо каждый из них — буква Торы. Тогда станет очевидным, что Тора совершенна, что, полностью лишенная недостатков, она животворит души. Удостоившись любить Тору в ее совершенстве, познают, как сладостно вкушать ее непрерывно и постоянно.

* * *

98. Читая псалмы, (еврей) обретает великую заслугу, такую, как если бы их читал сам царь Давид. А ведь он пел псалмы, осененный духом святости¹³. Этот дух пребывает в словах псалмов, и когда их произносят, то дух святости, пробуждаемый дыханием уст, витает над нами, как во времена Давида, да пребудет он в мире.

Дух святости обладает целительной силой. Он врачует больных, даруя уверенность, порождаемую их упованием на Одного только Всевышнего, уверенность в том, что за чтение псалмов Он спасет их. Эта уверенность — опора, столь же реальная, как посох, на который опирается человек. Как сказал Давид: "Да будет Всевышний опорой мне!"¹⁴

Благодаря этому исцеляется больной. Как сказано: "...он встанет и выйдет (из дому), опираясь на посох свой"¹⁵. Стих этот перекликается со стихом из Йешайи: "И выйдет отросток из ствола Ишай..."¹⁶, где говорится о Машиахе, а это "Давид — дыхание жизни нашей"¹⁷, помазанник Всевышнего. Здесь есть также связь со словами: "В грядущем праведники будут воскрешать мертвых"¹⁸ — (посохом), опорой (своей), как сказано: "...и у каждого в руке посох, на который он опирается"¹⁹. О посохе же говорится: "И возложи посох мой на лицо ребенка"²⁰. (Все это было записано лишь отрывочно. Здесь приводится то малое, что удержала моя память.)²¹

"Зима подобна младенцу в утробе матери, лето же напоминает роды" — слова из его замечательной беседы, которую он вел с нами перед наступлением лета, приближение которого было уже ощутимо. Это было в месяце *нисан*, накануне праздника Пэсах, на третий день после обрезания его сына Шломо Эфраима.

И говорил он тогда, что зимой умирают все травы и растения, ибо зимой иссякают их силы и они уподобляются мертвым. А когда наступает лето, все они пробуждаются и оживают. Как хорошо, как прекрасно выйти тогда побродить²² в поле!

Беседа эта — молитва, мольба, изъявление страстной тоски по Всевышнему, да будет благословенно Имя Его. И каждое растение, всякий куст полевой, оживая и расцветая, присоединяется и вступает в эту беседу, в эту молитву.

Долго длилась эта удивительная беседа. И говорил он не только об этом, но и о другом.

* * *

100. "Она схватила его за одежду его"²³.

Ибо нечистый, *митра ахра*²⁴, хватает человека за одежду, иными словами, докучает ему, утруждая его беспокойством об одежде, одеяниях. Озабоченность, вызываемая

потребностью в одеяниях, в одежде, сбивает человека с толку, препятствуя ему служить Всевышнему, благословенно Его Имя. В этом смысл стиха: "Она схватила его за одежду его".

Но человек прямодушный, сердце которого исполнено непреклонной веры во Всевышнего, остается безучастным к тому, что нет у него во что одеться. Он не беспокоится об этом, не позволяя ввести себя из-за этого в замешательство. И вот он, спасаясь бегством, оставляет ему²⁵ одежду свою²⁶ и в полную меру сил продолжает служить Всевышнему.

* * *

153. В книге "Ликутэй Тинъяна" (знак 78) приведено поучение о поведении бесхитростных, простых людей. Ведь бывает, что и праведник — человек совсем простой, каких называют простаками.

Многое можно поведать о том, как и по какому поводу было высказано это поучение, но невозможно описать пером все с ним связанное. Я попытаюсь передать то, что возможно.

Знай, что это поучение было высказано в *Шабат Нахаму*²⁷, в Умани, когда приближалась его кончина. Вот как это было.

Незадолго до этого поселился он в другом доме — в доме, в котором скончался. Жилье это очень пришлось ему по душе. Было там привольно: благоуханный воздух, сад, подступающий прямо к окнам. Дом принадлежал одному человеку родом из Лукача.

В ту субботу собралось там очень много людей — одни и раньше бывали у него в святую субботу, другие появились впервые. Уже наступила субботняя ночь, когда он вышел к собравшимся. Был он очень слаб, у него едва хватало сил говорить. Без промедления произнес он слова освящения над кубком вина. И после освящения сел у стола, а не вернулся сразу же в свою комнату, как поступал он обычно, когда собиралось много народу. Так сидел он, совершенно обессиленный, и начал беседу, говоря понемногу и преодолевая безмерную усталость.

Он сказал: "Зачем приезжаете вы ко мне? Ведь теперь я ничего не знаю. Когда я высказываю поучение, тогда есть для вас смысл прийти или приехать ко мне. Но сейчас — ради чего явились вы? Ведь теперь я ничего не знаю, я не более чем простак, совершенный простак"²⁸. И он повторил дважды и трижды, что не знает ровно ничего, что он всего лишь заурядный человек, простак. А потом добавил, что единственно, чем он ныне поддерживает в себе жизнь, это тем, что побывал он в Стране Исраэля. И снова вернулся к тому же — мол, чистая правда, что он ничего, совершенно ничего не знает и что он теперь простак из простаков и жив лишь тем, что побывал в Стране Исраэля.

Но, слово за слово, начал он развивать эту повергающую в трепет тему, разъясняя, как он в пору своего опрощения приобщается к жизни, черпая *от пути* в Страну Исраэля. Этим, сказал он, живы все простаки на свете: величайшие знатоки Торы — в пору отрешенности от нее, — а при их посредстве натуральные простаки, т.е. самые заурядные люди. Даже народы мира нуждаются в поддержании их жизнеспособности извне... (Обратись к "Ликутэй Тинъяна", знак 78, где разъяснено также все, касающееся его переезда в другой дом).

Бывает и ныне, что здесь, за пределами Святой Земли, сыны Исраэля приходят на новое место, овладевают им и освящают его. И это место становится подобным Стране Исраэля. Могут сказать нам: "Разбойники вы..." — но благодаря "мощи деяний Его" мы наделены силой покорить весь мир, чтобы освятить его святостью Исраэля, ибо Он, сотворил его и, "по воле Своей Он наделил его их"²⁹, и по своей же воле Он отнял у

них и дал ее нам", как это прекрасно объяснено³⁰.

Когда он завершил поучение, им овладела великая радость. Он велел петь "Воспою хвалу" еще до омовения рук. Обычно же петь начинали после благословения на хлеб. В те времена его постоянно одолевала слабость, и сам он в большинстве случаев не пел. Но сейчас, обуреваемый радостью, он велел петь без промедления. И сам он тоже пел с нами.

А после стал говорить с нами, и от переполнявшей его радости беседа его была долгой и поистине была исполнена неизъяснимого очарования, внушавшего благоговейный трепет. На протяжении всей трапезы он был весел необыкновенно. Он говорил и говорил. Он вел с нами беседу и своими речами помог нам безмерно окрепнуть духом³¹.

И тогда из глубины его сердца вырвалось: "Гевалд!³² Не впадайте в отчаяние!" И сказал такие слова: "Никакого отчаяния нет!" Невозможно передать намеки, содержащиеся в его святых жестах. С их помощью он дал нам понять, как воспрянуть духом — безмерно и безгранично. Он гордился той радостью, которая наполняла его теперь. Он сказал, что испытывает благоговение и радость, и произнес на идиш: "Я сегодня исполнен благочестивой радости!"

Подлинное очарование той субботы, ее красоту, великолепие, святость, пронизывающий все благоговейный трепет и великую радость описать невозможно. Для этого оказалось бы недостаточно всех шкур тельцов Нэвайота³³. Мы узрели тогда воочию спасение Г-сподне, Его чудеса, Его могучие и грозные деяния, узрели, как Он милует народ Свой Исраэль во все времена, как он, до того пребывавший в такой отдаленности и сокрытии, вдруг поворачивается к нам, одаряя нас безмерным благоволением.

Ведь в начале этого субботнего вечера раби Нахман действительно ничего не знал. И от полного незнания пришел к такому откровению! Для нас совершенно непостижима его святая жизнь и в особенности это *незнание*, суть которого необычайно глубока и сокрыта. Сам он сказал, что его *незнание* несет в себе обновление еще большее, чем его знание, что разъяснено в другом месте. Но вопреки тому, что брезжит в нашем сознании, мы, ставшие тогда свидетелями Его поразительных, повергающих в трепет свершений, неспособны объяснить их и описать. А главное, что узрели мы спасение Г-сподне, как Он смилостивился над нами в неисчерпаемом милосердии Своем и обратил к нам (устаами раби Нахмана) эти животворные слова, безмерно укрепившие дух всех присутствовавших. И каждому казалось, что учитель наш говорит именно с ним и что эти слова предназначены только для него.

Силою этих слов, по милости Его великой, мы удостоились уже вдохнуть жизнь во многих из нашего народа. Слова эти живут и существуют поныне. Истинные и прекрасные, они остаются такими всегда и животворят многие души. Мне остается лишь сказать: милость Его возобладала над нами, и истина Г-сподня вечна!

Сразу же после этого, в первый день недели, я записал это его поучение и принес ему рукопись. Он принял ее у меня, стоя у окна и глядя в сад. Но она выпала из его ослабевших рук, и листы ее полетели в сад. Я поднял их с земли и снова передал рукопись в его святые руки. Он со вниманием просмотрел ее всю до конца и спросил: "Что это ты написал? Неужели я сам сказал все это?"...

Друг мой, читающий эти строки! Глубоко вникни в поучение, о котором здесь говорилось. Ты найдешь его в "Ликутэй Тинъяна", знак 78. Тогда ты поймешь этот рассказ, и он всегда будет Услаждать твою душу.

* * *

273. Благо для человека приучить себя животворить свою душу напевом, ибо напев— это нечто необыкновенно важное и высокое. Наеву свойственна удивительная способность пробуждать сердца и привлекать их к Благословенному. И даже тот, кто петь не умеет, у себя дома, наедине с самим собой, может вливать в себя жизнь, напевая что-то, как умеет.

Безмерной благотворности напева учитель наш посвятил несколько возвышенных поучений³⁴. В его "Маасиет" ("Рассказах о необычайном"), в конце рассказа "О семи нищих", содержится косвенное указание на животворную силу напев; Там говорится, что главное, чему дочь Царя обязана своим исцелением от овладевшей ею слабости, - это напев, десять напевов, там упомянутых. Вникни и пойми как следует, какие выводы из этого вытекают.

* * *

Как известно, дочь Царя именуется также святая душа каждого из сынов Исраэля. Она есть у каждого — усталая, изнуренная, ослабевшая от своих грехов — десяти разновидностей стрел, которыми пронзил ее царь, пленивший ее.

Поэтому необходим праведник настолько могущественный, чтобы проникнуть туда, где она оказалась в своем падении, извлечь из нее стрелы всех десяти разновидностей, познать все десять видов (перенесенных душой) потрясений и понять, как следует лечить ее. И тогда он исцелит ее с помощью десяти напевов, ибо главное для исцеления — напев и радость. Обратись к поучениям учителя и тебе станет понятно и многое другое. Основное же — извлечь урок и добрый совет, как воистину вернуться к Благословенному. Ибо главное - не изучение, а деяние.

300. Однажды он сказал мне: "Все, что ты видишь в этом мире, все, что есть в этом мире, все это — чтобы поставить тебя перед выбором и испытать".

* * *

302. Однажды я стоял пред ним, а он, благословенна его память, лежал на своем ложе. И вырвались из его святых уст эти слова, и он сказал: "Суть вот в чем: "...из чрева **шеола** возопил я"..."³⁵

* * *

306. Относительно места в новом сборнике его поучений, начинающегося словами: "Знай, что каждому из миров и каждому из сотворенных свойственна определенная, присущая только ему *кома* (статья)... возьмем для примера *арье* (льва)... Все его особенности и отличия (от других существ) отражены в очертаниях букв и их сочетаниях, и удостоившийся постичь Тору..."

Я усматриваю здесь внутреннюю связь с беседой, которой внимал я из его святых уст в 5665 году, в канун ханукальной субботы. Он сказал тогда, что облик и форма каждого из людей содержится в начертании слова *адам* (человек). Сказано в Торе: "Сотворим человека". Эти слова произнес Творец и слово *адам* содержит в себе облики всех людей мироздания. Точно так же слова *бээма* (скотина) и *хайя* (зверь) содержат в себе облики всех животных; это относится ко всем сотворенным существам.

То была пространная беседа. Он сказал тогда, что даже в этом мире есть место вещам необыкновенным и что высшее, повергающее в трепет знание позволяет человеку жить без еды и питья. То была пространная беседа, но мы не удостоились записать ее.

307. По поводу человеческого обыкновения всегда и в любое время утверждать, что, мол, нынешние времена нехороши, а вот былые времена были куда лучше.

Как известно, подобные разговоры весьма распространены, и мы с ним (раби Нахманом) много говорили об этом. Особенно часто ему приходилось выслушивать

утверждения, что в давние добрые времена все было намного дешевле, чем теперь. Мол, не было тогда таких больших богачей, как сейчас. Ведь ныне расходы обычного хозяина и даже прилично зарабатывающего человека, работающего по найму, превышают расходы богачей былых времен, и, мол, все это хорошо известно. Выслушивая подобные речи, учитель наш говорил в ответ: "Совсем наоборот, ныне Всевышний, благословенно Его Имя, управляет миром еще прекрасней, чем прежде!"

* * *

308. Да, много у нас ведется подобных разговоров (см. беседу 307), и все эти речи и пересуды — от искуителя, который умножает их, дабы утяжелить горе и увеличить беспокойство о пропитании, как будто ныне, упаси Б-г, нет места надежде.

В действительности же все это — ложь и обман, ибо Он, благословенно Его Имя, всегда, в каждом поколении, питает и поддерживает мироздание. В любое время находятся люди, переживающие подъем или спад. Если хорошенько присмотреться, это происходит постоянно, во всякое время. Несомненно, всегда были бедняки, служившие другим. И если сейчас они разбогатели, то в большинстве своем жалуются на нынешние времена, потому что хотят разбогатеть еще больше. Дома их стали просторней, расходы увеличились. Но они утверждают, что нынешние времена хуже прежних. И это вопреки тому, что мы помним, как они — иногда всего лишь несколько лет назад — бедствовали, прислуживая другим людям.

Как бы то ни было, к какому же заключению можно прийти по поводу сетующих на нынешние времена и восторгающихся временами былыми? К тому заключению, к которому пришел еще царь Шломо, опровергший подобные речи. Он сказал³⁶: "Не говори: "Как случилось, что прежние дни были лучше нынешних" — ибо не от мудрости вопрошаешь ты об этом".

Раши, комментируя этот стих, указал, что все зависит от заслуг поколения. При всем том у Торы — множество ликов, и она не сводится к своему буквальному смыслу. Ведь царь Шломо, да пребудет он в мире, мудрейший из людей, осененный духом святости, счел величайшей глупостью разговоры о том, что былые времена лучше нынешних. В действительности мы наблюдаем, что люди становятся все богаче и с годами их материальный достаток все увеличивается.

Если же, вопреки сказанному, положение людей становится все более затруднительным, необходимо устремиться к Нему, благословенно Его Имя, посвятив себя Торе и служению Всевышнему, ибо от бедствий и страданий этого мира бежать некуда — только к Нему, благословенному, и к Его Торе.

Ведь "человек рожден для изнурительного труда..."³⁷, и сказано: "Блажен тот, чей труд посвящен Торе"³⁸.

Будь человек богат или беден, в любом случае во все дни его жизни удел его — изнурительный труд и огорчение, ибо весьма велики бедствия и страдания, постигающие каждого человека, как говорится: "*Эйн рэга бэ-ло пэга*"...³⁹

И несомненно, что счастлив тот, кто избегает всех страданий и бедствий этого мира, посвятив себя труду изучения и исполнения Торы. И тогда "счастлив он и благо ему в мире этом и в мире грядущем".

Тот же, кто хвалит былые времена и сетует на нынешние, пребывает во все возрастающем беспокойстве и тревоге. Озабоченный своим пропитанием или обогащением, по сути так ничего и не совершив, он обречен провести свои дни в огорчениях и заботах, испытывая досаду и мучения. Он отстраняется от Торы и от молитвы — из-за своей озабоченности, из-за этих глупых сетований на дурные времена — и, в конечном счете, его изнурительный труд остается бесплодным.

"Напрасно пришел он и во мраке уйдет..."

Воистину тот, у кого есть глаза, чтобы видеть, и сердце, чтобы уразуметь истину, сумеет постичь своим разумом и увидеть, что и в прежние времена мир был исполнен забот и беспокойства о пропитании. Когда мы обращаемся к книгам, написанным сотни лет назад, то видим, что их авторы в предисловиях к своим сочинениям почти все свидетельствуют о пережитых ими многочисленных бедствиях, упоминают о материальных затруднениях и жестокой нужде. Но, вопреки всему, они написали священные книги. "Что было, то будет..." Мир всегда был полон забот о пропитании. Как сказал царь Шломо о жизни человека в этом мире⁴⁰: "Ведь все дни его — страдание, и донимает его досада, даже ночью нет покоя его сердцу". И сказано, что человек рожден для страдания, что он "короток днями и пресыщен тревогой".

Писание изобилует подобными стихами, и каждому может показаться, что под бременем тяжких времен следует заботиться об одном лишь пропитании. Но тогда дни человеческие исчезают бесследно, и люди неохотно покидают этот мир.

Однако, вопреки всему, в каждом поколении находятся праведники и благочестивые, достойные того, чтобы их не постигла общая участь. Они бегут от трудов и страданий этого мира, предпочитая труд изучения Торы и служения Всевышнему, и они обретают заслуги, которые засчитываются всему поколению. Благо им!

Ныне, как и всегда, любому и каждому дарована свобода выбора и каждый, также и в наше время, может бежать от забот этого мира, от этих исполненных горечи разговоров, и, уповая на Всевышнего, отстраниться от изнурительных, горестных забот этого мира и возложить на себя труд постижения и исполнения Торы.

И конечно же, Всевышний, благословенно Его Имя, даст ему пропитание, ибо Он питает все мироздание всегда и во веки веков. Как прежде, так и теперь Он управляет миром, и руководство Его, Благословенного, становится все прекрасней.

Существует всеобщий закон, довлеющий над этим миром. Он состоит в том, что жизнь в этом мире преисполнена скорби и забот, бедствий и страданий. Так было всегда, прежде и ныне — в наказание за грех первого человека, Адама: "В скорби будешь кормиться от нее (от земли) все дни жизни твоей. И тернии и чертополох произрастит она тебе, и будешь поедать траву полевую. В поте лица твоего будешь есть хлеб, пока не возвратишься ты в землю, ибо из нее ты взят, ибо прах ты, и во прах возвратишься"⁴¹. Некуда бежать от скорби и забот, укорачивающих и пресекающих жизнь человека, негде укрыться от них — только лишь в Б-ге и в Торе. Об этом сказали учителя наши в Мишне: "Таков путь Торы: хлеб с солью ешь и воду пей в меру, спи на земле, живи жизнью полной лишений и трудись над изучением Торы. Если ты ведешь себя так, то "счастлив ты и благо тебе" (Псалом 128:2). "Счастлив ты" — в мире этом, и "благо тебе" — в мире грядущем"⁴². Очень многие затруднялись понять эту мишну: как, мол, можно быть счастливым в этом мире, тяжело трудясь и питаясь хлебом и водой?

В ряде книг можно найти кое-какие объяснения и разъяснения, основанные на известных методах толкования. Но воистину понять это могут только те, у кого есть глаза и сердце, чтобы по-настоящему вникнуть в действительность этого мира. И поняли те, кто удостоился черпать из сокровищницы поучений, бесед и повествований нашего святого, повергающего в трепет учителя, благословенна память праведника и святого. Он дал этой мишне предельно простое истолкование, которое способен понять всякий разумный человек, сведущий настолько, чтобы знать, что мир управляется добром.

Известно, что все люди, обладающие богатством и властью, считают, что жизнь в этом

мире преисполнена забот и страданий, потому что все дни своей жизни они испытывают беспокойство и страдают. Как говорят наши мудрецы: "Умножающий богатство умножает заботы"⁴³.

Однако большинство людей, малоимущие и бедняки, не могут этого понять. Им кажется, что будь они богаты, у них не было бы никаких забот. Но они крайне заблуждаются — это очевидно из объяснения нашего учителя. Конечно, и у бедняков, и у отцов семейств, кое-как сводящих концы с концами, есть множество своих забот. Некуда бежать от печалей и скорбей этого мира, преисполненного разнообразнейших страданий. С ними человек сталкивается, пытаясь заработать на жизнь и прокормить семью, ими полна сама семейная жизнь, их причиняют жена и дети. Женам, в свою очередь, кажется, что они страдают из-за мужей. Страдание подстерегает нас постоянно и повсюду. На нас обрушиваются, упаси Б-г, несчастья, болезни, непостижимые напасти и стихийные бедствия. И некуда бежать, негде найти спасение. Оно только в Торе.

Всякий, кто хочет, чтобы ему было хорошо в этом мире, кто хочет жить безбедно в свое удовольствие, на самом деле постоянно страдает. Все его благие упования как бы оборачиваются своей противоположностью. А если и выпадает на его долю какое-то иллюзорное благо, то и оно всегда приправлено печалью. Это знает из опыта своих чувств каждый, кто умеет пристально вглядываться в действительность. Поэтому никакая мудрость, никакой разум и никакие ухищрения не помогут прожить жизнь, состоящую из одних удовольствий.

Только тому, кто действительно готов ограничиться самым малым и жить в нужде, так, как сказано в упомянутой мишне ("...хлеб с солью ешь..."), тому, кто готов все вытерпеть и погружен в занятия Торой, только ему дарована жизненная сила также и для этого мира — он счастлив и в этом мире: "...если ты ведешь себя так, то счастлив ты и благо тебе". Его минуют страдания, порождаемые погруженностью в повседневные заботы этого мира, страдания, которые испытывают те, кто живет мирской жизнью. Он полностью посвятил себя Торе, в ней вся его жизнь и все его благо, и это благо — истинное. И поэтому он живет истинной жизнью, поэтому он счастлив также и в этом мире.

Тот же, кто проводит жизнь в погоне за наслаждениями, стремясь обрести отраду в этом мире, постоянно испытывает горечь и досаду — даже легчайший ветерок раздражает его. Ибо как только он сталкивается с чем-то, возникшим перед ним против его воли, он испытывает мучения. А ведь будь он сколь угодно великий богач и властитель, совершенно исключено, чтобы все в мире происходило по его желанию. И он обречен переносить страдания, которыми полнится этот мир и которых в пределах этого мира можно избежать единственным способом — возложив на себя бремя Торы. Только тогда человек приобщается к истинной жизни: "Счастлив он и благо ему", счастлив — в этом мире.

Все это легко понять человеку, вкушившему от бесчисленных страданий и забот этого мира, когда взгляд его обращен к истине.

Обратись к беседам учителя нашего и к его "Необычным рассказам". Эта тема нашла свое отражение в "Рассказе о мудреце и простаке".

Даже ученые народов мира признают в своих многочисленных книгах, что этот мир всегда был преисполнен страданий. Они утверждают, что нет в этом мире блага, а есть лишь одни мучения, и посему человек в этом мире должен принять на себя все страдания, которые его постигают.

Однако все их слова бесполезны. Они порождены миром, не ведающим святой Торы,

которую удостоились обрести мы, сыны Исраэля. Человек не обречен бесповоротно принять на себя бремя бедствий и мучений этого мира. Он может избежать их, встав на путь святой Торы. Для этого человек должен убедиться, что этот мир не обладает никакой подлинной ценностью.

Ведь если бы даже в этом мире отсутствовали заботы и страдания и он был преисполнен блага и изобилия, даже тогда это был бы мир пустой суеты, потому что "время пронесится быстролетно, как взмах ресницы, и дни наши подобны тени промелькнувшей, даже не тени пальмы..."⁴⁴. Сказано: "Дней нашей жизни — семьдесят лет, а если могучи — восемьдесят лет; тщеславие их — суета и ложь, ведь дни промелькнут мимолетно, и мы улетаем"⁴⁵.

Мир этот преисполнен страдания без меры, страдания, которое не минует никого — ни старого, ни малого, ни баснословно богатого, ни нищего из нищих. Даже цари, властители и царедворцы — и они тоже несут бремя тяжелых забот, мучений и страха. Это прекрасно известно всем тем, кто знаком с их жизненным укладом, в том числе и мудрецам народов мира. Никто не может уклониться от бремени страданий этого мира, кроме тех, кто избрал путь Торы и священных заповедей, кто готов ограничиться только самым необходимым для жизни, посвященной Торе и служению Всевышнему. Вступивший на этот путь живет жизнью истинной, он свободен от забот, мучений и горечи.

Тора и служение Всевышнему — основа истинной жизни в мире этом и в мире грядущем, и несомненно справедлив и истинен даже буквальный смысл слов святой Мишны о тех, кто, ограничив себя самым необходимым, предпочитает переносить в этом мире лишения, чтобы полностью посвятить себя Торе.

Поскольку не каждый достаивается того, чтобы у него всегда было достаточно хлеба с солью и воды, т.е. самое необходимое, то избравший нужду ради Торы должен быть доволен жизнью в нужде.

Он согласен жить в нужде, чтобы заниматься Торой, как сказано: "...живи жизнью полной лишений и трудись над изучением Торы". Если он ведет себя так, то обязательно сбываются слова: "Счастлив ты и благо тебе". Он счастлив в этом мире, и это несомненно, потому что его непреклонная готовность перенести любые лишения наделяет его жизненной силой, ибо он удостоился познать истину, состоящую в том, что этот мир сотворен не для наслаждений. И наоборот, тот, кто жаждет наслаждений в этом мире, обречен на страдания и постоянно испытывает раздражение и боль. Человек сбрасывает с себя изнурительное бремя этого мира ради бремени Торы, которая и есть "жизнь наша и долгота дней наших", потому что его единственная цель — удостоиться мира грядущего, мира вечного, пред лицом которого бытие этого мира — "как взмах ресницы". И тогда, идя по пути Торы, человек не только обретает мир грядущий, — он счастлив также и в этом мире, он счастлив и блаженна участь его.

Ибо в этом мире нет большего блага, чем лишения, но с лишениями невозможно смириться иначе, как отрешившись от этого мира и возложив на себя бремя Торы и священных заповедей.

Эти слова совершенно ясны и понятны тем, кто жаждет истины и избегает заблуждений. Те же, что насмеваются над этими словами, насмеваются над самими собой. Не желая внимать нашим советам и поучениям, они отмахиваются от них, ибо жаждут лишь одного — погрузиться в бездонную трясиину этого мира. И кто удержит их?

Каждый придерживается своего пути. А мы помянем Имя Всевышнего, Властелина нашего, и будем полагаться только на Него.

Вспомним, что сказал учитель наш, благословенна его память, об одном человеке, с которым вел продолжительный разговор, стремясь извлечь его из бездонной пучины, в которую тот погрузился. Проявив великое упрямство, собеседник учителя нашего ожесточил свое сердце и не пожелал внять его словам, хотя понимал, что они истинны и прекрасны. И сказал учитель наш "Человек этот подобен тонущему, которому протягивают руку помощи, а он упорно отворачивается, отвергая помощь, не дает спасающему ухватить его и вытащить из воды. Он ускользает от своего спасителя".

А тому, кто внемлет, даруется отрада — в мире этом и в мире грядущем.

МИР ПОЛОН РАСПРИ

Весь мир полон распри. Она полыхает между народами и внутри городов, она возникает в любом доме, между соседями, у каждого — с его женой, домочадцами, слугами и детьми. И никто не задумывается о конце, о том, что каждодневно человек умирает, с каждым днем приближается к смерти, — ведь прошедший день уже не вернется.

Знай, все едино. Распря между отдельными людьми, например между главой семьи и домочадцами, — это тот же раздор между царями и между народами. Ведь каждый из домочадцев обособляется как бы в отдельный народ, и они сражаются друг с другом точно так же, как воюют между собой народы. И в каждом можно распознать, какого рода народ он представляет. Всем известно, что у каждого народа свой нрав — этот гневливый убийца, этот... И в равной мере это относится к домочадцам.

Если даже кто-то, стремясь к тишине и покою, избегает ссор, все равно он окажется втянутым в распри и войны. То же самое мы обнаруживаем, глядя на войны царей и народов. Случается изредка, что какой-то народ жаждет мира и вовсе не хочет воевать; более того, он как бы склоняется перед своими соседями и не раз. Но его принуждают, вопреки его воле, присоединиться к той или другой стороне, пока не втянут в войну.

То же самое происходит и в частной жизни, в домашних войнах. Ведь человек сам по себе — малый мир, в котором находит отражение вся вселенная. Тем паче человек вместе с его домочадцами — все народы отображаются в них и они враждуют и сражаются друг с другом.

Поэтому бывает, что человек, нашедший уединение в лесу, может сойти с ума. Причина в том, что в человеке присутствуют все народы. Когда он остается один, различные народы, заключенные в нем, начинают враждовать, и, по мере того, как они одолевают друг друга, он вынужден самоотжествляться то с одним, то с другим. Вместе с этими перевоплощениями переворачиваются все его представления, а от этого и вправду можно обезуметь.

Когда же человек находится в среде других людей, война между народами, происходящая внутри человека, находит себе выход, прорываясь наружу. Она распространяется на окружающих, захватывая всех домочадцев и соседей...

СВЕТИЛЬНИК ИЗ ОДНИХ НЕДОСТАТКОВ

Сын покинул отца своего и провел долгие годы в других странах среди чужеземцев. Пришло время, он вернулся к отцу и, похвалившись, что изучил на чужбине великое искусство изготовления подвесного светильника, велел собрать вместе всех владеющих этим искусством, чтобы показать свое мастерство.

Отец так и сделал: собрал всех владеющих этим искусством, чтобы те увидели, сколь многого достиг его сын за годы, проведенные на чужбине.

Сын представил на обозрение собравшихся изготовленный им светильник, и все без исключения нашли его безобразным до крайности. Отец стал расспрашивать мастеров, умоляя их открыть ему всю правду, и те вынуждены были объявить ему, что

светильник крайне безобразен. А сын все похвалялся: "Ну как, убедились в моем необычайном мастерстве?" И признался сыну отец, что светильник никому не понравился.

Сказал тогда сын:

— Пожалуй, в этом и проявилось мое величие. Я каждому показал его несовершенство. Ведь в моем светильнике наличествуют недостатки каждого из присутствовавших здесь мастеров. У одного безобразны одни детали светильника, зато великолепны остальные, а у другого — наоборот. А сверх того бывает, что деталь, которая вышла у одного мастера безобразной, представляется прекрасной его сотоварищу — как раз эта безобразная деталь! И так это у всех: то, что кому-то не нравится, нравится его сотоварищу, и наоборот.

Я сработал этот светильник, воплотив в нем одни только недостатки. И сделал я это для того, чтобы всем показать, что не дано им совершенство. У каждого свой изъян: ведь то, что кажется превосходным одному, в глазах другого неполноценно. Но поистине я способен сделать все, как полагается!

Познав, что для данной вещи является изъяном и несуразностью, познаешь сущность вещи, даже если и в глаза ее не видел...

В МИРЕ ТЩЕТНЫХ БЛУЖДАНИЙ

В некоем городе жил раввин, и был он в большой дружбе с одним горожанином. Они так любили друг друга, что однажды, ударив по рукам, сговорились: тот, кто первым покинет этот мир, явится своему другу и поведаст ему обо всем, что с ним произошло после кончины.

Первым скончался раввин. Друг ждал от него вестей, но не дождался. По истечении десяти лет он почувствовал, что пришел его черед покинуть этот мир. Тогда рассказал он о том уговоре сыну и передал ему все полномочия. Через десять лет сын горожанина скончался. Перед кончиной он передал полномочия своему сыну, внуку горожанина. Прошло еще восемь лет, и тогда раввин явился во сне внуку своего друга и поведал ему, что с ним произошло после кончины...

Когда опускали его в могилу, он чувствовал себя совершенно здоровым, полным сил.

— Какое беззаконие! Взять здорового человека и живым закопать в землю! Что делать? Как быть? — пронеслось у него в голове.

Потом ему пришло на ум выбраться из могилы собственными силами. Он ощутил, как руки его разгребают землю и поднимают надгробную плиту. Он вышел из могилы.

Но как появиться в городе облаченным в погребальные одежды? Он собрался подождать до наступления темноты и под ее покровом пробраться в свой дом. Издалека различил он его среди других городских домов. Но в таком виде и в собственном доме нельзя появляться — ведь он напугает своих домочадцев!

И тут он увидел торговца с ворохом всякой одежды и приметил среди нее раввинское облачение. Указав на него, сказал он торговцу:

— Быть может, отдашь мне его в обмен на эти погребальные одежды — они хороши да и новые пока что, я ношу их один только день.

Торговец согласился, отдал ему облачение, и он вошел в город. А когда вошел, увидел, что это не его город, — дома были другие. Подумал: "Выходит, я сбился с пути и по ошибке оказался в одном из соседних городов?"

Между тем тьма сгустилась, была глубокая ночь. В домах, как принято, погасили огни. Только один-единственный дом оставался пока освещенным. Он вошел в этот дом, оказавшиеся харчевней. Ощувив сильный голод, он спросил:

— Найдется тут что поесть?

Ответили ему:

— Найдется, если ты при деньгах.

Он сказал:

— Нет у меня денег.

Ответили ему:

— Здесь не кормят бесплатно, это харчевня!

И ушел он глубоко огорченный.

Короткая летняя ночь была на исходе, занималась заря. Увидев двух горожан, громко споривших между собой, он подошел к ним и, разобравшись, в чем дело, свершил над ними суд по Торе, истинный и справедливый. Один из споривших дал ему два золотых. Он вернулся в харчевню и велел принести ему еды. Ему налили немного водки, и он собрался выпить, но тут появились два посланца и заявили:

— Нас послал за тобою суд, ты обязан предстать перед ним сейчас же.

И ему пришлось идти с ними.

Когда он предстал перед судом, его гневно спросили:

— Зачем ты пришел сюда, чужак? Вершить истинный суд по Торе? Сколько времени ждали мы, что будет явлен нам подлинный суд Торы! И вот ты пришел, чтобы вершить его?

И приказали его обыскать — не получил ли он взятку. Обыскали и нашли те самые два золотых... И присудили его раздеть догола и вытолкать наружу. Так и сделали.

Удрученный своим позором, испытал он великую муку и сказал себе:

— Лучше смерть, чем жизнь такая! Вернусь же в могилу!

Но как возвратиться в могилу? Ведь нет у него погребальных одежд... И тогда наконец прозвучало слово заступника:

— Доколе будут так мучить его? Возьмите его и судите. Пусть примет он кару свою и обретет избавление.

И ответили заступнику:

— Это пока невозможно. Он не может предстать перед Судом из-за того уговора, которым он связал себя. Прежде он должен выполнить свое обещание.

И тогда, через двадцать восемь лет после своей кончины, он явился внуку любимого друга и поведал ему обо всем...

РАССКАЗ О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ ПРЕВРАТИЛСЯ В ИНДЕЙСКОГО ПЕТУХА

Случилось, что царский сын сошел с ума и вообразил себя индейским петухом, иначе говоря индюком. Сбросив с себя одежды, он, голый, уселся под столом, стал отказываться от предлагаемой ему пищи и, как подобает индюку, не брал в рот ничего, кроме хлебных крошек да перемолотых костей. Отец его, царь, созвал всех врачей, но те не оправдали надежд и излечить царевича не сумели. Царь очень горевал. Но вот пришел к нему мудрец и говорит:

— Я берусь его излечить!

Тотчас же скинул он с себя одежды, забрался под стол, уселся рядом с царским сыном и, подобно ему, стал питаться индюшачьим кормом.

Спросил его царский сын:

— Кто ты и что тут делаешь?

Ответил ему мудрец:

— А ты-то кто и что тут делаешь?

Сказал царский сын:

— Я индюк.

Мудрец сказал:

— И я тоже индюк.

Сидели два "индюка" рядом, пока не привыкли друг к другу. И тогда мудрец, дав знак принести им рубахи, говорит царскому сыну:

— Как видно, ты полагаешь, что индюк не может ходить в рубахе? Может! И не перестает от этого быть индюком.

И оба надели на себя рубахи. Немного погодя мудрец подал знак, чтобы принесли им брюки. И снова говорит:

— Надеюсь, ты не думаешь, что индюку нельзя ходить в штанах?

И оба натянули на себя штаны. Кончилось тем, что они полностью оделись. Тогда мудрец повелел подать людскую пищу с обеденного стола и сказал царскому сыну:

— Не полагаешь ли ты, что индюку запрещено питаться хорошей пищей? Я думаю, можно есть все самое лучшее и оставаться настоящим индюком.

Они поели, и мудрец сказал:

— Уж не думаешь ли ты, что индюк непременно должен сидеть под столом? Ничего подобного! Можно быть индюком и сидеть за столом.

Подумал царевич и согласился с мудрецом. Так, продвигаясь шаг за шагом, мудрец полностью исцелил царского сына.

В чем смысл этой истории? Человек проникательный поймет его.

* * *

Примечание переводчика: чтобы очеловечить людей и научить их служить Всевышнему, праведник "опрощается", спускаясь к ним в сферу материального.

УРОЖАЙ БЕЗУМИЯ

Сказал однажды царь любимцу своему, Второму-после-царя:

— Звезды говорят мне, что всякий, кто будет есть от урожая этого года, обезумеет.

Скажи, мой друг, что мы станем есть?

Ответил царю приближенный:

— Вот совет мой, властелин царь мой. Прикажи запasti для нас вдоволь зерна прошлогоднего урожая, а к новому мы не прикоснемся.

— Но какой в этом прок? Что толку, если только мы одни останемся здравомыслящими, а все остальные потеряют рассудок? Ведь именно нас и сочтут сумасшедшими! Если же ты скажешь: запастем и для других зерно урожая прошлого года, — так разве достанет его на всех?

— Что же предлагаешь ты, властелин царь мой? — спросил Второй-после-царя.

Ответил царь:

— Я полагаю, дорогой мой друг, что нет у нас выбора, мы должны есть от урожая этого года, подобно всем другим в этом мире. Но я хочу, чтобы мы, в отличие от других, по крайней мере знали, что мы безумны.

Спросил Второй-после-царя:

— Но как нам достичь этого, властелин царь мой?

И отвечал ему царь:

— А вот как: давай сделаем на лбах у себя помету о нашем безумии. И всякий раз, взглянув друг на друга, будем вспоминать, что мы безумны.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ИСЧЕЗЛА ДОЧЬ ЦАРЯ

В пути поведал я о дочери Царя¹, и все, кто внимал мне, погрузились в раздумье о тэшуве². Вот этот рассказ.

У Царя было шестеро сыновей и одна дочь³. Дочь эта была ему очень дорога, любил он ее необычайно и не мог натешиться ею. Однажды в какой-то из дней разгневался он

на" нее, и с уст его сорвалось⁴: "Забрал бы тебя недобрый!"⁵ Ночью пошла она в свою опочивальню, а наутро ни кто не знал-не ведал, где она⁶.

Отец ее огорчился безмерно и стал разыскивать ее повсюду. Видя великое огорчение Царя, поднялся Второй-после-Царя и, попросив дать ему служителя с лошадей да денег на дорогу⁷, отправился на поиски. Поиски были очень трудные, искал он ее весьма долгое время — пока не нашел.

Далее следует повествование о том, как он искал ее — пока не нашел.

Долго странствовал он повсюду — по пустыням, полям и лесам — и искал ее. Однажды шел он по пустыне⁸ и увидел боковую тропу. Он сказал себе: "Я так долго блуждаю в пустыне и не могу найти ее, пойду-ка по этой тропе — быть может, приду к населенному месту".

Он шел очень долго и наконец увидел замок, вокруг которого стояли воинства. Замок был красив необычайно, а воинства, окружавшие его, располагались в строгом порядке. Устрашенный их видом, он подумал было, что не дадут ему войти, но сказал себе: "Пойду, попытаюсь!"

Оставив коня, он направился к замку. Его предоставили самому себе, никак ему не препятствуя¹⁰. Без помех переходил он из покоя в покой и, войдя в один чертог, увидел царя в короне, а перед ним — воинства и певцов с музыкальными инструментами. Все здесь было исполнено прелести и великолепия. Ни сам царь, ни кто другой из присутствующих ни разу ни о чем его не спросили. Увидев изысканные яства и лакомства, он приблизился к ним и поел. Потом отошел и прилег в углу, чтобы созерцать происходящее, и тогда царь повелел привести царицу. Отправились за царицей. Поднялся великий шум, и была там великая радость. Встречая царицу¹¹, певцы вдохновенно играли и пели. И поставили трон для нее и усадили рядом с царем. Она же оказалась дочерью того Царя, о котором речь была выше, и Второй-после-Царя увидел ее и узнал. Затем огляделась царица и увидела, что некто возлежит в углу, и узнала его. И поднялась с трона, и направилась к нему. Коснулась его и спросила: "Ты узнаешь меня?"

Он ответил: "Да, узнаю. Ты — та самая дочь Царя, что исчезла", — и спросил: "Как ты попала сюда?"

Она отвечала: "Из-за того, что у отца моего, Царя, сорвались с уст те слова. Здесь же место это недоброе".

Он рассказал ей, что отец ее весьма опечален и вот уже годы¹² ищет ее, и спросил: "Как я могу тебя вызволить?"

Она отвечала: "Ты можешь вызволить меня только так: выберешь себе место и проведешь там целый год, и весь этот год будешь тосковать по мне, страстно желая вызволить меня. Всякую свободную минуту — тоскуй и томись, уповая, что вызволишь меня... и постись. А по прошествии года, в последний его день, постись и не спи круглые сутки".

И пошел он, и так и сделал. А в конце года, в последний день, постился и не спал. Встал и пошел туда (за дочерью Царя). И увидел дерево, а на нем — прекрасные яблоки¹³. И возжелал их весьма. И подошел и ел от них. А как только съел яблоко, упал — охватил его сон, и спал он очень долгое время. Служитель будил его, но он не просыпался¹⁴.

Потом пробудился ото сна и спросил, обращаясь к служителю: "Где я в этом мире?". И тот рассказал ему о происшедшем: "Ты спал очень долго — несколько лет, я же кормился от этих плодов".

И он сильно загоревал. И пошел туда и нашел ее там. Дочь Царя очень опечалилась и

сказала со скорбью: "Приди ты в тот день, вывел бы меня отсюда. Из-за единого дня все загубил! Конечно, трудно не есть, особенно в самый последний день, когда *ецер ара*¹⁵ набирает силу. Потому снова выбери место себе и снова проведи там год. А в последний день года можешь есть. Но спать ты не должен и не пей вина¹⁶, чтобы не уснуть, ибо главное — не спать!"

И пошел он и так и сделал. В последний же день пошел за дочерью Царя и увидел бьющий родник — видом красный, а запах — запах вина. И спросил он служителя: "Видишь родник? Должно быть, вода в нем, да видом она красновата и запах, как у вина...". И подошел к роднику, зачерпнул и отведал¹⁷. И сразу упал, и уснул, и проспал долгие годы — семьдесят лет¹⁸.

И проходили воинства многие, а за ними тянулись обозы. Служитель же спрятался от них.

Потом прошла колесница, в ней была дочь Царя. Остановилась подле него, села рядом и узнала его. Изо всех сил пыталась его разбудить, но он проснуться не мог. И стала попрекать его, что несмотря на усилия тяжкие и великое бремя, что столько лет он нес на себе, стремясь ее вызволить, в тот самый день, когда это было возможно, он все загубил. И о том она горько рыдала: "Мы достойны великого сожаления, ты и я! Какое долгое время я здесь и никак не вырвусь отсюда..."¹⁹. Потом сняла с головы своей шаль²⁰, сделала надпись на ней своими слезами и положила с ним рядом. Встала, поднялась в колесницу и удалилась.

Позднее же он пробудился и спросил, обращаясь к служителю: "Где я в этом мире?", и тот рассказал ему обо всем происшедшем — о том, как проходили многие воинства и появилась колесница, и как дочь Царя рыдала над ним и стенала, сожалея о нем и о себе... Между тем огляделся он и, увидев шаль, лежащую рядом, спросил, откуда она. И ответил служитель, что своими слезами дочь Царя сделала надпись на ней. Взял он шаль и, приподняв против солнца, стал различать буквы и увидел, что описаны там все ее сетования и стенания и начертано там, что теперь она больше не пребывает в том замке²¹. Пусть ищет он Гору золотую и Замок жемчужный: "Там ты найдешь меня"²².

И оставил служителя и, покинув его, в одиночестве отправился искать ее. Проведя в поисках несколько лет, он сказал себе: "В населенных местах ни за что не найти мне Горы золотой и Замка жемчужного, ведь сведущ я в карте мира. Пойду-ка в пустыню"²³.

И пошел он в пустыню, где в поисках провел несколько лет, после чего увидел громадного человека — невиданных, нечеловеческих размеров, который нес громадное дерево, такое, каких не бывает в населенных местах. И спросил его великан: "Кто ты?"

Ответил он: "Я человек". Изумился тот и сказал: "Столько времени я в пустыне, но ни разу не повстречал человека!". Он (Второй-после-Царя) поведал ему обо всем, что рассказано выше, о своих поисках Горы золотой и Жемчужного замка. Выслушал тот и сказал, что, наверняка, их вообще нет, и, отклоняя возражения, добавил, что ему заморочили голову чепухой и небылицами, потому что они просто не существуют. Тогда Второй-после-Царя горько заплакал и сказал, что, конечно же, они (Гора и Замок) где-то есть, однако тот снова возразил, что, без сомнения, ему наговорили небылиц. Но он стоял на своем. Сказал тогда тот: "По-моему, это чепуха, но раз ты так упорствуешь, то я, Повелитель-всех-зверей, сделаю это ради тебя — призову всех зверей. Ведь они бегают по всему миру, быть может, хоть один из них знает что-то об этой Горе и этом Замке".

И призвал он всех — от мала до велика — все разновидности зверей, и расспросил их.

Но все как один отвечали, что ничего такого не видели. И сказал ему: "Видишь — рассказали тебе небылицу. Послушай меня, поворачивай назад — не найти тебе того, чего нет на свете!". Но Второй-после-Царя продолжал упрашивать его, повторяя, что Гора и Замок, конечно же, существуют. Сказал ему тот: "Есть у меня в пустыне брат — Повелитель-всех-птиц. Может быть, знают они, потому что летают так высоко в воздухе. Может, видели они эту Гору и Замок. Иди-ка к нему и скажи, что послал тебя я".

И пошел он, и искал его годы. И нашел такого же громадного человека, и тот тоже нес такое же громадное дерево, и задал ему тот же вопрос. И поведал ему Второй-после-Царя все, о чем рассказано выше, и сказал, что брат послал его к нему. Но и тот возразил: нет, мол, сомнения, Горы и Замка вообще не существует. И он упрашивал его. И тот сказал: "Я, Повелитель-всех-птиц, призову их — быть может, знают они". И призвал всех птиц и расспросил их всех от мала до велика. И те отвечали, что ничего не знают ни о Горе, ни о Замке. И сказал ему: "Ну, убедился, что нет их? Послушай меня, поворачивай-ка обратно, ведь ясно — их нет". Но Второй-после-Царя упрашивал его, утверждая, что они существуют. И сказал тот: "Далеко в пустыне обитает мой брат, Повелитель-всех-ветров²⁴, что проносятся над всем миром. Может быть, знают они".

И отправился, и искал несколько лет, и нашел великана, как прежде, несущего громадное дерево. И тот стал спрашивать его, и он поведал ему обо всем, о чем рассказано выше, и тот также возражал ему. Но он упрашивал его. И тот сказал, что ради него призовет все ветры и спросит у них. И призвал ветры, и явились, и расспросил их всех до одного. Но ни один из них не знал ни о Горе, ни о Замке. И сказал ему тот: "Видишь — наговорили тебе чепухи". И он стал горько плакать, повторяя, что знает — они, без сомнения, есть. И тогда появился еще один ветер. Повелитель ветров сказал тому гневно: "Почему запоздал ты? Ведь я повелел, чтобы сразу явились все ветры!". Отвечал ему ветер: "Потому задержался я, что должен был унести дочь Царя на Гору золотую, в Замок жемчужный".

И возликовал Второй-после-Царя. А Повелитель ветров спросил: "Что ценится там?" И ответил тот ветер: "Там весьма ценится все". И сказал Повелитель ветров Второму-после-Царя: "Так долго искал ты ее и столько усилий затратил. Теперь может возникнуть помеха из-за отсутствия денег. Дам-ка я тебе сосуд, да такой, что тебе стоит руку протянуть — и извлечешь из него деньги". И повелел тому ветру, чтобы доставил туда (Второго-после-Царя).

И стремительный ветер принес его ко вратам. И стояли там воинства, и не давали войти ему в город. Протянул он руку к сосуду, взял денег и подкупил их, и проник в город. А город тот был прекрасен. И пошел к одному богачу²⁵ и сговорился с ним о жилье и харчах, ибо предстояло ему задержаться там, чтобы, проявив мудрость и разумение, вывести ее оттуда.

А как вывел ее — не поведал. В конце же — вывел ее! Амэн.

РАБИ НАХМАН ИЗ БРАСЛАВА

ПОУЧЕНИЕ "ХОЗЯИН ПОЛЯ" (Ликутэй Моаран)

"И сказал Боаз Рут: послушай-ка, дочь моя, не ходи собирать [колосья] на другом поле и не уходи отсюда, а оставайся с моими работницами. Смотри на поле, где они жнут, и иди следом за ними. Я же повелел слугам не трогать тебя. А захочешь пить, пойдешь к сосудам и пей оттуда же, откуда черпают слуги" (Рут, 2).

1. Знай, что есть поле, и там растут прекрасные, деревья и травы. Необычайную красоту поля и растений, произрастающих на нем, описать невозможно. Блаженно око,

созерцавшее это!

И деревья, и травы — это души, растущие там. Но есть множество обнаженных душ, блуждающих за пределами поля в ожидании чаемого ими исправления, когда каждая из них сможет возвратиться на свое место. Бывает подчас, что и великая душа, от которой зависит немало других душ, покидает пределы поля, и ей трудно возвратиться туда.

Все эти души пребывают в напряженном ожидании **хозяина поля**, который способен сделать все необходимое для их исправления. Есть души, исправление которых может быть достигнуто, если некто умрет ради этого, или благодаря тому, что некто совершит благое деяние, служа Всевышнему.

Тот, кто хочет, препоясав чресла свои, сам стать **хозяином поля**, должен быть великим человеком и обладать несравненными качествами. От него требуется стойкость, решимость, отвага, мудрость. И он должен быть величайшим праведником, очень большим *цадиком*. Бывает, что некто способен завершить деяние исправления только при условии собственной смерти. Но даже для этого надо быть одним из величайших [праведников]. Есть много великих, что и смерть их не помогла достижению цели. Только великий человек, достигший высочайшего [духовного] уровня способен на протяжении своей жизни завершить [исправление душ]. Ведь ему приходится переносить безмерные страдания, тяжкие бедствия постигают его. И это несмотря на то, что, будучи великим праведником и возвышаясь над всеми, он обрабатывает поле именно так, как нужно.

Когда же он устает завершить свой труд исправления душ и водворяет их на место, как хорошо тогда, как прекрасно молиться! Ибо тогда молитва совершенна.

Таков **хозяин поля**. Он присматривает за деревьями и постоянно поливает их. Он возвращает деревья и производит другие полевые работы. Когда нужно, он увеличивает расстояние между деревьями, чтобы ни одно из них не подавляло другое, расположенное рядом дерево.

2. Знай, что когда души повинуются воле Всевышнего, они расцветают и приносят плоды. И тогда глаза **хозяина поля** сияют, они зорки и способны разглядеть все, что необходимо. И тогда поле становится "полем дозорных" ["вперед смотрящих"] (*Бэмидбар*, 23:14). Но когда волю Всевышнего не исполняют — тогда меркнут глаза **хозяина поля**. И тогда поле превращается в "**поле плачущих**" (*Охалот*, 18), а плач затмевает взор, как сказано: "**И снова вернулись тучи после дождя**" (*Козлет*, 12:2); учителя наши указывают (*Шабат*, 151 б), что речь в этом стихе идет о том, что слезы застилают взор.

На "**поле дозорных**" **хозяин поля** способен взглянуть в каждого, вслушаться в его речь, с тем чтобы все более приближать его к **конечной цели** — тогда речь его станет совершенна. Всякая речь — это целый мир. И когда человек начинает молиться и произносит слова молитвы, он как бы собирает прекрасные цветы, подобно человеку, который идет по полю и, срывая цветок за цветком, собирает охапки цветов и соединяет их воедино. Продолжая идти, он собирает все новые прекрасные букеты цветов. Точно так же молящийся продвигается от буквы к букве. Объединяя их сначала в слова, а затем присоединяя слово к слову, он завершает первое благословение, потом второе и третье, продвигаясь к концу молитвы "Восемнадцать благословений". Кто сумеет воздать должное несравненной красоте этого процесса собирания и сочетания, порождающего слова молитвы!

Когда слово рождается — оно исходит из души. Ведь в арамейском переводе стиха: "**Да будет человек душою живою**" (*Брэшит*, 2) — слова "душа живая" переведены

"душа говорящая". Звучащее слово воспринимается тем, кто его произносит, как сказано нашими мудрецами: **"Дай услышать ушам своим то, что произносишь устами своими"** (*Брахот*, 15).

И вот слово упрашивает и умоляет душу, чтобы та не расставалась с ним. Как только оглашается первая буква *бэт* слова "*Барух*" (Благословен), она сразу же обращается к душе с мольбой не оставлять его: "Как можешь ты покинуть меня? Ведь мы неразрывно связаны друг с другом нашей взаимной любовью! Ты созерцаешь прелесть моей красоты, сияние моего великолепия. Как можешь ты оторваться от меня, расстаться со мной? Да, это правда, ты должна продвигаться дальше, ведь тебе предстоит собрать еще другие несравненные сокровища, — но как ты можешь покинуть меня, позабыть меня? Не забывай же меня, не отдаляйся от меня — в любом месте, где бы ты ни оказалась!"

И точно так же каждое последующее слово умоляет душу, удерживая ее в своих объятиях и не отпуская. А ведь молящемуся нужно еще так много высказать до окончания молитвы... И суть состоит в том, что он должен объединить все содержащееся в его молитве воедино так, чтобы в каждом произнесенном слове пребывали все слова молитвы и чтобы от начала ее и до конца она представляла собой единое целое. Произнося последнее слово молитвы, он должен по-прежнему пребывать в ее начале, он должен молиться так, чтобы, завершая молитву, не расстаться даже с первой ее буквой.

3. Знай, что единство, к которому мы стремимся, и есть **конечная цель** (*тахлит*). Как сказано: **"И станет Всевышний царем всей земли, в тот день будет Всевышний Един, и имя Его — едино"** (*Зехарья*, 14:9). Это будет день совершенного блага, ибо Единый — совершенное благо. Наши учителя говорят, что поскольку ныне единства нет, когда случается несчастье, Всевышнего благословляют, именуя Его **"Судья истинный"**; когда же Всевышнего благодарят за добро, Его благословляют, именуя **"Благой и Благодетельствующий"**. Однако в грядущем Его — что бы ни произошло — будут благословлять, именуя Его только **"Благой и Благодетельствующий"** (*Пэсахим*, 50). Итак, единство — это конечная цель, и Он, Единый, одаряет одним только совершенным благом: ведь конечная цель — совершенное благо.

Если сопоставить с конечной целью все бедствия и страдания, постигающие человека они, без сомнения, окажутся величайшим благом. Ибо все страдания постигают человека, чтобы напомнить ему, что он должен совершить *тэшуву*, т.е. возвратиться к Всевышнему, либо чтобы очистить его от грехов. Поэтому страдания — великое благо: ведь намерения Всевышнего, несомненно, благие. И, постигнув это, человек перестает страдать. Более того, понимая конечную цель страданий, он переполняется радостью в предвкушении великого блага, которое изольется на него в грядущем, когда все будет благо, все будет едино.

И воистину нет никакого зла в мире, все — благо, все — едино! Корень страданий, испытываемых человеком, в том, что, будучи лишен знания, он не способен узреть конечную их цель, которая есть сплошное благо. Вот почему бедствия заставляют его страдать. Те же, кто наделены знанием и видят конечную цель, страданий не испытывают.

Исходя из сказанного, ты сможешь постичь нечто ускользающее и сокрытое, но глубоко присущее человеческой душе. Когда человека режут "по живому телу", причиняя ему невыносимую боль, он закрывает глаза, что есть силы сжимая веки. Вникая в процесс восприятия, мы убеждаемся, что, для того чтобы рассмотреть отдаленный предмет, человек устремляет на него взгляд и прищуривается, тем самым

сокращая наблюдаемое пространство и концентрируя зрение. Это дает ему возможность отвлечься от посторонних предметов и сосредоточить зрение на том, что он хочет разглядеть. Познание сосредоточено в мозгу, а зрение является посланцем познающего мозга, который доставляет ему необходимые сведения о наблюдаемом объекте. Мозг же познает видимое. Поэтому, если объект перемещается слишком быстро, человек не успевает составить о нем представление, хотя "воочию" видит его, так как зрение не успевает доставить в мозг необходимые сведения об объекте. Чтобы зрение не рассеивалось и нас не сбивали с толку посторонние предметы, надо сосредоточиться на объекте и обострить зрение. Для этого надо прищуриться, и тем сильнее, чем дальше от нас то, что мы стремимся разглядеть и познать.

Подобно этому, если хочешь разглядеть *тахлит* — конечную цель, которая вся — благо, вся — единство, надо закрыть глаза и сосредоточиться на созерцании конечной цели. Ибо свет ее приходит к человеку из такого далека, что разглядеть ее возможно лишь с закрытыми глазами. Нужно опустить веки, крепко сомкнуть их и прижать пальцами, нужно полностью закрыть глаза, чтобы вовсе не видеть мира сего и отрешиться от его вожделений и суеты.

Тогда можно узреть свет и постичь конечную цель, которая вся — благо. И тогда прекращаются страдания, ибо корень их в неведении конечной цели. Вот почему человек закрывает глаза от боли. Сосредоточившись на созерцании своей цели — избавлении от мучений, — он бежит от страданий и упраздняет их. И этого можно достичь, только закрыв глаза. Человек делает это бессознательно. Но душа его всеведуща, и это знание, повелевающее закрыть глаза в час бедствия и муки, ей неотъемлемо присуще.

4. Итак, страдания упраздняются благой и единой конечной целью, и они воистину прекращаются. Но подобное состояние невозможно закрепить, чтобы пребывать в нем всегда и постоянно, ибо для этого пришлось бы выйти за границы человеческого. Таким образом, упразднение страданий неустойчиво: это состояние с необходимостью покидает человека, уходит и возвращается к нему снова.

И когда человек возвращается к суете сует этого мира, его мозг, сосуд его разума, не может смириться с чуждым всякой суете сознанием человека, упразднившего свои страдания. Ибо это сознание, так же как и конечная цель, коренится в *Эйн-софе* (Бесконечном), Который есть совершенное благо, совершенное единство. По этой причине мозг испытывает страдания. Ведь именно мозг является чувствилищем страданий. Соответствующие каналы связывают его со всеми органами и частями тела, и за каждую из них мозг способен страдать, испытывать боль.

Знай, что когда состояние упраздненных страданий покидает человека, его мозг испытывает боль больше прежней, мучения обостряются. Когда двое борются друг с другом и один из них чувствует, что противник берет над ним верх, он немедленно напрягает все свои силы, чтобы побороть противника. Точно так же, когда *баалей диним* (те, что соблазняют человека и насылают на него кары) видят, что человек пытается преодолеть и упразднить свои страдания, сосредоточившись на конечной цели, они становятся деятельней, увеличивая свое воздействие на человека. И как только он утрачивает сосредоточенность на конечной цели, страдания, еще большие прежних, настигают его. Они ополчаются на него с такой силой именно потому, что он хотел избежать их.

Только впоследствии приходит облегчение и утешение от обновленного восприятия Торы, которого удостаиваются за перенесенные страдания. Это открытие Торы заново

приходит под воздействием той записи-воспоминания (*рэшимо*), которая остается от состояния упраздненных страданий, когда человек, постигнув, что страдания — великое благо, преисполняется радостью.

Эта радость (*симха*) есть сосуд откровения Торы. Ибо сказали учителя наши: **"Когда воскликнул Израэль: "Исполним и постигнем!" — опустились вниз 600 тысяч ангелов и увенчали голову каждого [из сынов Израиля] двумя коронами, одной — за "исполним" и другой — за "постигнем". Когда же согрешил Израэль, опустились 1200 тысяч ангелов-губителей и развенчали их"** (*Шабат*, 88а). В грядущем Святой, благословен Он, снова коронует нас, как сказано: **"И радость вечная — на голове их"**. Итак, радость проистекает от изреченного у Синая: "Исполним и постигнем!" — т.е. от принятия Торы.

Обновленное восприятие Торы приводит к "остыванию" страданий, ибо утоляется жажда, которую испытывает душа человеческая. Жажду вызывает соль — символ страдания, как сказали учителя наши: "Сказано **"завет соли"**, и сказано **"завет страдания"** (*Брахот*, 5а). Ибо душа — дочь разума, он взращивает и совершенствует ее, как сказано: **"И душа без разума не хороша"** (*Мишлей*, 19:2). Достигнув полноты разума, душа плодоносит. Если же разумение ущербно, душа иссыхает, как **"земля плодородная, превратившаяся в солончак"** (*Псалом* 107:34). Вкус соли на губах жаждущего — символ того страдания, которое испытывает человек, когда разумение не полно, а душа жаждет.

Но вот он заново открывает для себя Тору, и страдания отступают, душа утоляет свою жажду, как сказал пророк: **"О, все жаждущие, идите к водам"** (*Йешая*, 55:1). Ведь сказано: **"Блажен муж, которого наказываешь Ты, Всевышний, и обучаешь Торе Своей"**. Так ценою страданий человек заново открывает для себя Тору.

Знаком, свидетельствующим, что человек, обремененный страданиями, вел себя достойно, являются те открытия в Торе, которые он удостоился совершить. Ибо это означает, что еще прежде ему удалось, полностью сосредоточившись на конечной цели, упразднить свои страдания. Их ценою, при посредстве *рэшимо*, он заново открыл для себя Тору.

И когда глаза **хозяина поля** сияют, подобные "полю дозорных", он способен взглянуть в каждого и увидеть, близок ли тот к конечной цели. Но если **хозяин поля** убеждается в обратном, это означает, что молитва этого человека далека еще от должного совершенства. Он не способен пока что объединить свою молитву воедино; достигнув конца слова, он забывает его начало.

Хозяин поля вглядывается в этого человека и ведет его к конечной цели, к полному единству. Достигнув его, тот оказывается в состоянии наделять свою молитву единством. Придя к завершению молитвы, он пребывает также и в ее начале. И об этом сказано: **"Не различай между обычными и конечными буквами указали дозорные [т.е. пророки]"** (*Шабат*, 104а). И делается вывод: **"Дозорные установили какво [начертание букв] в начале слова и какво оно в конце слова"** (там же).

Дозорные подобны **хозяину поля**, когда глаза его — "поле дозорных", когда он способен разглядеть тех, кто близок к конечной цели (в конце молитвы они не расстаются даже с первой ее буквой), и тех, кто далеки от нее и сами являют собой слова. Ибо, дойдя до конца слова, они действительно находятся в **конце слова** и только. И вот дозорный (**хозяин поля**) исправляет их и приводит к конечной цели, подобно тому, как некогда дозорные установили различие между обычными и конечными буквами, которое было забыто (со времен Синайского откровения). Ведь именно потому, что эти люди далеки от конечной цели, они забывают начало слова.

Молитва их лишена единства. И дозорные им напоминают забытое и исправляют их, и те обретают единство.

* * *

Вот толкование стиха: **"И сказал Боаз Рут..."**

Боаз — это разум, как сказано: "Мудрость наделяет мудрого силой" (*Коэлет*, 7:19). (Боаз означает: "В нем сила".)

Рут — это душа, от которой исходят слова молитвы, песни и хвалы, — как сказано учителями нашими (*Брахот*, 76).

Почему имя ее Рут (от корня *"рейш, вав, эй"* — утолять жажду)? Потому что от нее произошел Давид, **утоливший** песнями и хвалами жажду Святого, благословен Он.

Послушай-ка, дочь моя — душа — дочь разума.

Послушай-ка — "Дай услышать ушам твоим то, что ты произносишь устами твоими". Иными словами: склони ухо твое и вслушайся в мольбу, исходящую от слов, тобой произносимых. Эта мольба обращена к тебе (к душе): "О! Не покидай меня!" (см. выше).

Не ходи собирать на другом поле — продолжение мольбы. Ведь из букв и слов собирают драгоценные сочетания — на полях вышних. И каждое из них призывает душу: "Не уходи от меня собирать сочетания иные..." Но это невозможно. Надо идти дальше и собирать еще и еще...

И не уходи отсюда — если даже ты перейдешь к слову другому, не оставляй меня, предыдущее слово. А это достигается благодаря тому, что человек удостоивается узреть конечную цель. И об этом сказано далее.

Смотри на поле, где они жнут — взглядишь в конечную цель. Ибо жатва есть конечная цель вспахивающего и засевающего поле.

Я же повелел слугам не трогать тебя — нужно закрыть глаза и сосредоточить взгляд на конечной Цели, ибо иначе ее не разглядеть.

Ведь я повелел слугам — это повеление сосредоточиться на конечной цели. Слуги — это глаза, ибо глаза — слуги разума, его посланцы.

Не трогать тебя — это говорится о ранах, нанесенных душе. Когда зрение рассеивается, человек видит все, что находится перед ним. Он не может отрешиться от мира сего, который ранит его душу. Чтобы избежать этого, надо повелеть "слугам", т.е. глазам, не глядеть по сторонам — на суету этого мира. Тогда станет возможным сосредоточиться на конечной цели, и, благодаря этому, прекратятся все страдания. Когда же впоследствии это состояние, в котором страдания упразднены, нарушится, — страдания возвратятся к человеку, став мучительней прежних, и это, как говорилось, называется жаждой души. О ней сказано далее.

А захочешь пить (возжаждешь), **пойди к сосудам и пей оттуда же, откуда черпают слуги** — жажда утоляется обновленной Торой, а воспринимает ее мозг — сосуд разума. И оттуда же черпает душа, чтобы утолить свою жажду.

И пей оттуда же, откуда черпают слуги — слуги разума, глаза, черпают из Торы, обновляемой под воздействием *рэшимо* — записи, оставшейся от былого созерцания конечной цели. Благодаря этому страдания со временем (снова) упраздняются и утоляется жажда души. И это связано с Ган-Эдэном (Садом Блаженства, т.н. сад Эдэма) и с Моше и Аароном.

Ган (сад) — это душа, ибо сказано: "И станет душа их, как сад напоенный" (*Йермэя*, 31).

Эдэн (блаженство) — это конечная цель, упраздняющая страдание, он (Эдэн) — в мире грядущем, ибо сказано, что его "не видел глаз (человека из плоти), но — только

Ты, Всемогущий!" (*Брахот*, 346).

* * *

Сказано: "В грядущем Святой, благословен Он, соберет хоровод праведников. И будет Он восседать среди них в Ган-Эдэне, а каждый из праведников, **указывая на него перстом своим**, скажет (*Йешая*, 25:9): "Вот Властелин наш, — мы уповали на Него, и Он спас нас. Вот Властелин наш, — возвеселимся же и возрадуемся спасению, которое Он даровал нам!" (*Таанит*, 31).

Хоровод — это радость, сосуд восприятия Торы. Радость приходит к человеку, благодаря сиянию *рэшимо* — записи, запечатлевшейся в душе тогда, когда страдания были упразднены. *Рэшимо* напоминает человеку о конечной цели, "**указывает на нее перстом**". И ему открывается обновленная Тора, его осеняет радость. Эта радость становится сосудом восприятия Торы, на скрижалях откровения которой слова начертаны **перстом Всемогущего** (*Шемот*, 31:18).

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ "ЛИКУТЭЙ ТФИЛОГ" ("Собрание молитв")

Раби Натан Штернарц

Учитель наш святой, свет, сокрытый до времени, благословенна его память, говорил нам и повторял, что следует претворить его поучения в молитвы и что это с великой отрадой будет воспринято на небесах, — ведь никогда раньше к Всевышнему, благословенно имя Его, не возносились молитвы, возникшие из поучений.

Хотя он подробно не разъяснил, каковы его святые намерения, мы поняли из сказанного им, что суть их проста: нам следует вникнуть в его святые поучения и, восприняв содержащиеся в них откровения, воплотить их в жизнь, ибо это и есть главное; ведь "не само по себе учение важно, но деяние" ("Поучения отцов").

Все, что открыл нам наш учитель, открыл он, чтобы побудить нас к действию, чтобы мы, не жалея сил, соблюдали и воплощали в жизнь каждое из его поучений. Нам следует задуматься над путем нашим, над тем, насколько мы далеки от того, чтобы удовлетворить требованиям, предъявляемым каждым из поучений. Надо молиться Всевышнему, вознося к Нему настойчивые мольбы о милосердии, чтобы Он пожалел нас и приблизил нас к Себе и мы удостоились исполнить все, что сказано в поучениях нашего учителя. Изольем же свою душу перед Всевышним, благословен Он, чтобы удостоиться исполнить сказанное в полноте.

А тот, кто способен претворить поучение в молитву, сумеет открыть свое сердце Всевышнему. Подчас может показаться, что данное поучение не касается твоих насущных проблем, тех твоих недостатков и пороков, которые свойственны тебе сейчас. Однако когда ты обращаешься к Всевышнему и ведешь разговор о сущности поучения, Всевышний помогает тебе понять, что речи и поучения нашего учителя обладают свойством необычайной всеобщности. Каждое из его поучений неотделимо от всех других и неразрывно связано с общностью Израэля и со всем мирозданием. Поэтому независимо от того, на какой духовной ступени находится человек, — самой высшей, промежуточной или низшей из возможных, — он может найти себя со всеми своими особенностями в каждом из поучений нашего святого учителя, благословенна его память. И значит, любой человек на свете при посредстве этих поучений может высказать, так или иначе, то, что у него на душе...

Выберем в качестве примера пятое поучение из книги *Ликутэй Моаран*, ч. 1 — "*Бахацерот вэ-кол шофар*" ("Трубами и гласом шофара"), гл. 5. Оно начинается словами: "Каждый обязан повторять себе: весь мир создан именно ради меня" (*Санэдрин*, 37). Отсюда следует, что должно постоянно размышлять над исправлением мира сего, устранять его пороки и молиться во имя осуществления этого. Необходимо также в

каждом отдельном случае знать, вынесен ли уже приговор, чтобы понять, как молиться. Наш учитель, благословенна его память, обсуждая это поучение со своими людьми, велел им претворить это поучение в молитвы об устранении пороков мира. Тогда они спросили его, достойны ли они, находящиеся на столь низкой духовной ступени, молиться о подобных вещах. И учитель ответил им: "Разве не сказано, что каждый человек обязан повторять себе, что весь мир создан именно ради него? Стало быть, на каждого возложена обязанность, и никто не может уклониться от нее".

Итак, если Всевышний удостоит нас этого, каждый из нас сможет излить перед Ним свою душу, опираясь на любое из поучений нашего учителя. Если самый никчемный и легкомысленный человек, пусть даже, упаси Б-г, совершивший беззаконие, действительно пробудится и вернется к Всевышнему, он сможет высказать перед Ним все, что у него на сердце. Мало того, именно благодаря тому, что он находится на невысокой ступени и ему вообще тяжело говорить, он с еще большей силой и болью раскроет перед Ним свои сердечные раны.

Как об этом уже говорилось выше, следует знать, вынесен ли уже вышний приговор. К этому знанию ведет радость исполненной заповеди (*Ликутэй Моаран*, гл. ::2). О том, как ее удостоиться, говорится в указанном поучении. Достигается это преодолением искривлений сердца с помощью *раамим* (громов) — особых молитв, исполненных необычайного страха перед Всевышним, любовью к Нему и *каванот* (сосредоточенностью на святых намерениях) (*Ликутэй Моаран*, гл. 5:3, 6). Для этого необходимо очистить мозг от чуждых мыслей и *хамэца* (квасного, символизирующего гордыню), отравляющего мозг суетными размышлениями и страстями, которые одурманивают нас и отвлекают, лишая радости молитвы (там же, 8). Поэтому необходимо исторгнуть *хамэц* из сознания, так чтобы его место заняла *маца* (символ смирения и чистоты побуждений). Следует также уберечься от страха и благоговения перед чем бы то ни было, кроме Всевышнего (там же, 8, 9). Необходимо довериться мудрецам нашим и знать, что беспокойство, которое вселяют в тебя споры между праведниками, свидетельствует лишь о том, что мозг твой не в порядке и ты нуждаешься в нравственном самоочищении. Об этом сказано: "Никто из входящих сюда не возвращается и не обретают они путей жизни" (*Мишлей*, 2, 19). Поэтому, чтобы вернуться от смерти к жизни, от *хамэца* к *маце*, нужно избегать всяких размышлений о спорах между праведниками и верить им всем (там же, 11).

Для достижения этого и нужно неустанно молиться Всевышнему, чтобы Он освободил наш мозг от чуждых мыслей, страстей и заблуждений, преследующих почти каждого человека, и чтобы мы удостоились чистых и возвышенных мыслей, высказанных в этом и других поучениях. Человек сведущий может сделать выводы сам, а каждый желающий очиститься получит помощь свыше. Если он как следует подготовится, Всевышний вложит в его уста слова, которые помогут ему, опираясь на учение нашего учителя, разобраться в своих чувствах в любой час его жизни.

Итак, всякому, кто, сжалившись над своей душой, стремится уяснить свое действительное предназначение и приблизиться к Всевышнему, ясно, что невозможно побороть дурные побуждения и удостоиться праведных мыслей и чувств без мольбы и крика о помощи перед Всевышним, без молитв, длящихся днями и годами. Все праведники и по-настоящему благочестивые евреи поднялись на высокие ступени духа только благодаря своим молитвам и мольбам. Но уделять время молитвам и мольбам уже само по себе тяжкое бремя для обыкновенного человека, да и большинству людей не хватает слов, чтобы выразить то, что у них на душе. Если же пойти по пути, указанному нашим учителем, и претворить в молитву его поучения, оказывается

значительно легче высказать перед Всевышним свои сокровенные мысли. Вместе с тем возникают немалые трудности, ибо не каждый достаточно сведущ в трудах нашего учителя, благословенна его память, чтобы быть в состоянии "извлекать" свои молитвы из его поучений.

Поэтому я не жалел времени, переписывая молитвы, которые записал по повелению нашего учителя. Ведь он сказал мне, что хорошо бы записывать молитвы, когда достаиваешься полностью излить свою душу, чтобы повторить ее в другой раз. Я так и делал, а потом понял, что лучше всего записывать их на доступном для всех языке и передавать нашим людям, потому что нельзя лишать блага тех, кому оно принадлежит. Со временем я уяснил себе, что эти молитвы отвечают всеобщей потребности, в них нуждаются все, от мала до велика, каждый в соответствии со своей духовной ступенью. Нет ничего, в чем нуждается еврей для своего служения Всевышнему, что отсутствовало бы в этих молитвах. И когда я, впервые записав небольшое число молитв, показал их некоторым из наших людей, они всем очень понравились, и они просили меня продолжать их записывать. Я был этим крайне взволнован, но, полагаясь на Благословенного, преодолел сомнения и решил следовать Его воле и желанию учителя.

Достоинство этих молитв сумеет понять всякий сведущий человек, стремящийся к истине и совершенству. Таких молитв, столь благотворных для Исраэля, не было прежде. Это мольбы и увещевания, изъявления смирения и исповедь, жалобы и оправдания, стенания и вопли, горький плач и крик о помощи. Все они устремлены к Всевышнему в уповании на Его безмерное милосердие к нам, дабы Он приблизил нас к Себе для служения Ему не медля.

Ведь они, эти молитвы, пробуждают душу, чтобы не провел человек свою жизнь, как во сне, упаси Б-г. Ибо в слове заключена великая сила, способная пробудить душу. Под действием слов молитвы, которые человек произносит своими устами, он пробуждается, испытывает прилив внутренних сил и проникается страстным желанием приблизиться к Всевышнему, совершив полную *тэшуву* (возвращение к Всевышнему через раскаяние). Тот, кто привыкнет к этим молитвам и будет в чистоте помыслов своих постоянно обращаться к Благословенному, удостоится вечной жизни. Как хорошо сочетать уединение с молитвой на идиш, которую творишь, следуя одному из поучений учителя! Ведь запечатленная на бумаге молитва не может удовлетворить интимнейшей потребности человека и, в частности, отразить изменения, происходящие в нем постоянно. Учитель наш неоднократно наставлял нас произносить каждый день мольбы также и по тексту одного из больших молитвенников или по "*Шаарей Циен*" и как можно чаще обращаться к псалмам. Но каждый, кто хочет выполнить его святыя веления и проводить время в молитвах, чтобы удостоиться вечности, безусловно, усладит свою душу молитвами, собранными в этой книге, ибо нет других таких молитв, в которых человек мог бы в такой мере обрести себя, как в них, — ведь они охватывают все разнообразие этого мира. Пусть молитвы эти "увидит смотрящий глазами своими". Блажен, кто приникнет к ним. Нет ничего необычного в составлении новых молитв, в этом меня опередило немало людей. Примером может служить книга "*Шаарей Циен*", где имеются молитвы, созданные *ахароним**, а также некоторые другие молитвенники и книги.

И в наше время были созданы новые молитвы, есть также несколько книг, целиком состоящих из молитв, которые до нас не дошли. Они упоминаются в конце книги "*Сэдэр а-даром*", в перечне названий книг. Да и большинство *пиютим*, *слихот* и *змирот* созданы почти все не *кадомоним*² (предшественниками), не пророками и

танаями, осененными духом святости, а *ахароним*, поздними поколениями мудрецов, которые жили уже во времена, когда пророчество оставило дом Исраэля.

Известно, что и тем, кто не достиг высших ступеней духа, не запрещено составление молитв и сочинение книг, ибо способностью к этому не наделяют на небесах. Составление молитв не связано с какой-то ответственностью, так как здесь отсутствует опасность, которая имеет место при написании некоторых книг, таких, например, как книги, касающиеся запретов, разрешений или имущественных отношений, где ошибка автора в *алахе* может привести к тому, что нечистое будет названо чистым, упаси Б-г. Это относится и к книгам, содержащим толкования и разъяснения Торы, авторы которых обязаны предельно строго придерживаться Б-годанной традиции, поскольку здесь ошибка недопустима. И несмотря на это в целом ряде священных книг указано, что для всякого знатока Торы желательно и достойно похвалы написание книг, разумеется, в соответствии с уровнем его познаний, и что запрещено воздерживаться от этого из-за упомянутых опасений. Ибо написание книг — занятие не небесное, а земное, и мы обязаны осуществлять возложенное на нас — выявлять и разъяснять другим *алаху* (стеzi Торы), используя все наши познания и устремляя наш разум к постижению истины. Всевышний же поступит с нами так, как сочтет за благо. Но все новое, что Он дает нам открыть для себя в Торе, мы обязаны описать и разъяснить в книге, чтобы уделить другим от обретенного блага, не лишая его наших ближних, оправдываясь своими опасениями или меланхолией. Ибо Благословенный не склонен порицать творения Свои и не ангелам служения дана Тора (а народу Исраэля).

И тем паче сказанное относится к составлению молитв, поскольку оно не связано с наставлением и вынесением *алахических* постановлений, с разъяснением Торы и ее толкованием. Поэтому даже человеку, не достигшему высоких ступеней духа, не следует воздерживаться от составления молитв, в особенности когда речь идет о молитвах, опирающихся на благодарение Всевышнему, на основание верное и надежное — на основание нравственности. Ибо все эти молитвы были построены и закреплены на опорах из чистого золота, на исполненном святости учении нашего великого учителя, благословенна память о его праведности и святости. Каждое слово, что он изрек, осенено духом святости той необычайно высокой ступени, на которую он поднялся. Тот, кто погрузится в его книги, вникнет в его беседы, поймет в какой-то мере, как глубоко проникает мысль учителя, к каким неизмеримым далям прикасается его слово...

Итак, все эти молитвы восходят к святому источнику, струящемуся из обители вышней и образующему полноводный поток бездонных вод (Торы), из которого помысел человека в его служении Благословенному черпает наставления глубочайшие, чудесные и грозные, как сказано: "Воды бездонные — помыслы сердца человеческого".

Поэтому и пришлось мне удовлетворить желание моих сотоварищей, исполненных трепета перед словом Всевышнего, которые воистину жаждали получить от меня эти молитвы, чтобы издать и распространить их повсеместно: "Наделить (ими) Якова и распространить (их) во Исраэле".

Ограничусь этим извинением перед всеми стремящимися к истине, а Всевышний, Властелин истинный, откроет истину Якову и наставит нас на путь истинный, обратив сердца наши к Нему, чтобы мы служили Ему истинно, — пока не будет упрочен трон Давида, и он воссядет на нем воистину — вскорости, в наши дни. Амэн! Да услышит Благословенный стенание наше и внемлет молитве нашей, и даст нам удостоиться, чтобы мы постоянно предавались молитвам и мольбам — тем, которые

составлены и записаны прежде, и тем, которые человек должен каждодневно возносить сам, от сердца своего, на языке идиш. Так наставлял нас учитель, благословенна память его, и это главное, ибо так сказано в его святых книгах. Молиться, доколе не удостоимся возвратиться к Нему возвращением полным воистину, доколе не удостоимся, совершив восхождение, приобщиться к Нему, Благословенному, и осиянные светом Бесконечного "будем созерцать отраду Всевышнего и пребывать в чертоге Его". И во имя заслуги этой Он приведет к нам праведного Машиаха нашего вскорости, в наши дни. Ибо наше главное оружие здесь — молитва. И главное оружие, которым мы можем приблизить его приход, — молитва (см. поучение "*Эмор эль коаним*", 2). Она способна поддерживать и обновлять наши силы, что бы с нами ни произошло, — пока не взглянет на нас Всевышний с небес³, "от двух дней (страдания) оживит нас, в третий день поддержит существование наше", и будем живы пред Ним, чтобы ходить пред Всевышним, осиянные светом жизни. Амэн и амэн!

МОЛИТВА, В ОСНОВУ КОТОРОЙ ПОЛОЖЕНО ПОУЧЕНИЕ "ХОЗЯИН ПОЛЯ"

Раби Натан Штернарц

Единый, Единственный и Несравненный, Тот, Кто был, есть и будет! В милосердии великом Твоем удостой меня приобщения к Твоему единству!

О, Милосердный, помоги и спаси! Надели меня силой отрешиться от суеты и вожелений этого мира, чтобы мне не смотреть на него и не видеть, чтобы быть, как слепец, в этом мире: не глядеть, не взирать на него, не созерцать и не видеть!

О, только бы мне удостоиться направить глаза мои и разум к цели последней, к вечной цели, чтобы постичь и познать Твое благо и доподлинно знать, что нет зла в этом мире, а есть одно благо и милость, знать воистину, что Ты постоянно и щедро одаряешь всякую плоть только благом, потому что Твой умысел постоянно направлен к добру и Ты желаешь привести нас к истинной цели — жизни вечной!

И да удостоюсь всегда быть преисполненным радости!

О, Грозный, Святой! Спаси же от бедствия! Не оставь меня, помоги и избавь всякий раз, когда обрекаешь меня на страдание — сообразно суду Твоему и стезям Твоим добрым. Дай мне силу, и доблесть, и разум распознать за страданием благую и вечную цель. В час страдания да удостоюсь приобщиться к Тебе, до конца отрешившись от этого мира и от себя самого в этом мире страстей и тщеты, и тогда отрешусь от страданий.

О, Милосердный! Перед Тобой мое сердце, его раны и боль. Тебе ведомы пороки души моей, и Ты знаешь, что созерцал я запретное глазами своими — глазами телесными и глазами разума, чем нанес душе своей великий ущерб.

Ты знаешь, мне не чужды дурные помыслы, запретные мысли постоянно тревожат меня. Я нарушил границы святого, преступив их и влево и вправо. Свой взор устремлял я выше ступени своей, созерцая запретное. И, напротив, не удержавшись от мыслей дурных, часто поглядывал со стороны за пределы святого — наружу, отвлекаясь сознанием от Тебя и от Торы Твоей...

Помоги же и дай удостоиться мне, отрешаясь от этого мира снова и снова и упраздняя страдание, до конца приобщиться к единству и увериться в том, что все — только благо и что нет зла в мире, что страдание — великое благо, чтобы те страдания, которые постигнут меня, я принял с любовью и радостью и, избавившись от страданий, привлек к себе воды Торы и черпал их в радости при посредстве *рэшимо* (записи), оставшейся от упраздненных страданий и осиявшей мой разум; чтобы я

удостоился "черпать в радости воды — из источников спасения" и, постигая Тору, мог остудить свои страдания и погасить жажду души, когда состояние упраздненных страданий на время покинет меня, чтобы даже тогда страдания не повелевали мною... Смилуйся! Дай удостоиться нам совершенной молитвы — молитвы единой, где каждодневные жалобы, просьбы, мольбы, хвалы Тебе и песнопения сольются в безраздельном единстве.

Благой и Благоденствующий, благоволящий к молитве народа Его, Израэля! Тебе ведома мощь красоты несравненной речений молитвы, исполненной святости, где освящается каждая буква!

Кто сумеет прославить и выразить великолепие их сочетаний, подобных охапке цветов! Лилии и иные цветы, редкостные и прелестные, как драгоценности, исполненные грозного очарования и невыразимой красоты, — мы собираем их на вышних священных полях, когда — букву за буквой, слово за словом — произносим благословения молитвы святой.

Будь нам дано склонить ухо свое и внять тем словам, что наши уста произносят в молитве, уразуметь и постичь красоту беспредельную каждого слова повергающих в трепет речений молитвы святой, — не завершить бы нам даже первого благословения. Даже первого слова не могли бы мы вымолвить, плененные им!

Ибо как можно покинуть первую букву его, прелестную в своей невыразимой красоте, сверкающую великолепием? Как расторгнуть нерасторжимые узы, сопрягающие слово с душою, когда слово не позволяет душе покинуть его и шествовать дальше?!

Властелин мироздания! Ты дал нам постичь, что не сотворить совершенной молитвы тому человеку, кто, удостоившись слышать, пленяется словом настолько, что не может оставить его и двинуться дальше. Ведь надо начать и закончить молитву, сотворить ее полностью и совершенно. Суть совершенной молитвы в единстве, когда в каждом ее слове пребывают все остальные слова ее и она образует единое целое, и в этом единстве распознается *тахлит* (конечная цель) — всеобъемлющее благо, всеохватывающее единство.

И Ты знаешь, Всевышний, как далеки мы от этого: уметь слышать, что произносят уста твои, и то, что слышишь, объединить воедино. Часто я не в силах оторваться от слова, если расслышу его, и я по-прежнему очень далек от подлинной цели — от единства.

Вот я предстаю пред Тобой, о, исполненный милосердия Властелин душ! Прояви милосердие к душам сынов Израэля и в числе их к моей бедной душе, оскудевшей от деяний дурных, закосневшей в грехе... Уже долгие годы душа моя мечется, сбиваясь с пути, удаляясь все более от священного поля, где вызревают все души святые. Она пребывает в изгнании, никто не признает ее, истерзанную, и нет ей покоя, она не находит покоя, она не находит "опоры для ноги своей" (*Бэрэшит*, 8:9), "все, кто преследовал ее, настигли ее меж теснин" (*Эйха*, 1:3).

И нет другой надежды возвратиться и вымолить пощаду — все упование мое на **хозяина поля...**

Безмерный в милосердии! Сжался над истерзанной душой моей и над всеми обнаженными душами, что блуждают нагие в грехе своем. Дай обрести нам **хозяина поля**, подлинного, способного исполнить труд исправления (трех уровней: *нэфэш*, *руах*, *нэшама*) наших душ, наделенного даром исправлять души живых и умерших, перемещать их снаружи вовнутрь, водворяя на священное поле, печься о них: сеять и насаждать, орошать их и взращивать, доколе не расцветут и не принесут плоды изобильные, и в меру отдалять друг от друга, как поступают с деревьями, чтобы одна

душа не подавляла другую, упаси Б-г!

И да сбудется вскорости сказанное: "Обратит Он пустыню в хранилище вод, и землю иссохшую — в истоки водные. И поселит там голодных и создадут они! город населенный. И засеют поля, и насадят виноградники, и те принесут урожай. И Он благословит! их, и станут многочисленны весьма, и скотом их не обделит" (Псалом 107).

Сжался в милосердии Твоем великом над истинными праведниками, занятыми исправлением **священного поля**, которые именуются **хозяевами поля**, и над всеми потомками их, и над теми, кто зависит от них. Охрани и спаси их от врагов, ненавистников и гонителей, чтобы они могли заниматься исправлением нашим и исправлением всего **священного поля**.

Сжался над обобранными душами, жаждущими исправления целые века. Они прошли не один *гиль-гуль* (воплощение, пресуществление), и в каждом из них постигали их многие бедствия, страдания и невзгоды.

Сжался над душами усталыми и гонимыми и, прежде всего, над душами обнаженными, блуждающими в наготе своей и не способными облачиться ни в какое тело — ведь Тебе ведомо, какой безмерной жалости они достойны! Внемли их рыданиям и воплям, внемли их стенаниям и вздохам, пожалей их в их горе горчайшем, в их безысходных скитаниях, когда "нет больше силы терпеть" (*Нэхэмия*, 4:4).

Пощади их ради имени Твоего, пощади из одного только милосердия великого Твоего, потому что нет у нас сил и познаний, чтобы молиться о них и о себе. Сделай это ради Себя Самого, а не для нас, и не поминай им и нам беззакония наши. И да удостоимся мы возвратиться к Тебе возвращением полным воистину, и тогда просят глаза **хозяина поля**, и оно наречется **полем дозорных**, и не будет впредь **полем плачущих**, упаси Б-г!

Даруй силы **хозяину поля** быть дозорным и, глядя вперед зорким взглядом, всмотреться, распознать и увидеть каждого далекого от цели еврея и повести его к подлинной цели, чтобы тот удостоился, "закрыв глаза свои" и отрешившись от этого мира, увидеть конечную вечную цель и упразднить страдания свои; а когда они возвратятся, снова и снова "ловить взглядом" конечную цель и к ней устремляться, чтобы навсегда приобщиться к ней, ибо она вся — единство, вся — благо.

Добрый ко всем! Помоги победить свою плоть и, упразднив себя полностью, приобщиться к Твоему единству, — сплошному и нескончаемому благу, — приобщиться воистину, чтобы наша молитва была совершенна, образуя единое целое от первой до последней буквы, и не было никакой разобщенности между речениями, словами и звуками молитвы святой!

Помоги мне удостоиться радости непреходящей, и дай нам увидеть в грядущем хоровод праведников, когда скажет каждый из них, указуя перстом на Тебя: "Вот Властелин наш, — мы на Него уповали, и вот Он даровал нам спасение!

Вот Властелин наш, — возвеселимся же и возрадуемся спасению, которое Он даровал нам!" (*Йешайя*, 25:9).

Блажен ожидающий этого!

Блажен тот, кого Ты избереши и приблизишь к Себе, тот, кто удостоится "взирать через окно" (Песня песней, 2:8) на хоровод этот, осененный радостью!..

МОЛИТВЫ

Из книги раби Натана Штернарца "СЭФЭР ЛИКУТЭЙ ТФИЛОТ"

МОЛЬБА О ПОМОЩИ

Да будет воля Твоя, Всевышний, Властелин наш и Властелин отцов наших, —

Окажи нам помощь!
В милосердии Твоем великом и милости безмерной
Дай нам удостоиться —
Изучать и научать,
Посвятить себя Горе Твоей святой —
Ради нее самой — навсегда,
И размышлять над нею днем и ночью!
И силою заслуги изучения святой Горы,
В милосердии Твоем великом, дай нам очиститься
И надели нас силой смирить, сокрушить
И выдворить дурное побуждение из нутра нашего,
Чтобы удостоиться нам отринуть и упразднить
Поветрие глупости и всяческое безрассудство,
Приставшее к нам из-за дурных наших деяний...
Отец наш небесный, добрый ко всем,
Чье милосердие простирается на все создания Его,
Дай нам пощаду,
Чтобы нам не погибнуть...
Веди нас по пути истинному
И наставляй нас непрестанно,
Во всякое время, каждый миг,
Так, чтобы все мои деяния и все начинания,
Каждое мое движение
И каждое движение сыновей моих и потомков —
Отвечали только Твоей воле благой,
Всегда, отныне и вовеки!
(Ликутэй Тфилот, 1:1)

МОЛИТВА О ВОСХОЖДЕНИИ В ЭРЕЦ ИСРАЭЛЬ

Б-г милосердный и щадящий,
Долготерпеливый, великий милостью и правдой!
Очисти меня в милосердии Твоем великом,
Чтобы не покидали меня, как и весь народ Исраэля,
Томление
И тоска,
Страстное желание
И подлинное стремление
Ступить на землю Исраэля,
Пока не удостоюсь, по милосердию Твоему великому
и по милости Твоей безмерной,
Претворить в жизнь
Мое страстное желание и волю мою —
Отправиться в путь
И добраться в мире до Страны Исраэля скорее
скорого.
Ведь Ты знаешь, как нужно мне быть там —
На Святой земле:
Потребность безмерна —

Как удаленность моя от Тебя!
Ведь там основание источника веры святой,
Там корень всеобщей освященности Исраэля.
Это земля, которую Всевышний наблюдает непрестанно.
Земля жизни подлинной,
Вечной —
Прекрасная видом, отрада всей земли!
(*Ликутэй Тфилот*, 84)

МОЛИТВЫ О СМирЕНИИ, ПРИМИРЕНИИ И МИРЕ

Да будет воля Твоя, Всевышний, Властелин наш и
Властелин отцов наших!
Пожалей меня в милосердии Твоем
И истреби во мне гордыню без остатка,
Чтобы не сохранилось в сердце моем никакого
высокомерия и заносчивости!
И да удостоюсь я до конца осознать свою низость
И смирить себя полностью,
Чтобы видеть себя еще ниже
Той низкой ступени, на которой я нахожусь...
(*Ликутэй Тфилот*, 14)

Охрани меня и спаси меня -
От всякой распри и ссоры!
Пресеки вражду беспричинную в среде нашей
И во всем народе Твоем, Исраэле.
Вложи в сердце не согласных с нами
Раскаяние во вражде их и распрях,
Обрати сердце их к правде,
Чтобы впредь не затевали с нами ссор понапрасну...
(*Ликутэй Тфилот*, 20)

Властелин мироздания,
Повелитель ниспосылающий мир!
Дай удостоиться мне стать поборником мира
Воистину:
Мужем, любящим мир
И стремящимся к миру
Всегда,
Искренне и всем сердцем,
Чтобы я никогда не упорствовал в распре
Даже с теми, что поднялись на меня
И роют подкопы, спаси меня Б-же!
О, просветимое сердце, дабы знать мне,
Что удостоюсь постигнуть различие между распрей злодеев
И пререканием праведников,
И удостоятся уверовать в истину,
Что словопрение праведников — великое благо

Для того, о ком они спорят,
Ибо этим они возвышают его и возносят...
И надо мною да сбудется слово Писания:
"И увидит око мое (гибель) врагов моих, (о гибели)
ополчившихся на меня злодеев услышит ухо мое.
Праведник расцветет, словно пальма, возвысится, словно кедр Леванона".
(*Ликутэй Тфилот*, 107)

Да будет воля Твоя, Всевышний, Властелин наш
и Властелин отцов наших! —
Пожалей на в милосердии Твоем великом и в милости Твоей безмерной,
Сжался надо мной и пощади меня и мою удрученную душу,
Внуши мне раскаянье полное во всех моих грехах, беззакониях и преступлениях
И дай удостоиться мне быть в числе тех, кто очистится.
С небес помоги мне очиститься от грехов моих,
Чтобы удостоиться мне возвращения к Тебе в раскаянии полном воистину,
Возвращения непрерывного в течение всех дней моей жизни,
Ибо кто может сказать: удостоился я, сердце очистил свое от греха?
Ведь сердце наше Ты знаешь:
Есть в нем примесь негодная, сердце склонно к запретным порывам.
Даже в тот миг, что я признаюсь пред Тобою в грехе,
Сердце мое посещают чуждые помыслы и побуждение.
И даже единое слово не высказать мне, как должно, — слово исповеди.
Помоги мне, Всевышний, Властелин мой, быть всегда
твердым, отважным и сильным в служении Тебе
И не дай мне упасть никогда, упаси Б-г.
О, Всевышний, в милосердии Твоем великом
Дай мне удостоиться, чтобы отверзлись глаза мои, сердце и уши,
И мог я увидеть, понять и услышать, как велик Ты и превознесен,
Дай воистину возвратиться к Тебе!
Надели меня знанием, пронизательностью и разумением,
Чтобы понять мне и постичь путь возвращения подлинного.
Помоги мне продвигаться по нему постоянно,
Чтобы я удостоился приобщиться к тем, кто воистину обратился к Тебе, —
Ведь рука Твоя простерта, чтобы принять возвращающихся, —
Ты благоволишь к ним.
И если не сейчас, то когда?
Помоги мне воистину пробудиться
И воистину возвратиться к Тебе возвращением полным.
Дай мне воистину прилепиться
К истинным праведникам отныне и навсегда.
"Ведь не желает Он смерти мертвому (душой),
Но (желает), чтобы тот возвратился с пути своего и ожил".
Ты повергаешь человека во прах
И говоришь: Возвратитесь (ко Мне), сыны человеческие.
Перестань (гневаться на нас), Всевышний!
Доколе (Ты будешь карать нас)?
Сжался над рабами Твоими.

Возврати нас, Всевышний, к Себе, и мы возвратимся!
Обнови наши дни, (чтобы стали такими), как прежде.
(*Ликутэй Тфилот*)

МОЛИТВА О СПАСЕНИИ ОТ ЛИЦЕМЕРОВ; ПРОСЛАВЛЕНИЕ ПРАВЕДНИКОВ

Повелитель единственный, исполненный милосердия, Всевышний, Властелин истинный!

Сохрани меня и спаси в милосердии Твоем великом от лжецов и лицемеров,
Сжался надо мной, сохрани меня и спаси!

И да не прилепится ко мне ни единое слово лживое и лицемерное, упаси Б-г!

И да не придет мне на ум похваляться превосходящим мое разумение и для меня непостижимым,

Вводя этим в заблуждение себя и других!

Властелин мироздания! Ты знаешь, как безмерна возвышенность и святость

Подлинных праведников, сынов восхождения, несравненных в великолепии величия их.

Они удостоились того, чего удостоились,

Касаясь подчас предметов возвышенных, непостижимых и воистину грозных, они говорят о них правдиво и искренне.

Все слова их истинны и справедливы, по ним можно судить о величии

Творца, благословенно имя Его,

Уделившего боящимся Его от мудрости Своей и наделившего подлинных праведников даром постигать непостижимое и грозное и говорить о нем.

Однако чудом деяний Твоих Ты сопрягаешь противоположности

И в безмерной мудрости Твоей предусмотрел место для ошибки.

И вот, праведникам противостоят лжецы и лицемеры, подобные занозе в теле человека,

Те, что спесиво разглагольствуют о непостижимом, словно нет для них ничего недоступного.

Речения великие и грозные, исходящие из уст праведников в истине и чистоте,

Они извращают языком лжи и заблуждения.

И вот я предстал пред Тобою, исполненным милосердия, и молю:

Сжался над нами и всем народом Твоим, Израэлем,

Сохрани и спаси нас от лжецов и ханжей, рядящихся не в свой талит.

Сохрани и спаси нас, Страж Израэля,

Чтобы мы не были введены ими в заблуждение и даже слуху о них не было.

Да не будет у них ни силы, ни власти причинить нам хоть ничтожный ущерб — телесный или духовный!

(*Ликутэй Тфилот*, ч. 2, 16)

ФРАГМЕНТ ИЗ КНИГИ "ПАРПЭРАОТ ЛЕ-ХОХМА" РАБИ НАХМАНА ИЗ ЧИГИРИНА, ПОСВЯЩЕННЫЙ ПОУЧЕНИЮ "И СКАЗАЛ БОАЗ РУТ"

Поучение "И сказал Боаз Рут" было высказано летом 5566 (1806) года, в месяце сиван, вскоре после кончины сына учителя нашего раби Нахмана — Эфраима, святого младенца. В помещении, пристроенном над домом раби Нахмана, находились тогда раби Натан и еще один человек. Наш учитель не скрывал от них своего великого горя. Бедствия постоянно настигали его, нанося ему удары "изнутри и снаружи". Он сказал: "Дано ли вам уразуметь, какую страшную травму нанесла миру кончина этого

ребенка? Сердце мое совершенно разбито, оно сорвано со своего места..." На глазах у него появились слезы и потекли по щекам. Раби Натан и тот другой поднялись со своего места и буквально обратились в бегство. Они чувствовали ужасную неловкость и стыд, оттого, что видели, как он плачет: казалось, весь мир перевернулся и лежит в развалинах. (Из намеков, сохранившихся в книгах раби Натана, можно понять, какой великой надежде нашего народа предстояло сбыться тогда, не умри этот святой младенец.)

На другой день, в канун субботы, раби Нахман сказал им, что, не убеги они тогда, он открыл бы им нечто замечательное, и в тот же день преподнес им поучение "И сказал Боаз Рут". Это поучение об исправлении душ и о том, как люди нуждаются в хозяине поля (*бааль а-садэ*), чтобы он направлял их и исправлял. Того же, кто препояшет чресла свои, дабы стать хозяином поля, постигают страдания без меры, упаси Б-г. Но он, преисполненный внутренней силы, преодолев страдание, возделывает поле. Именно об этих страданиях раби Нахман и говорил накануне.

Впоследствии он многократно касался темы исправления душ и, в частности, когда вернулся из поездки в Лемберг (Львов) и заговорил о переезде в Умань, сказав, что избрал Умань местом своей кончины и захоронения ради исправления душ, ожидающихся этого уже сотни лет.

Теперь, говоря о хозяине поля, он рассказал, что, еще живя в Златополье, кое о чем догадывался. С той поры он узнавал о хозяине поля все больше и больше, но самое важное понял в последнее время. И это знание, которым он ныне обладает, поистине чудесно и потрясающе. Все его странствования и все его страдания имели единую цель — исправление миров и исправление душ живых и умерших. Этим, прежде всего, он занят в конце своей жизни.

За день до его кончины он спросил раби Натана, помнит ли тот его рассказ о Бааль Шем Тове, как тот пришел в одно место, где пребывало множество падших душ, которые он должен был исправить, и понял, что может добиться этого только ценою собственной жизни (см. "*Хайей Моаран*", 191, 217). И сказал: "С давних пор многие ждут меня здесь с нетерпением в надежде привлечь сюда. Скажу тебе: тысячи, десятки тысяч!"

Слово "десятки" он произнес с нажимом, давая понять, что в Умани пребывают десятки тысяч душ, и сейчас они окружают его в уповании, что он их исправит. Вот почему пришлось ему изведать горечь страдания, перенести столь тяжкие муки. Затем раби Нахман повернулся к стене и протянул в ее сторону руки жестом, как бы говорившим: "Вот я отдаю свою душу. Я полностью готов ко всему ради Него, Благословенного!"

Ночью, это была ночь четвертого дня Суккот, последнего дня его святой жизни, после полуночи, когда при нем находились раби Нафтали и раби Шимьон, он снова повторил, что в Умани пребывает множество душ, ожидающих исправления. И сказал: "Сколько было здесь казней, сколько здесь было святых!.."

Раби Нафтали спросил:

— Разве в поучении "И сказал Боаз Рут" вы не говорите, что величайший цадик способен завершить исправление душ при своей жизни?

И он, благословенна его память, ответил:

— Да, но имеется в виду лишь один из аспектов исправления душ. Чтобы исправить их полностью, надо отдать жизнь!

После этих слов он вручил раби Нафтали и раби Шимьону ключ от комода и наказал им сразу же после его кончины, как только его положат на землю, извлечь из комода

все его рукописи и без всяких колебаний немедленно сжечь их все до единой. Полные смятения, раздавленные горем стояли они перед ним. И шепотом признались друг другу, что теперь у них уже не остается сомнений — он приготовился покинуть этот мир!

— К чему вы шепчетесь? — сказал им учитель наш. — Можете говорить о моей кончине, не скрываясь, я совсем не страшусь ее! Если же вы озабочены тем, что станется с вами, то не следует вам беспокоиться — ведь я отправляюсь перед вами. Даже души, не знавшие меня, уповают на меня, что я их исправлю. А вам-то уж и вовсе нечего тревожиться — я иду впереди вас! (см. *"Йемэй Моаранат"*).

В книге раби Натана *"Хайей Моаран"*, где также описана эта ночь перед кончиной учителя, говорится, что на раби Нахмана могут полагаться даже те, кто не знал его при жизни, — если будут приходить на его могилу, изучать его труды и встанут на путь, указанный им. Блаженна их участь, ибо не будут обвинены полагающиеся на него. И это относится также к грядущим поколениям.

Подтверждение тому мы находим в поучении раби Нахмана "Я Всевышний, Властелин твой". Там содержится намек, что исправления, в частности исправления, которых удостоиваются за то, что перед праведником исповедуются, открывая ему свое сердце, возможно достичь и после его кончины. Намек этот скрыт в том месте поучения, где говорится, что кости Йеуды не находили себе покоя до тех пор, пока Моше не сказал: "Услышь, Всевышний, голос Йеуды!" — и тем самым напомнил о его исповеди (имеется в виду признание неправоты по отношению к Тамар).

Отсюда следует, что раз праведник может исправить души людей прошлых поколений, его не знавших, то, разумеется, он способен исправлять души людей последующих поколений, людей, опирающихся на его заслуги и стремящихся воплотить в жизнь его учение.

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ "НАХАЛЬ НОВЭА" "Неиссякающий родник"

Один хасид спросил учителя нашего, как понять, как объяснить себе самому те стихи из псалмов Давида, да осенит мир его душу, где он восхваляет самого себя, например: "Сохрани мою душу, ведь я благочестив..." (Псалом, 86:2). Ответил ему учитель: "Чтобы понять — надо примерить к себе. Ибо и себя тоже следует судить благожелательно, надо обнаружить в себе хоть какие-то достоинства, найти в себе зерно добра, средоточие праведности. Ведь сказано о Еошафате: "И возвысилось сердце его на путях Всевышнего" (*Диврэй аЯмим*, II, 17:6). Ибо на путях Всевышнего и в служении Ему возвышается сердце человеческое".

И еще сказал учитель наш: "Каждое утро мы сперва говорим: "Что мы, что жизнь наша..." — тем самым предельно принижая себя в своем самоуничижении. А после этого мы говорим: "Но ведь мы народ Твой, сыны завета Твоего..." — мы ободряем себя, превознося себя, говорим о величии нашем, называя себя народом завета Его, потомками Авраама, Ицхака и Яакова. Так и положено вести себя, когда служишь Всевышнему. (См. в *Ликутэй Моаран*, ч. 1, стр. 282 истолкование стиха: "Буду воспевать Властелина моего, пока я жив...")

Многokrратно наставлял он нас молиться во всю свою силу и не раз повторял, что, вопреки довольно распространенному мнению, нужно без всяких колебаний подчинить себя молитве. Он говорил, что когда человек молится целеустремленно (*бэ-кавана*), поддерживая неразрывную связь мысли и слова, прислушиваясь к словам, которые он произносит, тогда, как бы само собой, сила вливается в них, ибо силы души человеческой только и ждали этой возможности. И тогда человек без всякого самопринуждения молится в полную силу.

По поводу посторонних мыслей во время молитвы. Известно, что каждая такая мысль обладает своей конфигурацией и статью (как человеческое тело). Он сказал, что для того, чтобы победить мысли, чуждые молитве, надо не обращать на них внимания, продолжая молиться, следуя установленному порядку молитвы. И тогда посторонние мысли исчезают сами собой. Игнорируя их, молящийся повергает их в прах, у одной отсекая руку, у другой — ногу и т.д., как воин на войне, расчищающий себе путь на поле брани и повергающий одного врага за другим и не оглядывающийся на повергнутых. Ибо каждая чуждая мысль есть нечистая оболочка (*клипа*), обладающая определенной конфигурацией и стремящаяся развернуться во всю свою статью. Игнорируя их, молящийся калечит их и уничтожает.

Однажды сказал он, что если бы можно было переместить умершего в этот мир и дать ему помолиться, он молился бы замечательно, в полную силу...

Слышал я от одного из приверженцев раби Нахмана что однажды они говорили об одежде. Тот сказал ему, что надо молиться Благословенному, чтобы дал нам, во что одеться. Точно так же следует приучить себя молиться о любой вещи и потребности, большой и малой. Хотя, несомненно, что главное — это молиться о главном, т.е. о том, чтобы через служение Всевышнему удостоиться приблизиться и прилепиться к Нему. Однако также и о простых и незначительных житейских вещах надо молиться. И он добавил, что тот, кто не поступает так, уподобляется животному. Ибо так же, как и животному, Всевышний дарует ему все насущно необходимое для жизни в этом мире. И, подобно животному, он получает все это без молитвы, без обращенной к Всевышнему просьбы наделить его всем жизненно необходимым. Человеку же пристало именно молитвой своей привлекать к себе всякое благо, большое или малое, ниспосылаемое ему с небес.

Случилось, что я крайне нуждался в некоей весьма и весьма незначительной вещи. И учитель наш велел мне молиться о ней Всевышнему. Я был потрясен, потому что мне казалось неподобающим обращаться к Нему, Благословенному, из-за такого ничтожного пустяка, без которого я, в конце концов, мог как-то обойтись. И тогда сказал мне учитель, и в голосе его прозвучало изумление: "Ты полагаешь, что это ниже твоего достоинства — молиться Всевышнему о таком ничтожном пустяке?!" И потом рассказал мне небольшую историю, происшедшую с одним человеком из Меджибожа, а суть ее была в том, что обо всем на свете нужно молиться Всевышнему.

Однажды обратились к раби Натану с вопросом, не предпочтительней ли молиться как можно быстрее, чтобы таким образом избежать посторонних мыслей. И Моаранат (учитель наш раби Натан) ответил, что если молиться быстро, вся молитва может быть испорчена одной-единственной посторонней мыслью. Когда же молишься не спеша, то уж во всяком случае можно хоть на какое-то время пресечь посторонние мысли.

Выше было разъяснено, что не следует обращать внимания на пустые, отвлекающие от молитвы мысли, а, игнорируя их, нужно продолжать молиться в установленном порядке, вникая в смысл каждого слова молитвы, все глубже погружаясь в нее и отрешаясь от всего постороннего.

Часть вторая

ОБ УЧЕНИИ РАБИ НАХМАНА ИЗ БРАСЛАВА

Перевод Натана Бартмана. Под редакцией Натана Файнгольда

СВЕТ МЕССИИ В УЧЕНИИ РАБИ НАХМАНА ИЗ БРАСЛАВА

Гилель Цейтлин

1. Последняя остановка в шествии царя-Мессии

Раби Нахман сказал однажды одному из своих учеников. "Мой огонек будет мерцать,

пока не придет Мессия". (В переводе раби Натана с языка идиш на иврит: "Мой огонь будет гореть, пока не придет Мессия").

Раби Натан, самый выдающийся ученик раби Нахмана, видит в этих словах прозрение того, что *осуществится в будущем*. Раби Натан верил в то, что раби Нахман был *последним из "выравнивающих" дорогу, по которой придет царь-Мессия*, и что после него никто уже не будет "выравнивать" ее до прихода последнего избавителя.

Есть *цадики*, а также *цадики великие* по своему значению, и есть *цадики поколений*, или *истинные цадик*. Одним из истинных цадиков был раби Нахман, по его собственному убеждению и убеждению раби Натана.

Чем отличаются великие цадик от истинного цадика или от цадика поколений?

Истинный цадик или цадик поколений — это тот, кто открывает *совершенно новые* врата в чертогах вышних, открывает новое небо и новую землю, привлекает благодать *из самых дальних миров*, открывает нам величие святости, сокрытое в течение многих поколений. Он открывает миры, простирающиеся от начала всех ступеней до конца всех ступеней: "Открыл — и никому не закрыть, закрыл — и никому не открыть".

Итак, согласно браславской традиции, — дорога ведет от Моисеева Закона к "Книге Зоар"¹, от нее — к "Эц а-Хаим" и "При Эц а-Хаим"², от них — к Бешту³, от Бешта — к "Ликутэй Моаран"⁴, от "Ликутэй Моаран" — к царству Мессии.

2. Поучение о завоеваниях Мессии

Раскройте "Ликутэй Моаран". Эта удивительная книга длительное время служила мишенью для насмешек многих приверженцев Аскалы⁵. Посмотрим, что в ней сказано о нашей продвижении к царству Мессии. Все хасидские авторы едины в том, что самой важной и практической идеей в произведениях раби из Браслава была идея цадика. Я осмелюсь, однако, утверждать, что самой важной и практической идеей в учении раби Нахмана была не идея цадика, а идея Мессии. Цадик занимает центральное место во всем его учении, в его беседах и повествованиях. Но сам цадик при всем величии и великолепии его гения фигурирует в них лишь потому, что он осуществляет переход к царю Мессии, и, поскольку он — истинный цадик или цадик поколений, он не только выполняет эту функцию, но и является подобием и предвосхищением, вернее, "предоткровением" самого Мессии.

Во втором поучении "Ликутэй Моаран" раби из Браслава рассуждал главным образом о царе Мессии и о "завоеваниях, которые он совершит". Заслуживает особого внимания то, что у раби Нахмана царь Мессия непрерывно воюет, но его оружием, его мечом и луком служит молитва.

Можно ли в наше время, когда народы ведут войны и совершают завоевания, применяя совершеннейшее смертоносное оружие, понять, что подразумевал браславский раби под "завоеванием"? Речь идет, однако, о мировосприятии людей, наделенных тончайшей духовной чувствительностью и ощущающих, что войны между народами ведутся, прежде всего, над нижним миром и вдали от него ("Да будет воля Твоя установить мир между вышними воинствами" (Трактат "Брахот", 17) и толкование Раши на эти слова: "Когда между верховными князьями возникает спор, тотчас начинается битва между народами"). Раби Нахман учил, что завоевания материальные следуют за завоеваниями духовными на высочайших вершинах. Завоевания, краткосрочные или долгосрочные, могут представлять собой самоцель или средство для достижения цели более высокой. Они осуществляются во имя справедливости, ради изобличения, ради кары (даже злодей на один день — грешен), чтобы воздать по заслугам народам, когда исполнится мера их злодеяний, и т.д.

Так как завоевания царя Мессии суть последние завоевания, последний счет, счет

сбалансированный и завершённый, эти завоевания труднее всего осуществить. Против них восстают наглые и могучие народы, вооруженные с головы до ног, исполненные энергии и обуянные гордыней. Есть среди них и такие, которые тщатся воздвигнуть ложный идеал освобождения человечества извращенными и нечестивыми путями.

Поездка на Святую Землю браславского раби, проявившего беспримерную самоотверженность, поездка, состоявшаяся в разгар войны Наполеона против стран востока, в дни, когда пожар войны полыхал с особой силой, поездка, предпринятая без всякого знания языков, без всякого знания большого мира, без умения и возможности применить в случае необходимости материальное оружие, чтобы защитить свою жизнь, со скудной и недостаточной суммой денег, которую с трудом хватило на дорогу из маленького местечка в Подолии до портового города Одесса, поездка в сопровождении человека, еще менее знакомого с прозой жизни, чем сам раби Нахман был знаком с ней благодаря своему природному здравому смыслу и интуиции, сопровождении "служки", который хотя и действительно готов был отдать свою жизнь по первому слову и мановению руки своего учителя, но не мог быть ему ни в чем полезным в трудный час, — такая поездка была предпринята лишь ради духовного завоевания Страны. По мнению раби Нахмана, у народов, которые господствовали в то время на Земле израильской, имелись веские притязания на нашу землю, они предстают перед судом Святого, да будет Он благословен, с обоснованной претензией: если человек, утверждают они, завладеет полем своего соседа, он через три года будет признан владельцем этого поля. Что же можно сказать о владевшем землей в течение почти двух тысяч лет? Во сколько раз больше у него прав! Что мы, сыны Израиля, можем возразить на это? Мы можем сказать в ответ: у завладевшего полем другого человека имеется серьезное основание только в том случае, если ограбленный не протестует, но мы, сыны Израиля, не прекращаем протестовать в своих молитвах три раза в день с тех пор, как нас изгнали с нашей земли, и поныне. Мы всегда вопием, сетуя перед лицом всего человечества на ужасную несправедливость, которую совершили над нами, и не отказывались от наследия, оставленного нам нашими праотцами ни на одно мгновение. Народы, следовательно, владеют нашей землей по "праву" сильного, и, когда наступит назначенное время, они снова вернут нам нашу собственность сполна и выплатят компенсацию за плоды, которые они вкушали незаконно.

Но протест должен быть живым, конкретным протестом, протестом, который идет из глубины души, и не быть пустой болтовней. Ибо эта тяжба между Израилем и ограбившими его народами решится Всевышним. Это большая и длительная, очень запутанная тяжба, осложненная множеством грехов, которые совершил Израиль перед Всевышним. Поэтому обычные молитвы бессильны избавить его немедленно от притеснений. И только когда его вопль возносится к Всевышнему, когда его непрерывный и настойчивый протест прорывается через небосводы, этот протест оказывает свое действие в течение поколений.

А когда являются великие праведники, в особенности те, что приходят как освободители, они должны не только умолять, вопить и призывать на помощь, но и совершать реальное действие.

При том положении, в котором находилась Земля израильская при жизни раби Нахмана, при том воспитании, которое он получил, и влияниях, оказанных на него окружением Бааль Шем Това, он не мог совершить другого акта завоевания, кроме как поехать в Страну, дабы представить там свои претензии-притязания, вопль-протест, напряженный лук-просьбу, войну-молитву.

Вместе с тем убедительно звучат и предположения, что перед умственным взором раби Нахмана вставали и другие формы завоевания, формы более земные, более политически осязаемые. Если мы добавим к этому, что он был большим поклонником Наполеона и даже считал его царем по "основному корню" его души, имеющим право обладать царством, хотя тот и родился в простой семье); если мы вникнем в высказывания раби Нахмана, свидетельствующие о его величайшем преклонении перед внутренней силой (см. "Ликутэй Моаран", 249), и вспомним об обещаниях Наполеона предоставить евреям государственность на Святой земле; если мы укажем на историю в "Шивхэй Бешт" ("Прославление Бешта"), несомненно известную раби Нахману, о том, что Бааль Шем Тов видел во сне раби Акиву в одеянии воина в пещере царя Давида; если мы вспомним также слова самого раби Нахмана в удивительном поучении о цадике-освободителе, который должен иногда заимствовать меч (силу) из рук Эдома ("Ликутэй Моаран", 20); если мы постигнем душевные побуждения, скрытые за этими намеками, — мы будем весьма близки к истине, утверждая, что временами раби Нахман вынашивал нечто вроде политических сионистских идей, хотя тогда он еще не мог представить себе, что возможно образование Царства Израэля, которое не было бы Царством Всемогущего, и не переставал считать, что освобождение осуществится в конце концов посредством молитвы-меча царя Мессии и посредством обновления мира сверхъестественной силой.

Вера. Молитва. Земля Израильская

"Главное оружие Мессии, — утверждает раби Нахман во втором поучении, содержащемся в "Ликутэй Моаран", — молитва, и все войны, которые он будет вести, и все завоевания, которые он совершит, все это совершит он лишь силой молитвы".

"И сущность веры в аспекте молитвы и в аспекте чуда проявляется только на Земле Израильской. Ибо сказано: "Живи на земле (Израэля) и пестуй истину", ибо там средоточие вознесения молитвы: "Это — врата небесные".

"И посредством молитвы удостоивается (человек) всеобщего мира". Ведь "милосердие Его — на всех созданиях Его" — означает, что милость Всевышнего распространяется на все его творения и что все сотворенные смиростивятся друг над другом и между ними установится мир, ибо сказано: "Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком", и "не будут причинять зла и вреда".

"И знай, — утверждает он по другому поводу, — что всякого рода страдания и всякого рода мытарства происходят лишь от недостатка знания, ибо обладающий знанием, ведающий, что Провидение Всевышнего во всем, не испытывает никаких мучений и не чувствует никакого страдания, ибо Б-г дал и Б-г взял. И хотя есть страдания, избежать которые невозможно, человек переносит их легко и безболезненно, если он знает вполне определенно, что все от Б-га, да будет благословенно имя Его. Причина же страдания человека состоит в том, что у него отбирается знание, чтобы он испытывал мучения".

"И когда Всевышнему, да будет Он благословен, угодно смиростивиться над Израэлем, спасти его из изгнания и положить конец и предел притесняющему его, тогда простирает Он на него власть Провидения Своего, смиряет, лишает силы и покоряет природу и судьбу, которые властвовали над ним, и тогда склоняет Он пред Израэлем его притеснителей, и Израэль берет верх над ними".

"И знай, что эту власть Провидения (величайший цадик, подобный Моисею-Мессии) привлекает от конца времен, потому что в грядущем, в конце времен, власть природы

будет полностью упразднена, и Провидение Всевышнего будет властвовать безраздельно" ("Ликутэй Моаран", 203).

4. Война, охватившая миры "

А теперь сам собой возникает вопрос:

Если столь велика сила молитвы, а сыны человеческие не прекращают молиться, то почему же еще не освобожден мир от рабства и унижения? Почему в мире столь много несчастья и злоключений? Почему в нем ежедневно и ежечасно происходят бедствия? Почему все больше в мире братоубийств, все сильнее непрерывная борьба между народами, между сословиями, между партиями, между семьями и между отдельными людьми?

Этот вопрос вставал и перед раби Нахманом, и он ответил на него: это "война Всевышнего против Амалека"⁶, вселенская война, которая завершится только после многих эпох. Каждое поколение принимает участие в этой брани. Но силы одного поколения слишком малы, чтобы покорить Амалека и увенчать себя венцом победы. Это весьма затяжная война и в нее вовлечены все миры. Могучи, жестоки и лукавы легионы врага, который тайно проник даже во владения святости. В каждую эпоху эту войну следует возобновлять, прибегая ко всевозможным уловкам, так как враг тоже изобретает все новые уловки, чтобы навсегда подорвать власть святости и низвергнуть возвышенность священного города Иерусалима.

Сынам человеческим нужен один-единственный военачальник, который бы встал во главе воинства и повел его на "войну Всевышнего против Амалека". Все другие военачальники и простые воины должны подчиняться главнокомандующему. Поколения, в которых нет таких главнокомандующих, не оставляют после себя следа. Сила поколений, в которых есть такие главнокомандующие, но нет малых начальников, подчиненных главнокомандующему, тоже слишком мала, чтобы выстоять в час бедствия, и все-таки усилия, старания и стремления этих поколений не пропадают полностью. Всякая "война Всевышнего против Амалека" оказывает какое-то воздействие, ослабляет в каком-то смысле силу врага и увеличивает силу святости. "Никакое доброе желание не пропадает даром", и всякая молитва, рвущаяся из глубины сердца, не пропадет и не исчезнет в пустом пространстве, все собирается в некоем сокрытом месте, все прибавляется к счету.

И когда придет великий воитель, цадик-освободитель, подобный Моисею-Мессии, ему будут в помощь не только его силы и силы его современников, но и все, что накопили и собрали мало-помалу многие поколения, предшествовавшие ему.

Цадик поколений присоединяется ко всем молитвам и возносит все молитвы, которые до того были словно неплодоносящая почва.

Цадик-освободитель, цадик поколений подобен Левиафану в океане Бесконечного, и все молитвы, которые не могли подняться, доходят до него и прилепляются к нему. К нему слетаются все души, которые заключаются в молитвах, и эти души растут в них, в прахе, что окружает цадика, как растет полевое растение, и он, цадик, исправляет их, молитвы и души, содействуя объединению Всевышнего, да будет Он благословен, с Его Шехиной, вводит каждую молитву на место, подобающее ей. Так он постепенно восстанавливает величие Шехины, пока не воздвигнет Святую Обитель во всем совершенстве ее. И тогда пробудится милость Всевышнего ко всему миру, и в особенности к Израилю, который всегда пребывает в бедах, скорбях и воздыханиях, и все сущее переполнится милостью явной и безмерной.

После всего этого, после всех этих деяний цадика поколений, направленных на исправление душ и всего мироздания, мы все еще нуждаемся в милосердии

Всевышнего.

Нам следует бежать, спастись бегством от суеты сует, в которую мы погружены, как в бездну, чтобы вступить на ковчег праведности Всевышнего, да будет Он благословен.

5. Как мы распознаем цадика-избавителя

Почему души слетаются к истинному цадику? Почему они ищут только у него своего исправления? Почему только он, истинный цадик, может поднимать и исправлять падшие души, одевать нагие души, возносить в предназначенное место молитвы, которые блуждают в пространствах миров?

И как мы можем различать между тем, кого зовут истинным цадиком, или цадиком поколений, и между остальными цадиками? По каким приметам мы можем узнать и опознать этого особого цадика?

И еще: какие качества и достоинства присущи ему? Каково главное качество и какова сущность возвышенной души, обитающей в теле истинного цадика? И какая высшая мудрость свойственна цадику, мудрость, посредством которой он притягивает сильных своей силой и побуждает многих стремиться к святости?

Ответ на эти вопросы можно найти в следующем:

1. В общем определении корней души, ее служения, ее блужданий, ее пороков и ее исправления и теми средствами, которыми пользовался раби Нахман.

"Знай, — утверждает раби из Браслава, — что есть поле, и на нем растут прекрасные деревья и травы. Неопишуема красота поля и не счесть растений, растущих на нем. Счастливы те, кому дано увидеть это. И растения и травы — это святые души, которые растут на этом поле, и есть среди них несколько нагих душ, которые скитаются за пределами поля, ожидая своего исправления и томясь по нему, дабы они могли вернуться и собраться на своих местах. И даже великая душа, от которой зависит много других душ, выйдя иногда за пределы поля, не может вернуться на свое прежнее место. И все эти души ожидают хозяина поля, чтобы он занялся их исправлением. А восстановить иную душу можно, только заплатив за это жизнью или совершив благое деяние, служа Всевышнему".

"И тот, кто хочет препоясать чресла свои и стать хозяином поля, должен быть бесстрашным и решительным воителем, мудрецом и великим праведником. Бывает, что человек не может завершить деяние исправления раньше, чем на смертном одре, но и для этого надо быть весьма великим, ибо есть много великих, которые даже на смертном одре не достигли этого. Только человек великий, достигший высочайшего духовного уровня в своем восхождении, способен завершить то, что он должен завершить на протяжении своей жизни, ибо много мытарств и страданий приходится ему пережить. Только благодаря своему величию и восхождению он может перенести все и возделывать поле, как должно" ("Ликутэй Моаран").

2. В полном самоупразднении истинного цадика (вплоть до полного подавления эгоизма), то есть в безмерном смирении его перед Бесконечным, когда невозможно представить себе большего смирения.

"Когда (ты) приходишь к знатоку Торы и изливаешь перед ним свое сердце и тот подобен Моисею в своем самоупразднении — посредством этого ты приобщаешься к Бесконечному, ибо когда человек хочет отдаться на волю Бесконечного, он должен упразднить свою (материальную) сущность.

3. В душевной силе (**гвура**) истинного цадика (цадика-избавителя, хозяина поля, подобного Моисею-Мессии).

"**Гвура**, — утверждает Браславский раби, — обитает в сердце, ибо тот, кто тверд сердцем и не боится никакого человека и никакой вещи, способен совершить

невероятные деяния, потому что он стремится быть в самой гуще боя, как сказано: "Кто силен? Тот, кто подавляет свои страсти" (Авот, 4:1).

4. В девяти принципах поведения и качествах, которые являются тайнами владычества над мирами и душами. Приведем некоторые из них. Этими качествами отличается Моисей-Мессия, "Пастырь верный", изливающий свою душу в мольбах, молитвах и просьбах". Грешных смиряет он жезлом силы, но перед Святым, да будет Он благословен, предстает в мольбах своих как жалкий бедняк и ни на какие привилегии не претендует, как сказано: "И умолял Всевышнего во время то". А это означает, что (цадик) должен обратиться с мольбой (к Всевышнему), если хочет высказаться, т.е. произнести поучение.

5. "На глазах у них" — в способности установить связь с душами собравшихся слушать его. "Когда он поучает общину — еще перед тем как начать говорить — он устанавливает связь с душами присутствующих и изливает свое сердце в молитве перед Всевышним, да будет Он благословен. Ибо сказано: "Всевышний могуществен и не презирает доблестного сердцем" (Иов, 36). Его слова обжигают: "Есть душа в мире — через нее открываются толкования Торы, и она страдает от мучений, ибо сказано: "Хлеб с солью ешь, воду в меру пей, и при этом трудись над Торою" (Авот, 6:4). Все толкователи Торы черпают от той души, и все речи той души — словно раскаленные угли. Из океана Торы можно почерпнуть только тогда, когда речи — словно огненные ручьи, ибо сказано: "Слово Мое не подобно ли огню"? (Иеремия, 23).

"Кто хочет, чтобы через него открылись слова Торы, должен вначале привлечь к себе свыше слова, обжигающие, как раскаленные угли, слова, изливающиеся из высшего сердца, ибо сказано: "Всевышний — твердыня сердца моего" (Псалом, 73). В этом сердце запечатлены все разъяснения Торы. Тот, кто нуждается в каком-то разъяснении, должен обратиться за ним к этому высшему сердцу с мольбой и молитвой".

"И послал Моисей ангелов". Духовные силы, рождающиеся из букв Торы, — действительно ангелы. Эти духовные силы — ангелы — соответствуют чаемому обновлению Торы, а обновление Торы совершается соответственно той святости, которая прибавилась наверху. По мере преумножения святости происходит возрастание Торы, и с преумножением Торы — и преумножение ангелов. И, напротив, когда святость настолько оскудевает, что ангелы, сотворяемые благодаря обновлению Торы, малосильны и не способны покарать злодеев мечом, они могут лишь смирить злодеев, посеяв малодушие в их сердцах, а иногда даже смирить их не могут.

Восхождения на Землю Израильскую устаиваются приобщением к Торе, ибо сказано: "И дал ему земли народов" (Псалом, 105). Но Земля Израильская — одна из трех вещей, обретаемых через страдание. Эти мучения должны сдерживать злодеев, распускающих дурную славу о Стране, злодеев, которых надо сначала смирить. Из этих страданий цадик, поднявшийся на уровень Эрэц-Израэль, выходит бесстрашным героем. Но пока он не достиг этого, о нем можно сказать: "Пусть не хвалится препоясывающийся (мечом), как снимающий пояс" (Мелахим, 1:20). А после того как он победил, называют его мужем брани (См. "Ликутэй Моаран, поучение 20).

6. В совершенстве священного языка истинного цадика. Это выражение "совершенство священного языка" раби Нахман употребляет в двух смыслах:

а) Это священный язык иврит, язык Израиля, язык Торы, пророков и пр., язык, которым сотворен мир, и буквы этого языка порождают и создают мироздание. Эти буквы нисходят с высших небосводов в бездну и проникают в глубины материального и предельно грубого — в тайне изгнания Шехины, чтобы затем подняться и вернуться к своим светоносным небесным источникам — в тайне возвращения Шехины;

б) Это священный язык самого истинного цадика, то есть священная речь и чистота ее, которая обретена не только путем ограждения языка от всякого сквернословия и злоречия, но и благодаря устранению всех "речей, которые посвящены не Всевышнему и Его Торе". Этому языку, этой речи, в которой сосредоточивается возвышенная духовная мощь, присуща невероятная сила воздействия.

Советы и наставления

Основываясь на этих признаках, мы научились определять сущность истинного цадика, Моисея-Мессии, и по этим признакам мы узнаем и отличаем его от остальных праведников мира. Но каковы те слова и пути, посредством которых этот истинный цадик (или, выражаясь точнее, сам раби Нахман) приближает сынов человеческих к служению Всевышнему? Чем он очищает и облагораживает их? Каковы те советы и наставления, которыми и посредством которых он спасает их от "всеобщего врага", "предвечного змея", "всеобщего зла", "костра семидесяти звезд"?⁷

Множество советов и наставлений раби Нахмана можно свести к четырнадцати главным:

1. Бесхитрость веры;
2. Установление связи с истинным цадиком;
3. Вера в собственные силы и укрепление духа;
4. Молитва "во всю свою силу", в самозабвении, выявление в своей душе средоточия истины;
5. Вопль и стенание, обращенные к Всевышнему;
6. Радость в сокрушении сердца;
7. Уединение;
8. Беседа между человеком и его Властелином;
9. Поучение учителя как основа молитвы;
10. Освящение половой жизни (верность союзу со Всевышним: символ союза — обрезание);
11. Искоренение в себе корыстолюбия;
12. Благотворительность;
13. Непрерывное покаяние и совершенствование;
14. Непрерывное возобновление усилий.

Бесхитростная вера

"Надо отбросить всякое мудрствование и служить Всевышнему бесхитростно, ибо деяния человека должны превосходить его мудрость, и главное — не изучение (Торы), но деяние (соответствующее Торе). Поэтому мы должны отказаться от всякого мудрствования и служить Всевышнему бесхитростно. Это касается не только жалкого мудрствования людей, основанного на здравом смысле, но и подлинной мудрости. Даже человек поистине великого ума, когда речь идет о служении, должен отбросить всякие мудрствования и бесхитростно служить Ему, да будет Он благословен". ("Главное — это вера" — "Ликутэй Моаран", "Тинъяна", 5).

Установление связи с истинным цадиком

"То, что люди должны ездить к цадикам и что одного чтения нравоучительных книг недостаточно, объясняется в Торе: "И сказал Всевышний Моисею: "Запиши это для памяти в книгу и внуши Йеошуа". Хотя Он повелел ему записать в книгу, этого недостаточно, и Он приказал ему: "И внуши Йеошуа", то есть Моисей должен был говорить с Йеошуа лично, ибо главное — то, что мы слышим из уст цадика" ("Ликутэй Моаран, 120).

"К цадику ездят, чтобы вернуть свою потерю, потому что прежде чем человек появляется на свет, его учат и ему показывают все, что он должен делать, какую службу сослужить и чего должен достичь в этом мире. Как только он появляется на свет, он сразу же все забывает, как говорили благословенной памяти мудрецы наши (Нида, 30:72). Забвение же подобно потере, поэтому забывшего называют потерявшим. (См. Авот, 5:16). И человек вынужден отправиться на поиски потерянного, которое может вернуть ему только цадик. Ибо цадик ищет его потерю, пока не найдет ее. А найдя ее, он возвращает ее и ищет другие потери, пока не найдет и их, и он продолжает поиски, пока не найдет потери всего мира. Поэтому надо прийти к

мудрецу, чтобы разыскать и опознать свою потерю и получить ее у него" (Бава Мециа, 276).

"Есть две стороны приближения к цадикам, посредством которых можно все исправить. Первая сторона — когда человек созерцает цадика, вторая сторона — когда исповедуется перед ним и тот направляет человека на верный путь в соответствии с корнем его души" (См. "Ликутэй Моаран", 4).

"Животворящий дух воспринимают главным образом от цадика, учителя поколения, потому что этот дух заключается в Торе, ибо сказано: "И дух Б-жий носился над водами", а "воды" — это Тора. Цадик прилепляется к Торе, и потому он — хранитель духа жизни (См. "Ликутэй Моаран", 8).

"Каждый человек должен связывать свою молитву с цадиком поколения, ибо цадик умеет направлять и возносить каждую молитву в подходящие врата" (См. "Ликутэй Моаран", 9).

Вера в собственные силы и укрепление духа

Большим препятствием на пути к совершенству является неуверенность в собственных силах. Это препятствие приводит человека, воспитывающегося в служении Всевышнему, когда он делает первые открытия, первые шаги, к упадку сил и упадку духа, безрадостности и разбитости. Если человек не устраняет этого препятствия со своего пути, он оказывается в еще худшем положении — им овладевает печаль и черная меланхолия. А если он не преодолеет себя и теперь, то дойдет до душевного состояния, хуже которого нет, — до отчаяния. Этим объясняется беспощадная борьба, которую вел раби Нахман со всякого рода сомнениями и душевной неустойчивостью. Он углубляется до основы духовных состояний человека, который стремится к Б-жественной полноте. Он открывает, что состояния сомнений, спадов, падений неизбежно должны сопровождать каждого, кто стремится проникнуть в сокровенное. Это касается любого человека, который не довольствуется принятыми обычаями и внешним влиянием, но идет своим путем к Всевышнему, ищет сокровенное средоточие своей души, чтобы осиять его вышним светом, соприродным его душе.

Раби из Браслава любил рассказывать своим ученикам, и особенно своему любимому ученику раби Натану Штернарцу, что "воды бурные" прошли и над его душой. Он сам много страдал, причиной чего были тягостные сомнения, которые он преодолел всей силой тоски и томления по жизни в Б-ге, ясно сознавая, что эти сомнения и размышления суть испытания, которыми испытывают человека, — действительно ли и искренне ли он желает освободиться от оков преходящего мира и подняться ввысь, как солнце поднимается в зените, навстречу святости Б-жьей.

"Все его молитвы, — рассказывает раби Натан о своем учителе, — были лишь о том, чтобы удостоиться близости к Всевышнему, да будет благословенно Имя Его, и были у него к Нему большие претензии. Несмотря на все эти молитвы, ему всегда казалось, что Всевышний не обращает на него никакого внимания и не слышит его совсем. Напротив, казалось ему, что Он отдаляет его от служения Ему всякими средствами и как бы вовсе отвергает его. Ибо он видел, что проходят дни и годы, а он все еще далек от Всевышнего, да будет Он благословен, и не удостоился приблизиться к Нему. Поэтому он весьма укрепил свой дух и не отступил ни на шаг. Не один раз вера его ослабевала из-за того, что он видел, что он молится, просит и молит Б-га, да будет Он благословен, о близости, а его не замечают. День-другой он не говорил со своим Властелином, а затем приходил в себя и стыдился того, что размышлял об атрибутах Благословенного, ибо несомненно, что Всевышний, да будет Он благословен, — милостив и милосерд, и несомненно, что Он желал приблизить его к Себе. И он снова

укреплялся духом и обращался к Нему с молитвой. И так было много раз" (там же).

"Надо, — учит раби Нахман, — укрепиться в вере во всей ее полноте. Надо верить в то, что ты обладаешь силой совершить какое угодно действие в молитве или в беседе со своим Властелином, поскольку возможны некоторые сомнения в этом, как знает каждый в душе своей" (Раби Натан, "Ликутэй Алахот").

"Иногда, — продолжает раби Натан, следуя методу своего учителя, — нечистый может поколебать мудрость человека: мол, твои предки и учителя действительно многого достигали в своих молитвах, но ведь ты не столь праведен, как они, как же ты можешь надеяться, что твоя молитва дойдет до Всевышнего? На самом деле это не так, ибо Всевышний, да будет Он благословен, внемлет молитве из любых уст, и каждый сын Израиля может обратиться к Нему с мольбой о милости, если его молитва настоящая" (там же).

"Крепись, сын мой, — пишет раби Натан своему сыну раби Ицхаку, — крепись, чтобы идти этим путем. Каждый день говори вслух о своем томлении по святости, принуди себя к этому и, поверь мне, в каком-то смысле речи твои будут весьма хороши в глазах Всевышнего, да будет Он благословен, потому что Он в милости Своей жаждет твоей молитвы. Ведь все миры со всем их великим служением Всевышнему, которое они совершают постоянно в священном страхе и трепете, не стоят в Его глазах ничего против одного излияния души в молитве сына человеческого в этом дольном мире. А если человек пал очень низко и деяния его безуспешны, то тем более! Когда такой человек изливает свое сердце перед Всевышним и совершает некое служение, он становится Ему все дороже. Потому что в том вершина славы Его, чтобы самые далекие от Него стали служить Ему" ("Листья для врачевания", письмо 28).

Раби Нахман имел обыкновение повторять: "Даже в преисподней можно приблизиться к Всевышнему, да будет Он благословен". И когда надо было ободрить отчаявшегося, он говорил ему: "Не бойся, сынок мой хороший! Б-г с тобой, в тебе, вокруг тебя, нет никакого отчаяния в этом мире".

Молитва в полную силу, единение со Всевышним, средоточие истины в сердце человеческого

Из молитвы черпают жизнетворную силу, ибо сказано: "Молитва к Б-гу жизни моей" (Псалом, 42:9) и поэтому надо молиться со всей силой. Ибо когда ты молишься во всю свою силу и вдыхаешь силу в буквы молитвы, в них обновляется сила, ибо сказано: "Милосердие Его обновляется каждое утро" ("Ликутэй Моаран", поучение "Пучина покрыла их").

"Всякая речь — это целый мир. И когда человек намеревается молиться и произносить слова молитвы, он как бы собирает прекрасные цветы, как тот, кто уходит в поле и подбирает цветок к цветку, соединяя их вместе. А потом собирает другие цветы и объединяет их в новый букет и присоединяет его к первому. Так ходит он и собирает и складывает несколько пахучих и красивых букетов. Так же продвигается он и в молитве — от буквы к букве, пока он не соединит несколько букв и не составит из них пучок, а потом — целое слово, и два слова, а затем идет и собирает еще, пока не закончит одного благословения. И снова собирает, продвигаясь все дальше и дальше. Кто может воздать хвалу несравненной красоте этого собирания и этих сочетаний, порождающих молитву?!"

"Когда слово рождается, оно исходит из души" (ибо сказано (Брэшит, 2): "Да будет человек душою живою", а в арамейском переводе Онкелоса: "душой говорящей"). Звучащее слово воспринимается говорящим, ибо наши благословенной памяти мудрецы говорили: "Дай услышать ушам своим то, что говорят уста твои". И вот слово

взывает к душе, чтобы та не разлучалась с ним. И в тот же миг, когда оглашается первая буква, например буква "бэт" в слове "барух" (благословен) (первая буква первого из "Восемнадцати благословений"), она сразу же взывает к душе, чтобы та не разлучалась с нею, ибо: "Как ты можешь покинуть меня? Ведь мы связаны взаимной любовью! Ты видишь мою редкостную красоту, сияние, величие и великолепие, как ты сможешь оторваться от меня? Правда, ты должна продвигаться дальше, тебе предстоит собрать еще большие сокровища и драгоценности, но как ты можешь расстаться со мной и забыть меня? Остерегайся забыть меня, куда бы ты ни двинулась, где бы ты ни оказалась".

И точно так же каждое последующее слово умоляет душу молящегося, удерживая ее в своих объятиях и не отпуская от себя. А ведь до конца молитвы молящемуся нужно еще так много высказать... И он должен объединить все, содержащееся в его молитве, воедино... (См. поучение 65 из "Ликутэй Моаран").

"Когда человек становится на молитву, приходят ему на ум посторонние мысли, нечистые силы обступают его, он остается во тьме и не может молиться, ибо сказано: "Ты закрыл Себя облаком, чтобы не доходила молитва наша" (Эйха, 3). И еще сказано: "Повсюду ходят нечестивые", и эти "нечестивые" — это клипот, нечистые оболочки, которые окружают его". "Когда ничтожные возвысились" — это происходит в час молитвы, когда молитва достигла вершины мира.

"И знай, что есть много ворот, чтобы выйти из этой тьмы", — как говорили наши, благословенной памяти, мудрецы. "Стремящемуся к скверне дают оскверниться" (Йома, 38б) Перед ним много ворот — оказывается, что есть много ворот, чтобы выйти из тьмы, но слеп человек и не умеет найти эти ворота. "И знай, что благодаря истине человек удостаивается найти ворота. Так как свет, осияющий его, — от Всевышнего, да будет Он благословен, ибо сказано: "Всевышний — свет мой и спасение мое" (Псалом 27). А ложью он отдаляет Его, ибо сказано: "Не произноси имени Всевышнего, Властителя твоего, напрасно" (Шемот, 20:7). Ложь отдаляет Всевышнего, да будет Он благословен, ибо говорящий ложь не останется пред Его глазами. Но благодаря правде Всевышний, да будет Он благословен, остается с ним, ибо сказано: "Близок Всевышний ко всем призывающим Его, ко всем призывающим Его в истине" (Псалом 145:18) — а когда Всевышний с ним, Он светит ему, чтобы знал человек, как выйти из тьмы, которая удерживает его" (Пучина поглотила их").

Вопль и призыв о помощи

"Каждый человек должен звать на помощь и возносить сердце свое к Нему, да будет Он благословен, словно ты посреди моря повис на волоске и ветер несет к самому небу, так что никто не знает, что предпринять, и почти нет времени позвать на помощь, но поистине нет у него другого совета и прибежища, кроме как вознести свои взоры и сердце свое к Нему, да будет Он благословен, и воззвать к Нему. И мы должны во всякое время уединяться и взывать к Нему, да будет Он благословен, потому что человеку угрожает большая опасность в этом мире, как ведает каждый в душе своей" ("Сихот а-Ран" и "Ликутэй Эйцот").

"Однажды, — рассказывает раби Натан, — я стоял перед ним, а он, да будет благословенна память его, покоился на своем ложе. И вот из его святых уст услышал я такие слова: "Вся суть в этом — в том, что "из чрева преисподней воззвал я" ("Сихот а-Ран"). Он имел обыкновение говорить своим ученикам: "Когда падают в грязь, как случилось с каждым из вас, начинают вопить, не умолкая" ("Сихот а-Ран" и "Листья для врачевания").

Однажды пожаловался раби Натан своему учителю: "Я изнемогаю от вопля, иссохла

гортань моя, истомились глаза мои в ожидании Б-га моего". Раби Нахман приподнял руку и сказал с кротостью: "Что делать в этом случае? Конечно, запрещено подозревать Б-га (в безразличии), конечно, праведен Всевышний". Потом он сказал: "Разве царь Давид был невеждой? А он сказал: "Я изнемог от вопля, иссохла гортань моя". Разве был он простолюдин? И он так сильно взывал к Всевышнему, что ослабел и изнемог от вопля и иссохла гортань его. А ты, слава Б-гу, еще полон сил" (См. "Хайей Моаран").

Уединение

"В деревне Гусятине, — рассказывает раби Натан о своем учителе, — неподалеку от города Медведевка, жил тесть раби Нахмана, да будет благословенна память его. Здесь, на берегах большой реки, густо поросшей осокой и тростником, провел раби Нахман годы своей молодости. У адмора⁸, да будет благословенна память праведника, был обычай: иногда он брал лодку и, хотя не мог как следует управлять ею, пускался в плавание по реке. А бывало, он брал лошадь из конюшни своего тестя и ехал на ней в лес. Приехав, он слезал с лошади, привязывал ее к дереву, а сам уходил в глубь леса, чтобы, по своему обыкновению, уединиться. Иногда лошадь освобождалась от привязи и возвращалась домой, и люди, видя, что она вернулась без седока, начинали тревожиться, ибо думали, что Нахман, Б-же упаси, упал с лошади. Случалось ему и попадать в грозу во время лесных прогулок, и он возвращался домой поздно ночью" ("Хайей Моаран").

"Однажды, — рассказывает его ученик, — я пошел с ним в Медведевку, где он жил ранее. Я брел с ним полями и лесами, и он простер руку над ними и сказал: "Все эти поля и леса, что тянутся вокруг, и все близлежащие места я исходил вдоль и поперек". И он рассказал мне, что на вершине горы есть очень высокое место и там пролегает лощина. Бывая здесь, он забирался в лощину и очень любил проводить там время в уединении.

Беседуя однажды со своим учеником раби Шимъоном, он воскликнул: "Как хорошо мне было здесь, на каждом шагу я чувствовал неземное блаженство!"

Он рассказывал раби Натану, что в годы молодости, после того как он оставался некоторое время в уединении в лесу или в поле, а затем возвращался домой, весь мир для него обновлялся, словно это был совершенно другой мир ("Хайей Моаран").

"Зима — это как бы время зачатия, и все травы и растения мертвы, потому что зимой теряют они свою силу и как бы умирают. Но когда наступает время рождения — лето, все травы пробуждаются и оживают, и тогда так хорошо, так отрадно поразмыслить в поле, и размышление это есть молитва. Все кусты и листья, которые начинают жить и цвести, — всех их томит страстное желание присоединиться к молитве, и они присоединяются к ней" ("Сихот а-Ран").

"И вышел Ицхак в поле молиться" — чтобы молиться вместе с полевыми растениями, чтобы все полевые растения обновляли свою силу и вносили ее в его молитву" ("Ликутэй Моаран", 2,1).

Есть у раби Нахмана толкование слова Машиах (Мессия) — помазанник, странное в грамматическом аспекте, но прекрасное по своему поэтическому содержанию: "Он назван так потому, что черпает свою силу и принимает помазание от полевых растений (или от беседы в поле)"⁹ ("Ликутэй Моаран").

Он сказал однажды: "Если бы человеку было дано услышать песнопения и славословия трав, он услышал бы, как каждая травинка поет песнь Всевышнему, да будет благословенно Имя Его, без всякой корысти и без всякой посторонней мысли".

"Поэтому весьма хорошо служить Всевышнему среди растений в благоговейном

трепете и уединяться в поле. И пусть даже это служение не захватывает сердце, впоследствии человек удостоится благодаря этому молиться среди великих земли и действительно изольет все свое сердце пред Всевышним, да будет благословенно Имя Его" ("Сихот а-Ран").

Беседа между человеком и его Властелином

"Сказал раби Нахман об укреплении духа в уединении и о мольбах и молитвах, что в речи таится великая способность пробуждать человека. Хотя человеку и кажется, что он не вкладывает сердца, когда, пробудившись от сна, высказывает множество просьб, жалоб и т.п., уже одно то, что он произносит их, — означает откровение и пробуждение его сердца и его души навстречу Всевышнему, да будет Он благословен, ибо сказано: "Душа оставила меня, когда он говорил" (Песнь песней, 5:6). Сама речь есть откровение сердца и души, и иногда благодаря тому, что человек говорил много, хотя бы и не из глубины сердца, потом происходит великое пробуждение в сердце и душе" (из бесед раби Нахмана, приведенных в конце "Ликутэй Моаран").

"Главное в уединении и в беседе между человеком и его Властелином — это такая полнота самоотдачи, при которой душа готова вот-вот оставить человека, упаси Б-г. Связь между душой и телом держится на волоске от безмерного томления и тоски по Всевышнему, да будет благословенно Имя Его".

"Надо приучать себя говорить со Всевышним, как говорят со своим учителем и со своим ближним, ибо "вся земля полна славы Его" (Ишайя, 6:3) и Он, Благословенный, пребывает всюду" (там же).

"Хорошо излить свою душу и поведать Ему, Благословенному, о своем горе, подобно сыну, которого его отец принимает с благосклонностью и милостью. И даже если иному человеку и покажется, что по делам своим он не как сын перед Ним, да будет Он благословен, не назвал ли нас Всевышний, несмотря на все это, своими детьми? Ведь названы же мы сыновьями Его, и значит, все зависит от нас самих, значит, каждый из нас должен поступать как сын. И хорошо, если я смогу пробудить свое сердце в молениях, обращенных к Нему, проливая слезы, как сын перед отцом" ("Сихот а-Ран").

"Когда еврей хочет говорить с Ним, да будет благословенно Имя Его, чтобы излить перед Ним свое сердце, умоляя Его приблизить его к служению Себе, тогда Благословенный как бы оставляет все Свои дела и снимает все Свои запреты, обращаясь лицом к человеку, который хочет говорить с Ним и излить перед Ним свое сердце" (там же).

"Когда человек уединяется и изливает свою душу перед Всевышним и, поведав Ему о своем страдании, признается и раскаивается во множестве нечестивых дел, совершенных им, Шехина тоже стоит перед Ним и, изливая перед Ним свою душу, говорит о своем страдании и утешает человека, потому что каждый порок, который запятнал его душу, как бы запятнал и Ее. Ибо сказано: "Всевышнего превознес ты ныне, чтобы Он был твоим Б-гом... и Всевышний превознес тебя, чтобы ты был Его избранным (народом)" (Дварим, 26:17, 18; "Ликутэй Моаран", 259).

"Сыну Израиля подобает, чтобы его сердце влеклось к Всевышнему с такой силой, что, даже пребывая среди людей, он пробуждался бы всякий раз навстречу Всевышнему с великой страстью и, простирая к нему руки и сердце в полном самозабвении, обращался к Нему: "Не оставляй меня, Всевышний, Властелин мой!" ("Сихот а-Ран").

"Можно взывать к Всевышнему, издавая беззвучно пронзительный вопль, и ни один человек ничего не услышит, ибо ты не издал ни звука, но только вообразил себе

отчетливо вопль в помышлении своем" (там же).

"Когда человек проводит весь день в радости, легко ему уделить час в день, чтобы сокрушиться сердцем и излить то, что на сердце у него, перед Всевышним. Но когда грызет человека печаль, упаси Б-же, ему очень трудно остаться со Всевышним наедине" ("Сихот а-Ран").

"Сокрушенное сердце и печаль — совсем не одно и то же. Печаль — она от *Сумра Ахра*¹⁰, и Всевышний, да будет Он благословен, ненавидит ее. Но сокрушенное сердце мило и дорого Ему. Хорошо было бы, если бы человек сокрушался в сердце своем постоянно" (там же).

"Печаль — это как если бы человек гневался и обижался, сердился и сетовал на Него, упаси Б-г, что Он не исполняет его желаний, но человек с сокрушенным сердцем — это все равно что ребенок, который сетует и плачет перед своим отцом, что тот отдалился от него" (там же).

"Сокрушенное сердце — это когда человек даже на людях раскаивается, обращает лицо к небесам и говорит: "О, Властелин мироздания!" (В это самое время, рассказывает ученик раби Нахмана, произнес наш учитель, благословенна память его: "Властелин мироздания!" — в необычайном волнении, воздев руки к небу в страстной мольбе; там же).

"За сокрушением сердца следует радость, и эта радость служит свидетельством, что человек действительно сокрушался в сердце своем" (там же).

"Надо весьма остерегаться печали и лености, потому что укусы змея порождает печаль и леность: "Змей — прах его пища" ("Ликутэй Моаран").

"Надо всегда пребывать в радости и служить Б-гу в радости, и хотя человек иногда низвергается со своей ступени, он должен поддерживать себя памятью прежних времен, когда освещал его свет".

"Иногда, когда люди веселятся и пляшут, хватают они какого-нибудь человека со стороны, пребывающего в печали и черной меланхолии, вводят его против его воли в круг и заставляют веселиться вместе со всеми. Так обстоит дело с радостью. Когда человек веселится, меланхолия и мучения отступают. Но более высокая ступень — преследовать черную меланхолию и вовлечь ее в круг веселья..."

"Бывает, что горечь и тоска — от Другой Стороны (*Сумра Ахара*), и они не желают стать колесницей святости. Потому надо принудить их и вовлечь в сферу святости, то есть в радость" ("Ликутэй Моаран", ч. II, 23).

"Хорошо превратить поучение в молитву. Когда человек изучает (по книге) или слышит поучение из уст истинного цадика, пусть сделает из этого молитву, то есть просит и умоляет Благословенного обо всем, что сказано в том поучении. Пусть он попросит у Него удостоить его прийти к тому, к чему призывает поучение, и указать ему путь к истинному служению. Излияния сердца возносятся высоко-высоко, в особенности когда человек кладет в основу молитвы поучение праведника. И это вызывает великую радость вверх" (там же).

Освящение жизни пола ("Освящение союза")

Полное освящение половой жизни возможно только для истинного цадика, для того, кто удостоился "совершенства святого языка" (см. гл. 5). Только он удостоивается полного освобождения от "всеобщего зла", от "костра семидесяти звезд", от вожденнейшего из вождений. Но ни один человек, страстно желающий служить Всевышнему, не освобожден от освящения святостью Завета в меру его способностей и возможностей. И чем больше это освящение, тем больше он может принять света от истинного цадика. Он сможет верить:, ему свои молитвы и укрепить свою связь с ним,

доставляя Ему материал для строительства Храма...

Благотворительность и упразднение корыстолюбия

"Б-жественное Провидение невозможно "привлечь" к всеохватывающему руководству нашим миром, пока мы не победим в себе страсть к наживе. Сокрушить корыстолюбие можно только посредством благотворительности".

Непрерывная тэшуба

*Тэшуба*¹¹ должна совершаться постоянно, ибо: "Кто может сказать: "Я очистил мое сердце, я чист от греха моего"? Человек говорит: "Я согрешил, совершил беззаконие, преступил", и даже это невозможно сказать без внутреннего поворота. Следовательно, человек должен совершить *тэшубу* после этой первой *тэшубы* (покаяния): "Я согрешил, совершил беззаконие, преступил". И даже если человек думает, что он совершил полную *тэшубу*, он должен совершить новую *тэшубу*. Ведь первую *тэшубу* он совершает в меру своего понимания, а совершив ее, он, разумеется, продвинулся в постижении Всевышнего. По сравнению с этим новым постижением предыдущее постижение было более грубым, материальным... Первая *тэшуба* соответствует этому миру, следующая — миру грядущему ("Ликутэй Моаран").

Начинать сызнава каждый час

"О если бы вы ныне вняли гласу Моему". Великий принцип в служении Всевышнему состоит в том, что служение надо начинать в тот же день, "ныне"... потому что когда иной человек хочет приступить к этому служению, ему кажется, что оно — великое бремя и что нести это бремя ему не под силу. Но когда он подумает, что у него в запасе только один этот день, он не почувствует вообще тяжести этого бремени. У человека в его мире не остается ничего, кроме того дня и того часа, в котором он ныне, ибо следующий день — это уже совершенно иной мир. "О если бы вы ныне вняли гласу Моему", именно *ныне*" ("Ликутэй Моаран", 272).

"Злое побуждение, оно поистине очень старо, ибо сказано: "Царь старый и неразумный" (Козлет, 4:13). Каждодневно "царь" этот меняет обличье и побуждает человека к извечным глупостям и суете сует, выдавая их за нечто совершенно новое. Сладострастие, безумие и смятение очень старого происхождения, ибо нет ничего нового под солнцем, но в том, что превыше солнца, то есть в Торе, есть новое во всякое время, потому что наставления Торы глубоки и должны всякий раз осуществляться заново. "Эти наставления должны каждый раз казаться тебе новыми" ("Ликутэй Алахот").

Важнейшее наставление о служении Всевышнему состоит в том, чтобы *думать каждый день, что нет другого дня, кроме нынешнего*. "Если бы вы ныне вняли гласу Моему", — иными словами: вы должны думать только об этом дне. Благодаря этому человек удостоится служить Всевышнему и не вызовет отсрочки в пришествии Мессия, ибо его пришествие зависит от нашего служения Б-гу *ныне*. Как говорили наши мудрецы: "Когда со мною Г-сподин? — Ныне, если вы будете внимать гласу Моему". И в той мере, в какой Израиль совершает и осуществляет служение Всевышнему каждый день, пробивается каждый день луч Мессии, пока он не придет в конце концов. Вместе с ним придет полное избавление, и каждый из сынов Израиля соответственно доле, внесенной им в приближение прихода Мессии, удостоится радости в Б-ге и будет вкушать от Его блага безмерного, которое Он изольет на нас тогда" (там же). Сказали наши мудрецы: "*Тэшуба* невозможна, если она совершается не "ныне". Ибо главное в ней — "ныне": "Если *ныне* прислушаетесь к голосу Его". Необходимо сосредоточиться мыслью на настоящем, на том часе, том мгновении, в котором пребываешь, и полностью отрешиться от предстоящего часа и мгновения, ибо

неизвестно тебе, что оно принесет. И это условие долголетия и истинной жизни, которой удостаиваются благодаря страху Б-жьему: "Страх Б-жий прибавляет дней" (Мишлей, 10:27). Ибо сказано: "А ныне, Израиль; чего требует от тебя Всевышний, Властелин твой? Того только, чтобы ты боялся Всевышнего, Властелина твоего" (Дварим, 10:12). И сказано: "А ныне, Израиль, слушай постановления и законы..." (Дварим, 4:1). Каждый сын Израиля должен весьма стремиться установить связь того времени и того мгновения, в коем он пребывает, с Б-гом, поднять время превыше времени. Этого удостаиваются только посредством Горы и молитвы, главным образом посредством молитвы.

"И так должны делать все, на любой ступени стоящие, великие цадики, которые должны восходить всякий раз со ступени на ступень, и самые низкие, которые должны воскрешать себя силой истинных цадиков, и это означает только одно: "А ныне, Израиль, (слушай законы)...", ибо человек, который захочет много размышлять о происходящем с ним и беспокоиться о том, что будет, может сойти с ума, Б-же упаси. Все его житье-бытье должно быть только "ныне", чтобы всякий раз уловить мгновение, когда можно удалиться от зла и ухватить хоть крупицу добра" (там же).

Тот, у кого есть хоть немного разума, поймет, что времени вовсе нет. Ибо прошлого — нет, будущего — все еще нет, а настоящее — как взмах ресницы. Следовательно, время человеческое сводится к тому быстролетному мгновению, в котором человек пребывает. Таким образом, каждый человек, где бы он ни находился, пусть даже в преисподней, упаси Б-же, может прилепиться к Всевышнему в любое мгновение, когда он этого пожелает".

7. "...И услышат далекие и придут"

Откровение Мессии произойдет лишь через цадика поколений, чья душа заключает в себе все души и светит им всем своими молитвами, советами и наставлениями. О чем идет речь? О том, что когда души опознают своего отца и предводителя, они слушаются его и идут по пути, который он им указывает.

Но как произойдет исправление всех тех душ, которые вообще не знают цадика своего поколения или не отзываются на его призыв не по злому умыслу и упорству, но по недомыслию и бесчувственности? Как придет спасение последнего освобождения к великому множеству людей, "не умеющему отличить правой руки от левой?"

Допустим, что Израиль освободится. Но что произойдет с остальными народами, со всем миром?

Раби Нахман — единственный из всех взыскующих Мессии и возвещающих о его пути, кто указал почти осязаемые и явные пути, на которых можно постигнуть, как Всевышний "возьмет сердце каменное у злых, у худших из сынов Израиля" (Йехэзкэль, 11:19) и даст "народам уста чистые, чтобы все призывали имя Всевышнего" (Цфания, 3:9), — и как прольет царь-Мессия преизбыток своего света на очень далеких от него по роду, по языку, по мудрости и по обличью, по обычаю и привычкам, по религии и по образу жизни.

Эти слова встречаются во многих книгах раби Нахмана, но если собрать их воедино, они примут вид цельного учения о законах самого высокого и возвышенного духовного воздействия, учения, сочетающегося с особым мистическим пониманием корней души и перевоплощения душ и той тайной и сокрытой связи, которая существует между душами сынов Израиля, какими мы их наблюдаем воочию, и душами Израиля, заточенными в темницу и *плененными*, захороненными и сокрытыми. Души плененные в среде разных народов страдают и мучаются, не зная совершенно причины этого, пока не засветится над ними свет Израиля, и особенно

свет последнего истинного цадика, царя-Мессии.

"Когда человек находится далеко от своего ближнего, — учит раби Нахман, — его речь не может быть услышана, приходится писать письмо. Точно так же надо послать письмо народам, пока они не смогут нас услышать, хотя они и далеко. Ведь сущность распространения звука состоит в том, что буквы, когда их произносят, отображаются в воздухе и воздушные потоки соударяются друг с другом, пока не достигнут уха внимающего. Поэтому, если воздух чист и прозрачен, речь говорящего человека слышна на далекое расстояние, как мы это знаем вполне определенно. Но когда бушует буря, невозможно ничего услышать, потому что ветер смешивает и разъединяет частицы воздуха, и они рассеиваются, так что другой человек не может услышать голос, и того менее саму речь.

Любовь к людям очищает воздух, и чем больше люди любят друг друга, тем больше распространяется чистого и спокойного воздуха, потому что любовь — это прилепление духа к духу, то есть духа любящего к духу любимого, а это значит, что *воздух* покоится, ибо ветры утихомириваются, столкнувшись друг с другом. Ибо нет больше злого ветра, называемого ненавистью, который разделит бы их. А злой ветер — это ненависть. Завихрения воздуха делают речь неслышной. Любовь и дружество успокаивают и очищают воздух, и речь раздается на большое расстояние. Достигается это посредством *цедака* (благотворительности). Когда воздух спокоен и чист, то если говорит тот, кто владеет священным языком, — а это язык, начертанный и отображенный в воздухе, ибо "язык мой — трость скорописца" (Псалом 45), — тогда речь слышна далеко. Ибо сказано: "Слух о нем идет по всем странам" (Эстэр, 9:4). По причине того, что воздух спокоен и чист, речь распространяется далеко и записывается — в каждой стране на языке ее. И тогда язычники обнаруживают в своих книгах обратное своей вере, как это установили некоторые новообращенные, принявшие еврейство из-за того, что открыли в своих книгах обратное своей (прежней языческой) вере".

Но как это случилось, что одни нашли в своих книгах обратное своей вере, обратились и признали веру Израиля, а другие ничего не нашли и остались в своей вере?

"Знай, что это происходит из-за добра, захваченного¹² ими, т. е. частей души Израиля, захваченных ими, ибо добро есть только в душе Израиля. Вначале добро, захваченное ими, еще помнит, что пришло оно из места святого и весьма высокого, но впоследствии язычники одолевают его и поработают, пока не наденут на него оковы и пока оно не забудет о своем величии. Однако при посредстве израильской речи, звучащей и записанной в их книгах, плененное добро обнаруживает в них обратное языческой вере. И тогда припоминает добро о своем высоком происхождении, о том, что оно состоит из осколков душ Израиля, ради которых сотворены все миры, и что "они творцы и обитатели Нэтаим и Гедэры (насаждений и ограды), при Царе жили они там" (Диврэй а-Ямим, I, 4). Ибо Всевышний, да будет Он благословен, советовался с душами Израиля, прежде чем сотворить мир. И тогда начинает добро горевать и тосковать: оно низвергнуто со столь высокого места и пребывает в оковах, плененное язычниками, ему угрожает гибель и исчезновение, упаси Б-г! И добро решает вернуться на свое место. А когда оно начинает возвращаться на место, оно еще и увлекает с собой язычников, отрывая их от зла. Этим объясняется, что неевреи принимают еврейскую веру".

"И знай, что иногда, когда зло видит, что добро вожделеет вернуться на свое место, язычники с новой силой подавляют его. Они еще тщательнее скрывают его, вводят добро в свои сокровенные мысли, начинают размышлять о добре, а из-за этого оно

оказывается в еще более глубоком сокрытии. Добро выходит наружу благодаря деторождению, ибо добро таится в мыслях, в мозгу, от которого исходит порождающая сила. Поэтому добро выявляется в детях¹³. В следующем поколении силы зла не способны одержать верх над добром. Добро выходит наружу — так появляются новообращенные". (Поучение "И было, они опорожняют мешки свои", "Ликутэй Моаран", 17).

Истинный цадик излучает свет, проникающий в души далеких людей, а также в души далеких народов — не только через любовь, силой которой он создает огромное пространство чистого воздуха, по которому он посылает свое слово-воздействие с быстротой молнии, но и своими напевами и своими необычайными рассказами.

О великом значении мелодии и ее воздействии не только на видимый мир и на проявляющиеся открыто силы души, но и на высшие миры и на сокрытые силы души много говорится в беседах и рассказах раби Нахмана. Мы ограничимся здесь чудесным отрывком из поучения "Пришел к фараону" ("Ликутэй Моаран", 64):

"И знай, что посредством мелодии цадик, на ступени Моисея, поднимает души из пустого пространства неверия, куда они пали. Знай, что для всякой мудрости в мире отведено свое время и своя особая мелодия. Из этого напева, из этой песни исходит эта мудрость — в соответствии со сказанным: "Пойте *маскиль*" (Возможен перевод: "Пойте разумно") (Псалом 47). Даже у мудрости неверия есть своя мелодия, свой напев... Мудрости более высокой ступени присуща мелодия более возвышенная, в соответствии с ее ступенью, и так все выше и выше, до исходной точки творения, с которой началась эманация высшего света и выше которой ничего нет. Никто не охватит мудрости, сосредоточенной в ней, кроме как свет Бесконечного, охватывающий все внутреннее пространство... Мудрость, заключенную в свете Бесконечного, невозможно познать и постичь, ибо Бесконечный — это Сам Благословенный, а Его мудрость совершенно непостижима. Дано нам лишь верить в Него, Благословенного, Чей бесконечный свет объемлет все миры и охватывает все. У веры тоже есть свой напев, своя мелодия. (Мы видим, что даже ложные верования язычников имеют свои особые мелодии, звучащие в их молитвенных домах). У каждого верования в сфере святости есть свой напев и своя мелодия. Они есть и у высшей из всех вер и всей мудрости, какие только есть на свете, — у веры в сам свет Бесконечного, объемлющий все миры. И этот напев выше всех песен и мелодий, присущих всякой мудрости и вере".

"В будущем, когда все народы призовут Всевышнего и все уверуют в Него, Благословенного, тогда исполнится сказанное: "Приди, взгляни с вершины Аманы" (Песнь Песней, 4). "Вершина Аманы" означает ступень высшей веры (Эмуна), о которой шла речь и которая есть вершина всех вер. Слово "*ташури*" ("взгляни") можно перевести: "спой" ("*ташири*"). Речь идет о напеве, соответствующем ступени высшей веры. Удостоиться "спеть" его может только цадик поколений на ступени Моисея".

"И когда этот напев прозвучит, поднимутся и освободятся все души, которые пали в неверие пустого пространства. Этот высочайший напев вершины веры упраздняет все напевы внутри самого этого напева, который превыше всего и из которого исходят все напевы".

Как цадик поколений, достигший ступени Моисея-Мессии, светит всем народам и выводит многие души из глубочайшей бездны, так как владеет вселенским напевом, из которого исходят все напевы, которые зачинают, порождают и сопровождают всякую мудрость и всякую веру, и всякую ересь сынов человеческих, — так он возжигает свет для всех душ, погруженных в сон, своими необычайными рассказами.

"Как, исцеляя незрячего, надо запереть его, что бы он внезапно не увидел свет, и из предосторожности свет надо ослабить, — так тому, кто пребывал во сне и во тьме длительное время, когда хотят явить ему Его лик и пробудить его, надо укутать ему лицо повествованиями (*сипурэй маасиет*), дабы свет не повредил ему внезапно".

"Иной человек отпал от всех семидесяти ЛИКОВ (семьдесят ликов Торы), так что невозможно пробудить его иначе, как посредством повествований временах изначальных, — ибо все семьдесят ликов семьдесят времен — черпают жизненную силу оттуда от ступени, именуемой *Атик* ("Древний"), ступени Сияния Лика..." (Из поучения "Хадэй раби Шимьон").

Песнопение цадика поколений, которое суть начало и вместе с тем цель и конец «сякой мудрости и всякой веры в этом мире, и "необычайные рассказы былых времен", (*сипурэй маасиет*) из которых черпают все "Семьдесят ликов Торы", так как они древнейшие из древнейших и восходят к ступени *Атик* (или ступени "Торы сокрытой изначально") — это в сущности одно и то же. И песнопение, будучи святым молчанием, есть причина того, что Моисей удостоился того, что удостоился, по словам раби Нахмана, так как был наделен даром "святого молчания, которое предшествовало речи", даром Б-жественного молчания, высшим смирением и сосредоточенностью, чтобы внимать Бесконечному. Этой способностью обладает и цадик поколения, выступающий как Моисей-Мессия, и эта способность проявится во все своей мощи и во всем своем великолепии у последнего Избавителя.

8. "И дадут тебе царский венец"

Основное в учении раби Нахмана — поиск путей для прихода Царя-Мессии, и основное в его образах и рассказах — избавление Матрониты (Царевны-Шехины), томящейся в плену у "*хицоним*" (сил скверны и зла). Все необычайные рассказы раби Нахмана сводятся к одному и тому же мотиву: Второй-после-Царя (он же цадик-Освободитель, а также сам царь-Мессия) ищет пути и тропы, ведущие к золотой горе, где пребывает Матронита, заточенная в жемчужную крепость.

Этот цадик-освободитель — всегда "владыка молитвы"... Он полон беспредельного томления по красоте вышнего мира, Царства, которое, выйдя из темницы в конце дней откроется всякой плоти.

Все завоевания совершит этот "владыка молитвы" лишь силой своего безмерного томления. Тысячи раз будет пытаться он достигнуть своей цели, тысячи раз потерпит неудачу, тысячи раз почти откажется найти Царевну, ибо окажется не в силах выполнить советы, которые она даст ему. В тот час, когда она будит его, он погружен в непробудный сон, потому что он отдал вина в последнее мгновение, когда должно было наступить окончательное избавление и исправление мира (см. "О том, как исчезла дочь Царя"). И все-таки он ни разу не впадет в безысходное отчаяние, но продолжит свои поиски Матрониты, Святой Повелительницы, силой своего великого томления и силой своих рыданий и славословий, которые низвергают неприступные твердыни нечисти в глубины хаоса.

Владыка молитвы явится и сокроется, сокроется и снова откроется. Иногда имя ему человек-росток, он — Давид иногда он — Моисей, первый Избавитель, иногда — "цадик — основа мироздания" в этом потении, иногда в другом поколении. Иногда он — Шимьон бар Йохай, иногда — Аризаль, иногда Бешт...

Народы воюют друг с другом, но за этими войнами шла, вернее, помимо и сверх этих войн, происходит и продолжается другая война, война, которая сокрыта в глубинах миров, — "война Всевышнего против Амалека". И предводительствует в той войне Моисей, который вздымает руки к Всевышнему, Аарон и Гур, поддерживающие его, и

Йеошуа, одолевающий Амалека”. И когда окончится эта война, откроется глазам всех народов сам Царь во всем великолепии Своей святости, дочь Царя, доблестный советник, и со всеми ними — владыка молитвы — тот, кто покоряет силой своей жажды и силой своей святой речи, который пленяет души и дарует им незыблемую уверенность, исходящую от Торы.

Все рассказы раби Нахмана, с одной стороны, суть история всего бытия, а с другой — история самой его жизни — не внешняя история его жизни и даже не история обычной внутренней жизни, но история его потаенной жизни, высшей духовной жизни, жизни возвышенной души, которая низошла в мир, чтобы исполнять работу исправления, поднять павшие души, вести войну во имя Всевышнего и обозначить путь к последнему избавлению.

Чтобы углубиться в жизнь раби Нахмана и в его Учение и осмыслить его деяния, надо отбросить всякого рода современные теории и всякого рода "просвещенные" взгляды. Тогда вы увидите и убедитесь, что в известном смысле, сам раби Нахман — тоже Второй-после-Царя, который ищет плененную дочь Царя, что он сам — тот богатый купец, который спасает жену бедняка ("История о богатом купце и бедняке") от воинства генерала и прячется с ней в канаве и микве, в пруде и роднике, в ручье, в реке и в озере. И он тоже — сын того бедняка, "юноша", который пережил много приключений, прежде чем женился на дочери богатого купца, ставшего царем. Раби Нахман из Браслава, в субъективном аспекте, — сам один из своих "нищих", и он — "семеро нищих", вместе взятых, и — в том же смысле — он также хазан, то есть владыка молитвы последних поколений перед приходом самого великого из владеющих молитвой — последнего Избавителя...

Варшава, 5696 (1936) год.

ПРАВЕДНИК ПРИХОДИТ В СТРАНУ (О раби Нахмане из Браслава)

Мартин Бубер

В душе раби Нахмана из Браслава, правнука основателя хасидизма Бааль Шем Това, сознавал ли он это или нет, скопились и кристаллизовались все чувства, мечты и помышления, которые вызывала Земля Израильская во многих поколениях диаспоры. Его надо рассматривать как великого наследника, щедро распоряжающегося перешедшим к нему богатством. Его сущность и его призвание характеризуются тем, что, не преследуя литературных целей, лишь в результате устного общения со своими учениками, он становится создателем нового литературного жанра, жанра символического рассказа, и что в этой новой форме он перерабатывает и доводит до высочайшего блеска древнейшие сокровища еврейской тайной традиции. Если бы кто-нибудь захотел объяснить отношение хасидского движения к Святой Земле, лучше всего это можно было бы сделать на его примере: все совмещается в нем и все находит образцовое выражение в его жизни и в его слове. Вместе с тем, мы чувствуем в этом нечто необычное, новое, кажущееся нам связанным странным образом с нашими собственными проблемами и битвами.

Прошло почти сорок лет со дня кончины Бааль Шем Това, когда его правнук раби Нахман собрался совершить путешествие на Святую Землю. Ему было тогда двадцать шесть лет.

Изображая это событие, мы можем обойтись без легенды. Как сообщает нам сам раби Нахман, его ученик и последователь раби Натан записывал шаг за шагом все, что происходило с ним. Этот интерес к его биографии носит своеобразный характер: хотя раби Натан и толкует иное событие как легендарное, он никогда не отступает от фактов.

Еще до того как он объявил о своем намерении, очевидно, даже до того как решение совершить эту поездку созрело, раби Нахман посещает своих родителей в Межибоже, где некогда жил Бааль Шем Тов и где он сам провел свою молодость. Происходит нечто странное. Когда он был ребенком, он имел обыкновение прокрадываться ночами на могилу своего прадеда и просить того помочь ему приблизиться к Б-гу. Но теперь, в ответ на вопрос матери, когда он пойдет на могилу, он отвечает: "Если дедушка захочет встретиться со мной, он сам придет ко мне". В этих словах слышится боязнь того, что прадед воспротивится осуществлению его намерения, ибо когда сам Бааль Шем Тов захотел поехать в Страну, "небеса запретили ему". Но ночью явился ему в сновидении прадед, и утром мать уже знала об этом, хотя Нахман и не проронил ни слова. Позже он лишь обмолвился, что Бааль Шем Тов велел ему отправиться в Каменец.

О его пребывании в этом городе сообщается, что он провел в нем в одиночестве ночь. Евреям было запрещено жить в Каменце, но после этого запрет был снят. Он сам говорил впоследствии, что знающий то, почему Земля Израильская сначала была под властью ханаанцев и лишь потом перешла под власть Израиля ("оболочка должна предшествовать плоду"¹, утверждает он в одном из своих поучений), знает и то, почему он посетил Каменец, прежде чем отправился в Страну. Следовательно, провести ночь в городе, где евреи не жили, прежде чем отправиться в Страну, — было символическим актом, предписанным ему Бааль Шем Товом. До того, как он посетил Межибож, он не знал, что поедет в Каменец. Послал его в Каменец прадед.

По возвращении он произносит в субботу поучение на стих из псалма: "К Тебе прилепилась душа моя, десница Твоя поддерживает меня". Это поучение не дошло до нас, но мы можем догадываться о его лейтмотиве. Тот, к Кому прилепилась его душа с детских лет, — мы знаем, с какой страстью добивался мальчик приобщения к Б-гу, — простер теперь Свою десницу, чтобы защитить его. Но именно тогда умирает его маленькая дочь. Раби Нахман воспринимает это как начало обновления, как неустранимое звено в нерушимой цепи всецело реальных и вместе с тем всецело символических событий.

В канун праздника Пэсах, после омовения в *микве*², он сказал своему спутнику: "В этом году я непременно буду на Святой Земле". В праздник он произносит поучение на стих псалма: "Путь Твой в море, и стезя Твоя в водах великих, и следы Твои неведомы". Все поняли, что он имел в виду.

Тщетно пыталась жена отговорить его от осуществления его плана. Кто будет содержать семью во время его отсутствия? Пусть позаботится о них родня, отвечает он, или пусть они пойдут прислуживать чужим. Он не замечает слез окружающих его: будь что будет, он должен ехать, большая часть его души уже на Святой Земле, а меньшая должна последовать за большей. Он знает, что бесчисленные препятствия будут подстерегать его в пути, но пока в нем есть дыхание жизни, он рискнет всем и поедет. Впоследствии он рассказывает, что на каждом шагу в своем путешествии он рисковал жизнью.

В учении раби Нахмана, каким позднейшие годы донесли его до нас, восхождение на Святую Землю отождествляется с "препятствиями". Эти препятствия, учит он, имеют большое значение. Они возникают на пути человека, которого томление и предназначение гонят на Святую Землю, чтобы он преодолел их. Ибо они пробуждают и возвышают его волю, и только преодолевая препятствия он достаивается воспринять святость Страны. Настоящий еврей, то есть тот, который хочет подниматься со ступени на ступень, должен "сокрушать" преграды. Но чтобы выйти

победителем из этой борьбы, требуется "святое дерзание", которое радует Всевышнего, ибо Он гордится Израилем. Эта гордость зависит от святого дерзания и упорства еврея, ради которых была воспринята Тора. Чем значительнее человек, тем большие преграды стоят перед ним, а потому от него требуется еще большее усилие, чтобы достигнуть высшей ступени.

После того как раби Нахман объявил о своем решении, его, по-видимому, осаждали вопросами, что побудило его принять это решение. До нас дошли различные ответы, один из которых, например, состоит в том, что он стремился объединить заповеди, которые выполняют только в Стране, с другими заповедями, и сначала в помышлениях — в галуте, а затем в действии — в Стране, выполнять их. Или, что он хочет, усвоив в диаспоре "низшую мудрость", прийти в Стране к "высшей мудрости", которую возможно постичь только на Земле Израильской. Решающим мотивом было, очевидно, стремление войти в соприкосновение с той святостью, что осеняет Страну, соприкосновение, которое делает человека способным и облакает его правом сначала в Стране, а потом в диаспоре осуществить тайное служение и достигнуть вершины своего предназначения. Он объяснял своим ученикам впоследствии, через много лет после своего возвращения: "Помышляя о величии Святой Земли, человек не должен представлять себе духовную сущность, с которой и в галуте можно прийти в соприкосновение". "Я, — сказал он, — подразумеваю просто Землю Израильскую с ее домами и жилищами". В этом ответе находит свое выражение сугубая конкретность восприятия раби Нахмана, конкретность, которую невозможно обнаружить у его предшественников. Именно совершенно конкретная Земля Израильская — Святая Земля. Эта святость, разумеется, познается не извне. В позднейшие годы раби Нахман рассказывает о том, что он слышал от известных людей, приехавших незадолго до этого в Страну. Они говорили ему, что до своего приезда они вообще не могли вообразить себе, что Земля Израильская находится в этом мире. После всего того, что написано в книгах о ее святости, они представляли себе, что это — "совершенно другой мир". Но приехав, они увидели, что Страна на самом деле находится в этом мире, что в ее облике нет ничего существенно отличного от стран, из которых они прибыли, что прах ее такой же, как прах во всем мире. И все же Страна вся пропитана святостью. Это то же самое, что и истинный цадик, который выглядит, как все остальные люди. На самом деле Страна в любом отношении отлична от других стран, даже небо над ней иное, чем над другими странами. Так же и с истинным цадиком: только тот, кто верит в его святость, воспринимает и постигает ее.

Когда все попытки побудить раби Нахмана отказаться от его решения оказались безуспешными, люди прибегли к последнему доводу — у него нет денег на поездку. "Я хочу ехать без промедления, — ответил он. — Будь что будет, даже без денег. Кто-нибудь сжалится надо мною и снабдит меня парой грошей". Увидев, что удержать его невозможно, родственники собрали необходимую сумму и через неделю после праздника Пэсах раби Нахман отправился в Страну в сопровождении спутника. Когда в пути он сделал остановку в одном месте на субботу, ночью явился ему во сне раби Мендель из Витебска, который двадцать лет назад с тремястами своими последователями отправился в Страну и десять месяцев тому назад, в начале того же месяца, умер на Святой Земле. Вот кто явился ему в первую ночь его путешествия! Раби Мендель открыл ему, что, когда он будет плыть на корабле, чтобы укротить волны он должен воззвать к Всесильному, именуя его "Ты", ибо сказано: "Ты владычествуешь над яростью моря, когда вздымаются волны его, Ты укрощаешь их".

Праздник Шавуот застаёт его на пути в Одессу, в Херсоне. Поучение, которое он

высказал, основываясь на посетившем его видении, где прозвучал стих из псалма: "Он превращает бурю в тишину, и волны умолкают". В канун праздника, в ночь, которую он провел, как обычно, бодрствуя, он отправляется со своим спутником в микву. По дороге раби Нахман спрашивает его несколько раз, не слышит ли он каких-либо звуков. Тот отвечает, что ничего не слышит. После продолжительного молчания раби промолвил: "Несомненно, это звуки оркестра". Но спутник понимает: раби слышал раскаты грома, сопровождавшего Синайское откровение.

Евреи до того времени избегали плыть в Страну морем через Одессу, считая этот путь опасным. Он, однако, избирает этот маршрут, и с тех пор тот путь считается безопасным. О нем рассказывают, что такое часто происходит в его жизни: он, так сказать, вырывает жало из вещей, дерзая первым пойти навстречу опасности. Как только корабль оказывается в открытом море разражается буря, волны обрушиваются на палубу. Посреди урагана раби Нахману является душа незадолго до того умершего (неподалеку от Межибожа) юноши и просит произвести исправление его душе. Это одна из многих душ, которые обращаются к нему с такой мольбой.

В Стамбуле его ожидают новые препятствия и трудности. Раби Нахман запрещает своему спутнику раскрывать свое имя. Он страдает не только от турецких властей — это было время египетской экспедиции Наполеона, и все панически боялись шпионов, — евреи тоже изводят его подозрениями и оскорблениями. Тем не менее, он сохраняет свое инкогнито и не только безропотно сносит позор, но сам преднамеренно стремится навлечь его на себя. Если бы тогда, говорит он позже своим ученикам, он не подвергся всяческому унижению, он остался бы в Стамбуле до конца своих дней. "Прежде чем достигнешь величия, — утверждает он, — надо опуститься до самого низа. Земля Израильская — это величие величия, поэтому прежде чем взойти на нее, надо опуститься до полного ничтожества. Бааль Шем Тов не мог приехать в Страну, потому что был неспособен опуститься до такого ничтожества". Он, раби Нахман, однако, смиряет свою гордыню. Он ходит по Стамбулу босиком, завернувшись в подкладку кафтана, без пояса, без верхнего головного убора (в одной ермолке) и предается всяким дурачествам: устраивает военные игры, в которых одна сторона изображает атакующих французов, а другая — тех, кто подвергается нападению. Эта привычка к самоуничижению и шутовству так укореняется в нем, что позже, в самой Стране, ему трудно освободиться от нее.

В Стамбуле вспыхивает эпидемия чумы. Прошло немало времени, прежде чем он смог продолжить свое путешествие. Из-за близкой французской опасности еврейская община запрещает всем евреям, турецким и иностранным подданным, покидать город морским путем. Раби Нахман не подчиняется запрету и увлекает многих за собой. В пути снова разражается страшная буря, и кажется, что гибель неминуема. Все плачут и молятся, но он остается на своем месте и молчит. Напрасно люди засыпают его вопросами и просьбами, сначала он не отвечает, а потом набрасывается на них: "Замолчите наконец! Как только вы успокоитесь, успокоится и море". Так оно и было. После новых трудностей — на исходе запас питьевой воды — судно прибывает в Яфо. Раби Нахман собирается продолжить свой путь в Иерусалим, ибо Святой Город — цель его устремлений. Он заявляет, что не хочет посещать ни Цфата, ни Тверии, где обосновались хасиды разных направлений, — но его необычный вид вызывает у портовых властей подозрение, что он французский шпион, и ему запрещают сойти на берег. Это происходит за два дня до наступления еврейского Нового года. Капитан собирается пробыть несколько дней в Яфо, но шторм не позволяет бросить якорь. В ответ на вопросы удивленного капитана духовные руководители сефардской общины

сообщают ему, что, по преданию, в том месте, где стоит судно, некогда был брошен в море пророк Иона. Они плывут дальше, в Хайфу, и вечером бросают якорь у подножья Кармеля, против пещеры Ильи-пророка. Утром, прочитав на корабле молитву, евреи сходят на берег. Вместе с ними сходит на берег и раби Нахман.

Впоследствии он рассказывает своим ученикам, что как только он ступил на Святую Землю и прошел расстояние в четыре локтя, свершилось все, к чему он стремился. В этом рассказе чувствуется непоколебимая вера в силу, порождаемую *соприкосновением* со святостью этой земли. Что он имеет в виду, выясняется благодаря другому его высказыванию о достигнутом, сделанному им вскоре после его возвращения. Это высказывание об объединении заповедей, относящихся только к Святой Земле, с другими заповедями. По его словам, он исполнил всю Тору: "Я достиг исполнения всей Торы. Если бы меня даже продали исмаильтянам в дальние страны, где не живут евреи, и если бы в этих странах меня заставили пасти скот и если бы я даже не знал, когда суббота и когда праздники, и не имел бы ни талита, ни тфилин, и не было бы никакой возможности исполнять заповеди, — все же я смог бы воплотить в жизнь всю Тору".

Пополудни в канун еврейского Нового года отправляются они в микву и затем в синагогу, где остаются до вечера. "Счастье твое, — говорит раби Нахман по возвращении на постоянный двор своему спутнику, — что ты удостоился быть здесь со мной". Он велит ему прочесть имена всех хасидов, которые на родине присоединились к нему, и дать ему список с именами их и их матерей, чтобы он вспомнил их на Святой Земле. И охваченный безмерной радостью, он вспоминает их всех — каждого в отдельности.

Но на следующее утро его настроение резко меняется. Непонятное беспокойство пробудилось в нем, сердце его разбито, он ни с кем не разговаривает. Сразу же после праздника начинает он думать о возвращении домой. Он уже не хочет ехать в Цфат и Тверию, ни даже в Иерусалим; он хочет вернуться на Украину. Из Цфата и Тверии поступают приглашения цадиков, до которых дошел слух о его пребывании в Стране, провести с ними праздник Суккот, но он не отвечает им и остается в Хайфе в Судный День и в праздник Суккот.

Некоторое время спустя раби Нахман дает себя уговорить поехать в Тверию, где он заболевает — и это опять-таки событие символического значения. Затем мы узнаем о некоем доносчике, чьи козни он расстраивает. Посещение некоторых склепов праведников описывается в несколько сказочных тонах. Он побывал в пещере, где был похоронен ребенок и которую никто не посещал, потому что, по слухам, в ней обитали змеи. После этого все стали безбоязненно посещать пещеру. В этом случае раби Нахман тоже выступает как первопроходец.

Один из уважаемых людей в тверианской общине осаждал его просьбами открыть ему тайную цель его прибытия в Страну. Он не сомневался в том, что раби Нахман намеревался совершить таинство служения Б-гу. Он просил его открыть ему, в чем оно заключается, и обещал прийти ему на помощь всеми своими силами. Когда раби Нахман отказывается, он умоляет его поведать ему хоть что-то о своих открытиях в Торе. Но как только раби начинает рассказывать о тайне четырех стран света на Земле Израильской, у него из горла хлынула кровь и ему пришлось прервать свой рассказ, ибо "Небеса противятся этому".

В Тверии вспыхивает эпидемия чумы. Раби Нахман выбирается через пещеру подземными ходами в Цфат. В поисках места на судне, чтобы возвратиться на родину, он набредает на турецкий военный корабль, который они принимают за торговое

судно. Слишком поздно обнаруживают они свою ошибку. Претерпев жестокие лишения и пережив всевозможные приключения, они добираются до Родоса, где принимают участие в Пасхальном седере местных евреев. Оттуда они едут через Стамбул и Валахию домой. По прибытии на родину раби Нахман высказывает во время субботней трапезы поучение на тему стиха из "Книги Ишайи": "Будешь ли переходить через воды, Я с тобой". Это поучение завершается словами: "Я с тобой. Смотри, чтобы ты стал сосудом, называемым "я". Он дает понять своим хасидам, что в странствии по водам он стал сосудом, что зовется "я".

Из этого можно понять, что в дальнейшем, за то время — немногим больше десятилетия, — которое ему осталось прожить и за которое он создал свое учение и, можно сказать, — свою песнь, он снова и снова, пусть только намеками, передает своим ученикам постигнутое им на Святой Земле. Например, он рассказывает, что до того, как предпринял поездку в Страну, он не знал, что такое спокойный сон, ибо как только он засыпал, обступали его "шестьсот тысяч" букв Торы — как если бы Тора снова распалась на великое множество букв. Но с тех пор как он побывал в Стране, он перестал страдать этим расстройством, ибо теперь обретенное им целое никогда не распадается и не превращается в хаос. Или: в молодости он был очень вспыльчивым, хотя и пытался бороться с собой. Однако отказаться от дурного качества не значит еще действительно преодолеть его: для этого надо всю силу страсти, которая таится в дурном качестве, обратить во благо, не только перестать ненавидеть, но полюбить со всей силой, таящейся в ненависти, то, что ранее казалось ненавистным. И он достиг этого на Земле Израильской. То же относится и к его поучениям. Поучения, преподанные им до посещения Страны, так же далеки от поучений, которые зародились после этого, утверждает он, как Запад от Востока. Только поучения, произнесенные им после возвращения из Святой Земли, велел он внести в книгу. Более ранние он запретил записывать.

Еще глубже помогают осознать перемену, которой он обязан Стране, высказывания, сделанные им за девять недель до кончины, в канун Девятого ава³. Незадолго до этого он переселился в новое жилище, свое последнее жилище. Он смотрел из окна в сад и на лежащее за ним кладбище — место захоронения тысяч жертв большой казацкой резни. Он не мог оторвать своего взора от кладбища и говорил о том, как хорошо покоиться среди мучеников. Это была его первая проповедь в новом жилище. Собрались многие хасиды, его старые приверженцы и те, кто лишь недавно присоединились к нему. Он вошел и освятил вино. Был он страшно слаб и говорил с трудом. После освящения вина он не вернулся, как обычно, в свою комнату, но продолжал сидеть за столом. Начал он свою проповедь едва слышным голосом. "Зачем вы съехались ко мне? — промолвил он. — Я ведь ничего теперь не знаю, я ведь теперь простак". Он возвращался к этой мысли снова и снова. Потом он заметил, что память о посещении Святой Земли — единственное, что еще поддерживает в нем жизнь. И как только он произнес эти слова, пробудилась в его душе Тора, вдохновение вознесло его, и он начал говорить о том, что от цадика в таком состоянии опрощения ко всем простодушным в мире приливает жизненная сила. Источник жизненной силы, однако, находится в Стране, которая еще до Откровения, еще до того как Израиль вошел в нее с Б-годанной Торой, была "сокровищницей незаслуженных даров", страной Милости. Ею держится мироздание в период между Творением и Дарованием Торы. Здесь в сокровении пребывала Тора. Десять заповедей были сокрыты в десяти речениях, которыми был сотворен мир. Это Тора, по которой жили праотцы в Стране. Ее называют *дерех эрец*, земным путем, то есть путем праведной жизни вне Откровения.

И в самом деле, оно есть путь к земле, к Земле Израильской. Так как сила десяти речений, которыми был сотворен мир, таится в Стране и праотцы жили этой силой, мог Израиль, которому Б-г как "Своему народу" явил "силу деяний Своих", вступить в Страну после того, как ему были открыты десять заповедей. Поэтому завоевание Страны Израилем суть встреча и сочетание Творения и Откровения. Чтобы подготовить это завоевание, Ханаан должен был сначала находиться под властью язычников, прежде чем перешел во владение к Израилю. Но именно поэтому народы не могут сказать Израилю: "Вы — грабители, потому что вы завоевали страну, которая не принадлежит вам". Разумеется, так обстоит дело лишь до тех пор, пока Израиль заслуживает этого, пока он освящает сотворенную Землю святостью исполняемой им Б-гооткровенной Торы. Только тогда он имеет право оставаться в своей Стране. Но как только Израиль отправляется в изгнание, Страна снова возвращается в состояние, когда Тора сокрыта, и сохраняют силу только десять речений, которыми был сотворен мир, — состояние "незаслуженных даров", чистой милости. Этой силой Страны живет цадик, когда проходит через состояние опрощения, и от нее вливается в него жизненная сила, которая притекает ко всем "простакам" мира, не только Израиля, но всех народов. Именно поэтому он должен на некоторое время переходить в это состояние. Поэтому в глубочайшем нисхождении содержится семя восхождения. И это верно в определенном смысле и в определенной мере для всех людей, для людей духа и простых людей, — ни один человек не лишен источника жизненной силы, если он сам не уклоняется от восприятия ее. Поэтому главное — не отчаиваться! "Отчаяния не существует! — восклицает раби Нахман. — Не отчаивайтесь! Заклинаю вас, не отчаивайтесь! Чего нам стыдиться? Разве весь мир не был сотворен ради нас?!"

Раби Нахман не поехал во второй раз в Страну. За три года до своей смерти он сказал, что страстно желает поехать снова на Святую Землю и умереть на ней, но опасается того, что скончается в пути и никто не придет на его могилу и не позаботится о ней. "Я хочу, — сказал он в другой раз, — остаться с вами". Но абсолютно все было для него проникнуто духом Страны. "Мое место, — имел он обыкновение говорить, — Земля Израильская: куда бы я ни ехал, мой путь ведет только на Святую Землю".

Говоря о святости Страны, он впадал иногда в столь глубокий экстаз, что был близок к смерти.

Раби Нахман из Браслава не принадлежит к тем хасидам, которые, как раби Мендель из Витебска и его спутники, своим переселением в Страну предвещают ее заселение заново. Он не начинает в этой сфере, как в своих необычайных рассказах, новую эпоху. Но будучи великим восприимчивым традицией, он вложил все ее богатство в свое прославление святости Страны и нашел для этого новую форму. Во всей еврейской литературе никто не прославлял Страну так разнообразно и с такой последовательностью.

Страна Израиля — изначальная точка сотворения мира, его краеугольный камень. И она — прообраз грядущего мира, в котором будет царить добро. Она — средоточие духа жизни, и поэтому обновление мира посредством житнетворного духа тоже будет исходить от нее. И она — источник радости, подлинной мудрости и совершенной музыки. В ней представлен союз между небом и землей. От нее исходит полнота веры, ибо здесь, как нигде в мире, можно устремиться навстречу свету Бесконечного и быть осиянным Его светом. С нее начинается исправление мира во имя торжества справедливости в нем, обуздание гнева и жестокости. Это — обитель мира, в которой примиряется противоположность Милости и Силы и раскрывается единство Б-га. Здесь устанавливается мир в душе человека, "в костях его", мир между людьми, от нее

мир приходит в мир. Раби Нахман повторяет слова Талмуда, что все другие страны получают небесную эманацию через посланцев, через "верховных князей", а Земля Израильская — непосредственно от Б-га. Поэтому столь трудно другим народам продвигаться к единству, тогда как Израиль включен в аспект Всевышнего, который он, Израиль, выражает словами: "Ты Един". Из Земли Израильской единство придет в мир человека. Поэтому Земля Израильская — это как бы Сама Шехина, Б-жественное присутствие.

Страна Израиля — возвышеннейшая из всех стран, но она же — низжайшая. Ханаан означает "покорность", ибо сказано: "И кроткие унаследуют землю" (Псалом, 37:11). Возвышеннейшая страна покоряется в низжайшем смирении, и ее прах учит науке смирения. Поэтому она станет средоточием воскресения мертвых. Поэтому также Израиль все еще не вернул себе Страну. "Из-за надменности своей мы еще не вернулись в Страну". Раби Нахман особо подчеркивает: не потому, что тех (то есть врагов) много, но из-за нашей погони за почестями и тщеславия нашего мы не можем попасть в свою Страну. Препятствие заключено в нас самих.

Однако прах Земли Израильской обладает также и "притягательной" силой: он "притягивает" людей к святости. Существуют две противоборствующие силы праха: прах Земли Израильской, который влечет к святости, и прах мира сего, который влечет к "изнанке", к "Другой Стороне", к стихии, полярно противоположной святости. Этот нечистый прах, однако, способен уподобляться чистому праху и принимать вид чистого праха, влекущего к святости. "Ибо в этом мире все смешано и перепутано". На самом деле это не что иное, как опутывающая и завлекающая, принуждающая сила. Говоря современным языком, существует двоякая власть земли над человеком. Земля может оказывать на человека, который осел на ней и служит ей, освящающее влияние, привязывая его к присущей земле святости, и тогда дух человека обретает опору, крепость и поддержку в силе земли. Она может также увлечь человека вниз и подстрекать его, возбуждая силу его воображения восстать против духа, она может отрицать высшие силы и приписывать себе самой единственную власть. Чистота и нечистота, освящающее и оскверняющее действие противостоят друг другу в самой сущности земли, как и везде во всем мироздании. Чистая и освящающая сила земли "выставлена напоказ" в Земле Израильской.

Средоточием воскресения мертвых станет, как упоминалось, Земля Израильская. Поэтому здесь могила обретает свою подлинную сущность, только здесь место совершенного погребения. До нас дошло предание, объясняющее, почему человек был осужден умереть: потому что в результате первородного греха змеиная отравка проникла в силу нашего воображения, и от этой скверны мы можем очиститься полностью только со смертью тела. При правильном умирании и правильном погребении эта проникшая в нас нечистота изгоняется, и в обновленном мире возникает новое тело. Но все это достигает своей полноты только на Земле Израильской. Ибо преодоление силы, загрязняющей воображение, происходит через веру. Сила же веры снизошла на эту страну, живет и действует в ней. Авраам, отец веры, первым открыл эту святую силу, когда для себя и для своих потомков приобрел в вечное владение пещеру Махпела.

Здесь, на Земле Израильской, происходит очищение силы воображения через веру. Недаром созвучны слова *адама* (земля) и *медамэ* (*коах медамэ* — сила воображения). Земля наделяет силу воображения полнотой элементов, но и очищение силы воображения через веру не может произойти иначе, как при помощи освященной земли, а здесь, в Стране, земля освящена. Во всех других странах искры веры

проникли в искаженную нечистотой силу воображения. Поэтому уже о наших предках говорится (Исход, 13:17), что Б-г вывел их и, Египта не через Землю Филистимскую, кратчайший путем, но заставил их бродить по пустыне, чтобы они повсюду, где они проходят, овладевали искрами веры и очищали силу воображения. Так удостаиваются они затем в земле Израильской обрести полноту очищенной силы воображения и полноту святой веры.

Но все это — и значение святости Страны, и трудности, встающие перед человеком, который действительно хочет добраться до нее, — имеет еще более глубокий смысл.

Так как здесь, на Земле Израильской, вера имеет обитель совершенства, так как здесь действительно находятся "небесные врата", где встречается вышнее и дальнее, и "через них можно снаружи проникнуть вовнутрь — те что снаружи, соединяются с теми, что внутри", — поэтому с нее начинается "исправление всех миров и исправление всех душ". Ибо это исправление на пути к совершенству вырастает из того, что силы человеческие в полном самозабвении целиком отдаются свету Бесконечного. Это не может произойти нигде, кроме как на Земле Израильской, нигде в мире человек не может так вбирать всем своим существом свет и растворяться в нем. Но для того, чтобы воспринять свет, надо исправить предназначенные для него сосуды. И опять-таки только святость Страна может привести к такому исправлению-совершенствованию. Поэтому так трудно попасть в нее: для этого вначале надо исправить сосуды, но удостоиться этого возможно опять-таки только на Святой Земле. Первое зависит от второго, а второе от первого. С чего начинать в этом круге противоречий? Поэтому, чем значительнее человек, тем больше препятствий встречает он. И поэтому тот, кто рискует своей жизнью, чтобы добраться до Страны, прорывает замкнутый круг. Он привлекает к себе свет святости Страны, еще находясь за ее пределами, и этот свет придает ему силы преодолевать препятствия, создаваемые злыми силами (*клипот*), "нечистых оболочек". Сосуд духа исправляется и доводится до совершенства, и тогда он способствует исправлению всех миров и всех душ.

Когда сыны Израиля приняли Тору и вошли в Страну, они удостоились того, что сделали явной святость Страны, до тех пор скрытую. Когда они согрешили против ставшей явной святости Страны, не выполнив заповеданное им в Откровении, и, в конечном счете, должны были оставить Страну, ее святость снова стала сокрытой и с тех пор проявляется незримо. "Земля Израильская в своей святости теперь существует благодаря незримой Торе и незаслуженной милости. И поэтому мы каждый час ожидаем возвращения в свою Страну. Ибо мы знаем: ныне тоже вся Страна наша, но эта истина совершенно сокрыта".

Хотя *Ситра-ахра* ("Изнанка") похитила у нас нашу Страну, мы силой молитвы провозглашаем свое притязание: "Страна принадлежит нам, ибо это наш наследственный удел". И пока мы заявляем свое притязание, в соответствии с Б-жественным Законом власть "Изнанки" не имеет законной силы. Но как снова вернуть себе Страну? Каждый израильтянин имеет свой удел в Стране, каждый израильтянин может внести свою лепту в ее освобождение. В той степени, в какой он сам себя освящает и очищает, удостаивается он права завладеть частицей Страны. Так можно овладеть святостью Страны...

Однако тот, кто удостоится поселиться на Земле Израильской, не должен забывать ни на миг о великом сиянии, которое исходило от Страны в древности. Он должен знать, что это было сияние вечной святости. И если кажется, будто ее светоносная сила исчезла, святой след все-таки остается. Взирая на него, мы постоянно надеемся и уповаем, что "новый свет воссияет над Сионом".

Земля Израильская — скудная и униженная страна, но она — надежда мира. К тому, кто поселится на ней и вступит в общение с ее святостью, чтобы содействовать избавлению мира, к тому устремится к проникнет в его кажущуюся печальной жизнь несравненная красота высших миров, вожделеющих соединиться с дольными мирами. Он будет есть один лишь "хлеб с солью", но этот хлеб — хлеб Страны... "На Земле Израильской хлеб столь приятен на вкус, словно все яства на свете содержатся в нем. Как сказано: "...Землю, в которой не в скудости будешь есть, хлеб твой и ни в чем не будешь иметь недостатка".

В одной из своих историй раби Нахман рассказывает о сапожнике-простаке, который за трапезой вкушает сухой хлеб — словно это хала с приправой, потом — как сочное жаркое, наконец, — как праздничный пирог: ни в чем нет у него недостатка. Разве его фантазия не возносит его над убожеством его существования, разве не позволяет ему его вера насладиться тем, что сокрыто в пище, ниспосланной ему Всевышним? Раби Нахман, который, как все учителя хасидского учения, неустанно восхваляет мудрость и непорочность простодушия и бесхитростности, указывает на то, что праотец Иаков, во владение которому была дана Земля Ханаанская (собственно, среди праотцев он и есть главный "получатель", потому что ни один из его сыновей не лишился своей доли и все они вместе представляют народ Израиля), был назван "непорочным, цельным человеком". О Земле Израильской раби Нахман сказал, что она — сама непорочность, а это означает, что она — истинная мудрость, ибо истинная мудрость заключается в том, чтобы в ломте хлеба вкушать все яства земли и чтобы опознать в жалком клочке Земли Небесные Врата.

О РАБИ НАХМАНЕ ИЗ БРАСЛАВА

Адин Штейнзальц

Раби Нахман из Браслава — один из самых больших и самобытных мыслителей в мире хасидизма. За свою короткую жизнь, в которой физические страдания чередовались со страданиями духовными, ему удалось написать несколько выдающихся произведений, а также сплотить вокруг себя группу хасидов, которые оставались верными своему учителю. Браславские хасиды остаются верными его учению и личности и по сей день, более чем через 150 лет после его смерти. Несмотря на то, что наступили другие времена и изменились способы самовыражения, духовное наследие раби Нахмана сохраняет свою жизненную силу и значение для последующих поколений не в меньшей степени, чем для его современников.

Хасиды раби Нахмана старались хранить по мере возможности воспоминания о его учении, о его жизненном пути и о беседах с ним. То, что написано им самим, что продиктовано им и записано за ним его учениками, образует вместе с его образом захватывающую картину, отражающую великую личность и самобытное учение. И с точки зрения выразительности, и с точки зрения самобытности формы, и с точки зрения глубины мысли.

Жизненный путь раби Нахмана

Раби Нахман родился 1 нисана 5532 года по еврейскому летосчислению (1772) в городе Межибож на Украине. Его отец, раби Симха, был сыном раби Нахмана из Городенки, одного из первых великих хасидов, ученого и толкователя Торы, ученика основателя хасидизма Бааль Шем Това. Со стороны матери Фейги, раби Нахман был правнуком самого Бааль Шем Това. Его дядя, братья его матери, раби Моше Хаим Эфраим из Сиделкова и раби Барух из Межибожа, были видными хасидскими **адморами**, обязанными своим почетным положением самим себе.

Уже в раннем детстве раби Нахман проявил особые качества и характер. Он обладал

блестящими умственными способностями, отличался острым умом и необыкновенной эрудицией. Вместе с тем он был очень резвым и шаловливым ребенком, что не мешало ему быть воплощением Б-гобоязненности. О его детстве рассказывали, что когда ему казалось, что он в чем-то провинился, он багрово краснел, испытывая стыд перед Всевышним, да будет Он благословен.

Как это было принято в то время, его женили, когда ему было 14 лет, и он переехал жить к своему тестю, в небольшую деревню около местечка Медведева. В течение пяти лет, проведенных им в этой деревне, он был занят главным образом изучением Торы и молитвой, но уже тогда к нему начали присоединяться разные люди, которых притягивала его личность и которые решили, что он будет их учителем и наставником. Ему еще не исполнилось двадцати лет, когда он переехал в местечко, и здесь многими был признан **адмором**. Уже тогда он проявил себя как своеобразный человек, который шел не тем путем, каким шли многие выдающиеся хасиды. По этой причине и из-за его молодости, а также из-за его резких замечание высказываемых открыто и задевающих некоторых важных лиц, он называл все более усиливающееся возмущение, которое переросло потом в затяжную распрю.

В 5558 году (1798) он неожиданно решил посетить Землю Исраэля. В течение всей его жизни Земля Исраэля была для него центром духовного притяжения. Он также чувствовал, что должен совершить то, что пытался совершить его великий прадед, Бешт, — побывать не в мыслях, а на деле на Святой земле. Ради этого он оставил свою семью — едва ли не на произвол судьбы — и в сопровождении первого своего ученика, служившего ему верой и правдой все дни его жизни, направился через Одессу и Константинополь на Святую землю. Эта поездка была связана с многими трудностями, приключениями и таинственными поступками. В небольшой книге, основанной на рассказах его попутчика, изображаются все трудности, физические и духовные, которые они испытали в пути. Раби Нахман стремился сохранить инкогнито. Из-за этого его подозревали во всевозможных преступлениях. Его духовные злоключения и странные формы, в которых они проявлялись, усиливали загадочность и необычность происходящего. Кроме того, его поездка началась тогда, когда Наполеон пытался отвоевать Святую землю у турок. Раби Нахману удалось добраться до Страны, где он пробыл несколько месяцев, главным образом в Тверии и Цфате. После чудесных приключений (в частности, он попал в плен к туркам, и еврейская община Родоса выкупила его) он вернулся домой.

В начале 556(года (1799) он переехал в Златополье и прожил там около двух лет. По причинам, оставшимся невыясненными окончательно до сих пор, он навлек на себя ненависть раби Арье Лейба, "дедушки из Шполл", который жил в соседнем городе.

Этот и последующие споры продолжались всю его жизнь и причинили ему немало страданий. Он и его хасиды и ученики, которые жили после него, подвергались преследованиям со стороны авторитетнейших адморов и из некоторых мест их буквально изгоняли. Раби Нахмана обвиняли в высокомерии, в лжемессиянстве, в образе мышления, тяготеющем к ереси (саббатанской и франкистской) и т.п. Хотя сам раби Нахман всегда старался не принимать деятельного участия в спорах и несмотря на поддержку своего энергичного дяди раби Баруха из Межибожа, а также провидца из Люблина (который одобрил издание его книги) и раби Шнеура Залмана из Лиозны, сопротивление ему и его учению не прекратилось. Адморы, которые поддерживали его, жили далеко от него и были слишком заняты своими делами и своей борьбой с *митнагдим*, противниками хасидизма. Они не могли оказать ему настоящей поддержки.

В 5562 году (1802) раби Нахман переехал в Браслав. В этом городе он прожил несколько лет и здесь создал большую часть своих духовных творений. Здесь присоединились к нему некоторые наиболее выдающиеся его ученики. В Браславе раби Нахмана постигли тяжкие несчастья: он овдовел, двое из его детей умерли, в том числе единственный и горячо любимый сын, в котором он видел надежду для себя и для всего следующего поколения. Там же открылась у него чахотка, которая свела его в могилу.

В 5570 году (1810) он переехал в Умань, зная, что там ему суждено умереть. Здесь он провел последние дни перед своей кончиной, наступившей 18 тишрэя 5570 года (1810).

Его книги и его ученики

Раби Нахман много писал. Уже в молодости он имел обыкновение набрасывать для себя заметки. Но чем больше он писал, тем чаще он сжигал написанное. Он сжег сам или приказал сжечь большинство своих рукописей. Из написанного им уцелела только небольшая книга: "Сэфэр а-Мидот" ("Книга нравственных качеств"). Это сборник кратких изречений, разбитых по темам (молитва; цадик; любовь; истина и т.п.) Эти изречения большей частью взяты из Танаха и других священных книг. Раби Нахман не приводил изречений буквально, но изменял язык, расширял и обобщал смысл изречений, высказанных в другой форме и в другом контексте. Особенно сложны изречения, приводимые во второй части книги. Она вышла во многих изданиях, и некоторые мудрецы — главным образом из браславских хасидов, но также раби Цадок а-Коэн из Люблина — снабдили книгу ссылками на источники и указателями, облегчающими поиск определенного места.

Главным трудом раби Нахмана является книга "Ликутэй Моаран" (Собрание поучений раби Нахмана). Первая часть ее опубликована при жизни раби Нахмана, а вторая часть вышла в свет после его смерти. В этой книге приводятся поучения, преподанные им общине или отдельным хасидам. Книга вызвала горячее одобрение со стороны великих **адморов** его поколения. Отдельные поучения, приводимые в ней, записаны им самим, другие основываются на его подготовительных записях, а некоторые были записаны слушателями и затем проверены и исправлены им. Поучения, приведенные в книге, исключительно оригинальны и по содержанию и по форме. Они касаются почти всех тем, связанных с еврейством и его миропониманием, путей служения Всевышнему, отношений между людьми, отношений между Израэлем и народами мира, проблематики веры и познания. С точки зрения формы, многие из них основаны на стихах Торы или на изречениях наших благословенной памяти мудрецов Талмуда и Книги Зоар. Опираясь на них, раби Нахман строит свое поучение так, что каждое слово из самого стиха или изречения приобретает целый ряд смысловых значений — аллегорических и мистических. В этой книге поражает владение раби Нахмана источниками: без усилия он связывает вместе темы и проблемы из многих, подчас далеких друг от друга, областей в единое целое. Эта книга является основополагающим трудом браславского хасидизма. Многие поколения хасидов раби Нахмана и хасидов других направлений изучали ее и находили в ней, каждый для себя, поучение, мудрость и наставление.

Книга "Сипурэй Маасиет" ("Рассказы о необычайном") вышла в свет после его смерти. Большинство рассказов он поведал своим хасидам в последний год жизни на языке идиш. Его выдающийся ученик раби Натан записал рассказы, которые слышал сам, добавил к ним рассказы, которые слышали его товарищи, перевел их на иврит и издал. Затем, согласно пожеланию раби Нахмана, истории выходили, как правило, с

параллельным текстом: сверху — текст на иврите, под ним — текст на языке идиш. Помимо этих основных трудов, появились еще три книги, посвященные раби Нахману и его наследию: "Сихот а-Ран" ("Беседы раби Нахмана"), "Шивхэй а-Ран" ("Восхваления раби Нахмана") и "Хайей Моаран" ("Жизнь учителя нашего раби Нахмана"). В них рассказывается о его жизни и деяниях и приводятся его мысли, высказанные им при различных обстоятельствах, в том числе — основополагающие принципы его учения.

Со временем появились еще десятки книг и сборников, связанных с раби Нахманом. Большинство из них представляют собой переработанные и более полные издания ранее опубликованных книг, но в некоторых из них содержится также новый материал, посвященный раби Нахману.

Ученики и хасиды раби Нахмана — это особая тема. Уже в юности он был наделен способностью привлекать к себе приверженцев, которые не только учились у него Торе и добрым делам, но и были связаны с ним глубокими узами, порвать которые не смогли все преследования и мучения. Его хасидская община была разношерстной. Часть ее составляли знатоки Торы, руководители местных общин, а часть — простолюдины и бедняки. Раби Нахман был наделен даром находить общий язык с каждым из них. Однако он сам страстно стремился приблизить к себе главным образом достойных людей, способных постичь глубину его мысли, усвоить и распространить его учение. Действительно, в числе его учеников и учеников его учеников встречались такие люди, и самым замечательным из них был ближайший ученик раби Нахмана — раби Натан Штернарц.

Раби Натан происходил из уважаемой и состоятельной семьи и уже в молодости пользовался репутацией знатока Священного Писания, человека разносторонне одаренного. Со временем он стал зятем раби Давида Цви, раввина Шаргорода, известного своей ученостью и высокой нравственностью. Раби Натан сблизился с раби Нахманом из Браслава в 5562 году (1802) и с первой их встречи между ними установилась чудесная и единственная в своем роде связь. Об их отношениях сам раби Нахман сказал во время встречи: "Мы давно знакомы друг с другом, но до времени были разлучены".

Раби Натан, именно он, был тем, кто записывал высказывания и поучения своего учителя, составлял сборники, издавал их и пропагандировал учение раби Нахмана еще при его жизни, но главным образом — после его смерти. Если бы не раби Натан, сомнительно, осталось ли бы от учения раби Нахмана что-нибудь, кроме нескольких разрозненных высказываний. Раби Натан посвятил всю свою энергию и способности, в сущности всю свою жизнь, распространению учения своего учителя. Все книги раби Нахмана и все первые книги, написанные о нем, все это — дело рук раби Натана. Он продолжал и развивал учение раби Нахмана. Его книга "Ликутэй Тфилот" ("Собрание молитв") является подлинно поэтическим творением. Эта книга была написана по желанию самого раби Нахмана, который хотел, чтобы его поучения были облечены в форму молитвы. И раби Натан создал задушевные, исполненные поэзии и глубины молитвы, основывающиеся на поучениях раби Нахмана. Его творческая сила проявилась в большом труде "Ликутэй Алахот". Он не только многое почерпнул у своего учителя, но внес несравненный вклад в развитие воспринятого им наследия. После смерти раби Нахмана руководство его хасидами как бы само собой перешло к раби Натану, но он решительно отверг предложение занять место **адмора** и довольствовался положением "вечного" ученика своего великого учителя. Благодаря этому возникло уникальное явление в мире хасидизма — община хасидов без живого

рэбэ, которые считают себя по сей день хасидами одного только раби Нахмана. Также и другие ученики раби Нахмана и их ученики, жившие после них (в немалой степени и ученики раби Натана и их ученики, жившие после них), вопреки преследованиям, которым они подвергались, и вопреки своей изолированности, продолжали идти его путем и создавать произведения, объясняющие и обогащающие его учение. Они верны ему и ныне.

ДЕТСТВО РАБИ НАХМАНА

Авраам-Ицхак Грин

Семья отца раби Нахмана почти не уступала семье матери в знатности. Его дедушка с отцовской стороны, раби Нахман из Городенки (скончавшийся в 1772 году), принадлежал к кругу первых сподвижников Бааль Шем Това. Тот факт, что его цитируют Яков Иосеф из Полонного и Моше Хаим Эфраим из Седилкова, свидетельствует о том, что он пользовался большим авторитетом в мире хасидизма. В 1764 году он совершил восхождение на Святую Землю и вместе с раби Менахемом Менделем из Перемышля руководил первой хасидской общиной в Тверии. Раби Нахман из Городенки вел свое происхождение от Маарала из Праги (умершего в 1609 году). Отец раби Нахмана из Браслава, раби Симха, который остался в России, когда его отец, раби Нахман из Городенки, совершил восхождение на Святую Землю, изображается в позднейших источниках браславского хасидизма как святой человек, склонный к уединению. К сожалению, мы почти ничего не знаем о нем.

В фольклоре евреев Восточной Европы нет недостатка в легендах о детстве будущих великих раввинов и цадиков. Эти легенды принимают почти все одну и ту же форму, и в них подчеркивается эрудиция не по возрасту, безразличие к детским играм и желание быть в обществе взрослых знатоков Священного Писания. Например о раби Шнеуре Залмане из Лиозны, старшем современнике раби Нахмана, рассказывается:

"Юноша в том году удивил всех своими успехами в учении. Он превзойдет всех своих современников... Уже в 16 лет он прошел все шесть частей Талмуда с комментариями". Таким представлялся тогда идеальный мальчик евреям Польши — идеальным человеком в миниатюре. Великий переворот в сознании, который произвело хасидское движение, запечатлен в описании детства Бааль Шем Това в книге "Восхваления Бешта". Мальчика Исраэля бен Элизера мало привлекало систематическое учение. Его силой заставляли оставаться в хедере, и не успевал учитель повернуться к нему спиной, как он убежал, чтобы бродить по лесу. Ранний хасидизм высоко ценил такой "антиинтеллектуализм". Уже в детстве Бешт знал, что не в мире книг он должен прежде всего искать Б-га. Если бы рассказы о детстве раби Нахмана соответствовали одному из установившихся шаблонов, мы склонились бы к тому, чтобы отказаться от них как от чистых измышлений. Однако ни один из этих шаблонов не господствует в легендах Браслава, и мальчик Нахман, изображаемый в них, представляется совершенно другой личностью — личностью более сложной: не маленьким знатоком Священного Писания и не романтическим бродягой. Его детство — это детство подвижника и страдальца, который уже с ранних лет знает о трудностях духовной жизни и изо всех сил стремится преодолеть их. Этот образ, являющийся полной антитезой шаблону идеального мальчика, служит выражением нового пути браславского хасидизма, подобно тому как описание, приведенное в "Восхвалениях Бешта", служит выражением пути Бааль Шем Това. Страдание выступает здесь как признак цадика. Только детство, исполненное боли и внутренних мучений, может сформировать человека, вокруг которого предстоит кристаллизироваться браславскому хасидизму. Можно также сказать, что это детство, очень подходящее для человека, о

котором рассказывают легенды, — чуть ли не проекция в прошлое, воссоздающая личность ребенка по образу взрослого человека.

Утверждают, что маленький Нахман выглядел счастливым. Взрослым он представлялся мальчиком, получавшим удовольствие от игр с товарищами. Но все это было лишь внешним покровом: в глубине души он был занят постоянным поиском близости к Б-гу. Не детские игры были истинным центром его жизни, все его силы сосредоточивались на страстной и исполненной боли молитве. Юный Нахман не довольствовался молитвами, приведенными в молитвеннике. Он имел обыкновение сочинять свои молитвы на языке идиш, обращаясь к Б-гу с мольбой приблизить его к Себе. В уединении, на чердаке родительского дома, он изливал свое сердце в бесконечном томлении, в трагическом осознании своей отдаленности от Творца. Это томление никогда не покидало его, оно стало краеугольным камнем его особого религиозного пути. Об этих годах в Межибоже раби Натан пишет:

"Снова и снова он изливал пред Всевышним, да будет Он благословен, слова мольбы, рвущиеся из сердца его... Но несмотря на это, его не оставляло чувство, что ему ставят всяческие препоны, чтобы отдалить его от служения Благословенному, и как бы вообще отвергают его. Ибо он видел, что проходит день за днем и год за годом, а он все еще далек от Благословенного и не удостоился еще никакой близости к Нему... Но вопреки всему, он крепился и не отступал. Много раз падал он духом, видя, что все его молитвы, призывы и мольбы остаются безответными... И бывало, он по несколько дней не обращался с мольбой к своему Властелину. Потом он приходил в себя и стыдился, что позволил себе усомниться в благости Благословенного... И он снова обращал к Нему свои мольбы и сетования. Это происходило с ним несколько раз".

Неудивительно, что молитва молодого Нахмана сосредоточивалась вокруг Книги псалмов. Он имел обыкновение листать ее, чтобы найти в ней мольбы, обращенные к Всевышнему, и он заучивал эти отрывки, снова и снова повторяя каждый из них, пропуская все остальное. Термины "приближение" и "отдаление", используемые, когда речь идет о молитве раби Нахмана, постоянно встречаются в литературе браславского хасидизма, тогда как в сочинениях других вождей хасидизма в 18 столетии они почти совершенно отсутствуют. Молитва его уходит своими корнями в псалмы.

Молитва дополнялась аскезой, что, возможно, вызвало бы удивление основателя хасидизма. Согласно преданию, шестилетний Нахман имел обыкновение уходить в холодные зимние ночи из дому и идти на могилу Бешта, чтобы просить его помочь ему приблизиться к Всевышнему. Вернувшись, он изнурял себя, окунаясь в "микву", которая была во дворе, под открытым небом.

Самый интересный раздел в "Сэфэр а-Мидот" ("Книге нравственных качеств"), с точки зрения отражения мыслей раби Нахмана, — это, вероятно, раздел, посвященный вере. Подчеркивая насущную необходимость веры в религиозный образ жизни, он идет дальше любого еврейского источника, который мог попасть к нему. Действительно, Рамбам ставит веру во Всевышнего во главу угла заповедей, и еврейские философские и теологические книги часто полемизируют с этой трактовкой сути веры. Однако такое акцентирование веры и чистоты веры, как у раби Нахмана, не встречается ни у кого другого.

"Надо верить в Него, да будет благословенно Имя Его. Надо идти путем веры, а не путем доказательства".

"Если ты будешь верить в Святого, да будет Он благословен, — Он простит тебе твои грехи".

"Верующий может познать Имя Его, да будет Он благословен".

"Тот, кто верит, удостоится позже служить Всевышнему в великом знании".

"Начертай пред собой буквы слова "эмуна" ("вера", и благодаря этому ты не навлечешь на себя никакого позора".

Самое длинное изречение в книге, сформулированное в виде повеления Всевышнего человеку, тоже посвящено вере, и уместно привести его полностью:

"Святой, да будет Он благословен, говорит начинающему служить Ему: "Я знаю, что твое желание и твоя воля склоняют тебя служить Мне, но где гарантия того, (что ты не сойдешь с этого пути)? Быть может на другой день ты оставишь Меня? Если это так, то как Мне приблизиться к тебе ради желания, которое ты испытываешь, и как Мне открыть тебе без промедления сокрытые вещи? Сделай так: вначале возлюби Меня и выполняй Мои заповеди и служи Мне просто, без всяких ухищрений, и служи Мне изрядное время. Тогда Я поверю тебе и открою тебе смысл и значение всякого слова, и приближусь к тебе всякого рода близостью, ибо то продолжительное время, которое ты служил Мне ранее, есть гарантия того, что ты не оставишь Меня!"

Другая, менее неожиданная тема, которая рассматривается в "Сэфэр а-Мидот", — тема цадика. Лжецадики и нечестные руководители обличаются лишь в некоторых изречениях. Напротив, истинный цадик, его сила и предназначение удостаиваются большого внимания. Примеры многих изречений, которые содержатся в этом разделе, самом большом в книге, можно найти в книгах и других хасидов. Однако часть их отражает направление мысли раби Нахмана. "Человек может быть великим праведником, несмотря на то, что он не учился много" — в этой фразе есть откровенное и не часто встречающееся признание довольно распространенного в определенных кругах раннего хасидизма явления. В некоторых изречениях угадывается попытка объяснить самого себя: "Иногда мучения выпадают на долю цадика, чтобы уменьшить бедствия Израиля" и "Своими мучениями цадик искупает грехи всего Израиля".

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РАБИ НАХМАНА

Авраам-Ицхак Грин

Личность раби Нахмана уже длительное время выполняет важное назначение в попытках современных мыслителей приблизиться к миру хасидизма. Начало этому процессу положили два события: издание в 1906 году выполненного Мартином Бубером перевода на немецкий язык историй раби Нахмана и публикация в 1910 году первых работ Гилеля Цейтлина о раби Нахмане. Надо сказать, что община браславских хасидов при всей ее относительной малочисленности часто вызывала подозрения у представителей других хасидских общин. Даже с точки зрения случайного наблюдателя браславский хасидизм представляется уникальным явлением, требующим объяснения. Тот удивительный факт, что браславские хасиды — единственные хасиды, которые никогда не избирали наследника своему первому раби, по всей видимости, является одной из причин особой таинственности, окружающей их. До начала XX века они были также известны скорбными процессиями, направляющимися к месту погребения раби Нахмана в Умани. Даже теперь, после того как это кладбище было разрушено и на его месте возник жилой район, во многих периодических изданиях браславских хасидов публикуются инструкции для тех, кто совершает тайные поездки в Советский Союз и стремится добраться официально или тайком на святую могилу. В последнее время вопрос о паломничестве на могилу раби Нахмана поднимался и на международных переговорах, и советские власти обещали разрешить посещать это место и молиться там. Возможно, то, что браславский хасидизм был с самого начала элитарной группой в мире хасидизма, и то

обстоятельство, что он не находился в полном подчинении у династии цадигов, спасло его от разочарования и упадка, которые выпали на долю некоторых других направлений хасидизма.

Литература браславских хасидов усиливает особое впечатление таинственности, окружающей память о раби Нахмане и жизнь его учеников. Слова поучения раби Нахмана, равно как его символические рассказы, полны иллюзий на реальности, не поддающихся ясному выражению. Один из крупнейших исследователей браславской литературы назвал совокупность сочинений раби Нахмана "мифологической автобиографией", в которой автор пользуется и традиционными хасидскими поучениями, и, казалось бы, порождениями своего необузданного воображения, чтобы непрерывно исследовать, раскрывать и скрывать какую-нибудь дополнительную сторону своих сокровенных тайн. Иными словами, мы находим здесь крайне личностное использование еврейской традиции во всей ее цельности — в такой мере и в такой форме, какие прежде были неизвестны. Смятение чувств индивидуума и тайны теологии так тесно переплетаются здесь друг с другом, что всякая попытка различить между ними бессмысленна. Тот, кто относится к занятиям теологией как к личному делу исследователя и не смущается присутствием в результатах исследования человеческой личности со всей ее внутренней неразберихой и смятением, мог бы многому научиться у раби Нахмана из Браслава.

2. Существуют три источника для изучения жизни раби Нахмана: сочинения самого раби Нахмана; сочинения раби Натана из Немирова (1780-1845), виднейшего из его учеников, а впоследствии — его наследника в руководстве общиной; и, наконец, сочинения браславских хасидов, относящиеся к позднейшим периодам. В хасидской литературе, появившейся вне Браслава, раби Нахман удостоился лишь немногих упоминаний, а те, что встречаются, по большей части носят полемический характер.

Две основные книги раби Нахмана — сборник его поучений "Ликутэй Моаран" и сборник его рассказов "Сипурэй маасиет". Книга "Ликутэй Моаран" состоит из двух частей: первая вышла в свет при жизни раби Нахмана, а вторую издал раби Натан через год после смерти своего учителя. Они содержат конспективные записи поучений раби Нахмана в кругу учеников, собиравшихся за его столом в субботы и праздники. Беседа велась всегда на языке идиш, и все-таки считалось подобающим, как это было принято в то время, письменно излагать сказанное на священном языке. Речи раби Нахмана в их письменном изложении сочетают в себе гениальную мысль учителя и чудесный древнееврейский литературный язык ученика — редкое достоинство среди хасидских авторов. Сборник рассказов впервые был опубликован раби Натаном в 5576 году по еврейскому летосчислению (1815). Эти истории, предназначавшиеся также и для простых женщин и мужчин, а не только для просвещенного читателя, приводятся на двух языках: на древнееврейском и идише, параллельный текст хасиды сохраняют и в большей части позднейших изданий этой книги.

Помимо этих двух больших сборников, нам доступны две книги меньшего размера, к которым тоже можно относиться как к первоисточникам. "Сэфэр а-Мидот" ("Книга нравственных качеств") — книга расположенных в алфавитном порядке предписаний для нравственного образа жизни. Раби Нахман начал писать ее в юности и закончил за несколько лет до своей смерти. Еще большее значение для нас имеет другая небольшая книга — "Сихот а-Ран" ("Беседы раби Нахмана"), часть которой была опубликована впервые в качестве приложения к книге "Сипурэй маасиет" в 5575 году по еврейскому летосчислению (1815). В этой книге содержатся записанные раби Натаном и переведенные на древнееврейский язык беседы и отдельные высказывания, которые он

слышал из уст своего учителя. Беседы приводились обычно в связи с каким-нибудь рассказом или поучением и благодаря этому книгу "Сихот а-Ран" используют в качестве источника дополнительных сведений и приложения к основным сборникам. Раби Натан из Немирова был одним из плодотворнейших хасидских авторов. Он прожил после смерти своего учителя тридцать пять лет и в течение всего этого периода по видимому, не прекращал заниматься истолкованием идей раби Нахмана, воспоминаниями и подготовкой новых изданий, чтобы как можно больше популяризировать труды своего учителя. Его основное сочинение — "Ликутэй Алахот". Это многотомное произведение, которое устанавливает связь между поучениями раби Нахмана и предписаниями "Шулхан Аруха" раби Йосефа Каро* (* Каро Йосеф (1488-1575), последний и наиболее крупный кодификатор еврейского религиозного закона. Его кодекс "Шулхан Арух" ("Накрытый стол") был опубликован в 1565 году.). Сочинения раби Натана, суждения которого отличались глубиной и пронизательностью, выходят за рамки просто комментария к книге раби Йосефа Каро. Они содержат разъяснения и глубокое толкование учения раби Нахмана и сами по себе достойны исчерпывающего исследования.

И все же мы больше заинтересованы здесь в биографических сочинениях раби Натана. В первые годы после кончины учителя он возложил на себя сложнейшую задачу — собрать материалы о том, что было известно о раби Нахмане, начиная с его юных лет, и в особенности детали его путешествия на Землю Израильскую в 5548 — 5549 гг. по еврейскому летосчислению (1798-99). Так как раби Натан сам не жил в Браславе до 5562 года (1802), эти сведения получены не из первых рук, но собраны из различных источников. Это то, что цадик рассказывал о себе, и воспоминания о нем, которые раби Натан слышал от старых хасидов и от членов семьи своего учителя. Первый сборник "Шивхэй а Ран" ("Прославление раби Нахмана") вышел в свет в 5576 году (1816). Раби Натан концентрирует свое внимание прежде всего на внутренней жизни молодого раби Нахмана и не упускает ни одной мелочи, касающейся душевных борений и мучений, которые пережил его учитель в годы своей молодости. Затем он приводит очень подробное описание поездки раби Нахмана на Святую Землю, описание довольно точное благодаря обилию подробностей, и вместе с тем захватывающее, как приключенческий роман. Некоторое время спустя раби Натан издал большой дополнительный материал о жизни своего учителя, но все-таки ему не удалось издать новую, более подробную биографию. Этот важный материал, включающий воспоминания, изречения раби Нахмана, истории, притчи и т.д., издан учеником раби Натана, раби Нахманом из Чигирина в книге "Хайей Моаран" ("Жизнеописание нашего учителя раби Нахмана"). Эта книга раби Натана служит единственным важнейшим источником сведений о жизни раби Нахмана после 5559 года (1799), включая центральный период его жизни. Хотя труд этот вышел в свет только через тридцать лет после смерти раби Натана, он — почти целиком — плод его авторства. Лишь немногие вводные замечания, осторожно сформулированные, были добавлены издателем. Точно так же он отнесся и к автобиографии раби Натана "Емэй Моарнат", которую тот написал на закате своей жизни (раби Натан скончался в 5615 году (1845)); книга вышла в свет в Лемберге в 5646 году (1876).

Уход из жизни раби Натана и других хасидов, близких к самому раби Нахману, не означает, что исчезли все не увидевшие свет источники сведений о первых его годах в Браславе. Хорошо сберегаемые рукописи и тщательно хранимые в памяти устные предания продолжали существовать до XX столетия, и нет сомнения в том, что они существуют и поныне. Традицию издания нового материала, написанного раби

Нахманом и о нем, продолжил, в частности, раби Авраам Хазан, один из руководителей браславской общины в конце XIX века. Его преемником стал раби Шмуэль Горовиц, деятельность которого приходится на 30-е годы XX века. Правда, к книгам "Кохвэй Ор" ("Светила") и "Сипурим нифлаим" ("Чудесные рассказы"), которые впервые увидели свет в 30-е годы, надо относиться с некоторой осторожностью, несмотря на то, что они содержат удивительно богатый и достоверный материал. Позднейшие издания книг и брошюр, которые браславские хасиды публиковали во все больших тиражах, начиная с 1960 года, тоже содержат иногда неизвестные истории, носящие печать достоверности.

При рассмотрении биографических произведений и воспоминаний раби Натана мы оказываемся в поразительно удобной ситуации. Раби Натан не просто пересказывает хасидские истории. Он возложил на себя задачу собрать как можно более точные и полные сведения о жизни своего учителя. В отличие от всех остальных хасидских авторов, его современников, он удаляет из своих сочинений все истории о чудесах, за исключением нескольких рассказов о чудесном спасении потерпевших кораблекрушение во время морской поездки раби Нахмана на Святую Землю. Нет сомнения в том, что уже при жизни раби Натана существовало великое множество таких чудесных историй. Многие из них были собраны и опубликованы хасидами позднейшего поколения. И все-таки раби Натан не испытывает интереса к подобным рассказам. Тот, кто познакомится с его произведениями, и в особенности с его примечаниями к книге "Хайей Моаран", будет поражен, увидев, насколько он педантично точен и обстоятелен, — в меру своих возможностей он стремился датировать все поучения, приводимые им в книге "Ликутэй Моаран". Он также дополнил их всеми воспоминаниями о застольных беседах раби Нахмана, которые ему удалось собрать. Невозможно представить себе, чтобы он указал неправильные даты. Иногда он передает с достоверностью беседы, которые учитель вел с ним, а также описывает разногласия, возникавшие между ними.

В произведениях, по праву приписываемых раби Натану, в первую очередь в книге "Хайей Моаран", имеются обширные тексты, содержащие дословные цитаты из сказанного самим раби Нахманом и заключающие в себе многие размышления о нем и о его учении. В отрывках из биографии раби Нахмана, принадлежащих перу раби Натана, встречаются и описания сновидений, которые служат редким источником и представляют собой особую ценность для воссоздания внутреннего мира цадика. Приводя этот материал, раби Натан соблюдает ту же исключительную точность, что и в книге "Ликутэй Моаран". Он различает между тем, что слышал собственными ушами, и тем, что он узнал от других, а в случае необходимости указывает на пробелы в своих сведениях и т.п. В описаниях событий и бесед в этих произведениях бросаются в глаза многочисленные проявления безграничного уважения и почтения к раби Нахману. Достоверность в главном не вызывает здесь ни малейшего сомнения. Это относится и к его ученику, раби Нахману из Чигирина, который был редактором сочинений раби Натана, опубликованных после смерти автора. Невозможно спутать здесь замечания редактора с написанным раби Натаном, который уже тогда удостоился ореола святого. Уверенность в том, что эти источники достоверны в своей основе, служит краеугольным камнем всякого современного исследования учения раби Нахмана.

Уместно отметить здесь и то, что во всех печатных изданиях биографических сочинений раби Натана чувствуется тяжелая рука цензуры, но иногда это рука самого раби Натана. Всякий раз, когда он в своем описании слишком близок к раскрытию

чего-либо в характере цадика, о чем лучше было бы умолчать, или когда слова самого раби могут быть расценены как еретические в некоторых хасидских кругах, изложение прерывается на слове "и так далее" и переключается на другую тему. Покров цензуры был снят с некоторых этих отрывков в 1933 году, когда в Иерусалиме вышла в свет небольшая книга "Емэй а-Тлаот" ("Дни мучений"), в которой имелось приложение: "Купюры в книге "Хайей Моаран". Различные сочинения позднейшего периода, написанные браславскими хасидами, содержат другие отрывки, пропущенные ранее, и все еще существует надежда на то, что когда-нибудь мы сможем располагать полной, нецензурированной версией "Хайей Моаран". Третья группа источников — это издания, которые вышли в свет после смерти раби Натана, и в частности появившиеся в 30-е годы XX века. В них очень много приукрашиваний и преувеличений... Общий критерий оценки приемлемости источников этого рода — установление их связи с более достоверными источниками. Если, например, описание, приведенное в "Кохвэй Ор", противоречит в деталях или по духу описанию раби Натана, мы предпочитаем полагаться на авторитет раби Натана. И если позднейшие источники снабжают нас деталями, отсутствующими в источниках более ранних, и эти детали не фантастичны по своему содержанию и, по всей видимости, не служат позднейшим целям, мы склонны принять их в качестве несущественных элементов устной традиции. Достоверность некоторых кратких рассказов, приписываемых раби Нахману, тоже не вызывает сомнения, несмотря на то, что они не были изданы до "Сипурим нифлаим".

3. Для браславских хасидов раби Нахман — не один из многих цадигов. Он — неповторимая личность, личность, чей огонь "будет гореть, пока не придет Мессия". И его земная жизнь — тоже неповторимый период в истории человечества. Раби Нахман изображается как последний из пяти великих праведников в истории Израиля. Его предшественники — не кто иной, как наш учитель Моисей, раби Шимшон бар Йохай, раби Ицхак Лурия и прадед самого раби Нахмана — Исраэль Бааль Шем Тов. Только эти личности признаются в Браславе "цадиками поколений", духовными руководителями своих поколений. И все же священное служение раби Нахмана важнее служения всех его предшественников, потому что ему предназначено длиться до конца времен. Как мы увидим в дальнейшем, эти формулировки призваны слегка завуалировать веру в мессианское предназначение самого раби Нахмана. Раби Натан не перестает возносить благодарность Всевышнему за то, что удостоился жить в эти исторические дни и быть очевидцем и летописцем событий, потрясающих основы мироздания. Такое вознесение благодарности встречается и в описании самых незначительных деталей жизни раби Нахмана. О хасидах, которые хранили верность раби Нахману, несмотря на то, что он вызывал яростные споры, раби Натан пишет:

"Счастливы оставшиеся, которые выстояли, воспрянули духом, сокрушили все преграды и, прилепившись к нашему благословенной памяти учителю, удостоились благой участи для себя и потомков своих, и для всех сынов Израиля на веки веков".

В другом месте он сравнивает постоянные поездки своего учителя в разные местечки на Украине со странствием Израиля по пустыне и никогда не перестает возвращаться к словам:

"Счастлив тот, кто удостоивается узнать хоть что-нибудь из того, что происходило с нашим благословенной памяти учителем, ибо во всяком событии, происшедшем с ним, заключены многие приводящие в трепет, удивительные тайны".

Подобные слова о вечной действительности и о непреходящем значении, прославляющие жизнь и учение цадика, не встречаются у других авторов в хасидской литературе. Они не являются частью традиции, общей для всех хасидских общин. Неоднократное

подчеркивание веры в то, что все поколения во веки вечные будут черпать духовную пищу из жизни и из учения какого-нибудь цадика, противоречит требованиям всех других течений в хасидизме. Не случайно, что среди браславских хасидов ни один человек не может выполнять функцию цадика после смерти основателя общины: раби Нахман должен оставаться цадиком на все времена, и невозможно себе представить, чтобы кто-то другой попытался занять его место...

ИСТОЧНИК ТВОРЧЕСТВА РАБИ НАХМАНА

Аарон Цайтлин

Раби Нахман из Браслава, правнук Бааль Шем Това, один из гениев мистики и поэзии всех времен и народов, прожил на земле 38 лет. Мнения о нем цадики его поколения разделились. Он и его хасиды подвергались преследованиям из-за того нового и "странного", что было в его речах и обычаях. Речи, произнесенные им не ради самовосхваления и объяснявшиеся его глубокой верой в свое высокое предназначение, неизбежно должны были вызвать подозрения и встретить сопротивление. По его словам, существовало четыре откровения: откровение раби Шимьона бар-Йохая, откровения святого Ари и Бааль Шем Това и, наконец, откровение, явленное ему самому, раби Нахману. Он, правнук Бааль Шем Това, — не только наследник, продолжатель, страж. Он творил заново, ему было явлено его собственное откровение, последнее откровение в последнем поколении.

Недаром утверждал его противник, "дедушка из Шполы" (Арье Лейб из Шполы (1725-1812) — цадик, чудотворец и целитель), что душа раби Нахмана принадлежит поколениям конца дней. Но если тот обвинял юного Нахмана в том, что он пришел слишком рано в этот мир, то Нахман не менее воинственно возражал и доказывал, что его оппонент пришел слишком поздно: он должен был явиться тремя поколениями раньше. Известно изречение раби Нахмана: "Запрещено стареть!" И в самом деле: он, раби Нахман, молод по сей день, намного моложе самых молодых из цадики. Если бы я не опасался смешать святое и мирское, я бы сказал, что раби Нахман был "футуристом" хасидизма.

И именно из-за этой его молодости его влечет к древнему. Таков закон: новое восстает против старого, против запоздавшего, только древнее — его союзник. Старое — это увядшее, дряблое, стоящее на пути, тогда как древнее превращается именно вследствие того, что оно древнее, — в нечто новое.

И в это новое, что в прошлом, устремил свои шаги раби Нахман в один из дней месяца ияр 5558 года по еврейскому летосчислению. Он пустился в путь в тревожное время, в год, когда Наполеон предпринял поход в страны Востока, и, испытав многие опасности и мытарства, он прибыл через Одессу и Константинополь на Святую Землю. Молодой цадик из Подолии, чья звезда только что возшла и который почти не был известен в мире, немедленно обратился к древности. Он не прислуживал и не желал прислуживать, не стал учеником знаменитостей, потому что свое посвящение в сан хотел получить не от более старых, чем он сам, мудрецов и праведников, но из первоисточника: из источника благословений, от святости самой Земли обетованной.

Восхождение на Святую Землю и возвращение, эта поездка, изобиловавшая драматическими эпизодами и приключениями, была настоящей поэмой, величественной поэмой веры. Раби Нахман проникся ароматом и духом Земли, места пребывания Шехины, и принес с собой в Подолию это благоухание Земли Израильской, аромат древне-нового, который источает сочетание учения и бесед, аромат, который не выветрился и по сей день из его речей, записанных в книгу его чудесным писцом и учеником, раби Штернарцем из Немирова.

После того как он воспринял полноту света от Земли Израильской, этой "святой точки мира", продолжая эманировать этот свет, он поселился в Златополье. С усилением раздоров, причиной которых был он, через два года он покинул Златополье и переехал в Браслав. С тех пор его имя неразрывно связывается с названием этого города. Браслав, что в Подолии, превратился в малый храм для мистического хасидизма раби Нахмана. Здесь был "такой же воздух, как на Земле Израильской". Здесь раби Нахман провозгласил большую часть своего учения, здесь он поведал свои необыкновенные рассказы, не имеющие равных себе по поэтической красоте и мистическому взлету. Здесь являлась ему в сновидениях большая душа мира и здесь также скосила его болезнь-чахотка. В конце своей жизни, после большого пожара в Браславе, он оставил этот город и обосновался в Умани. Дом его стоял неподалеку от кладбища, места успокоения святых жертв гайдамацкой резни. Раби Нахман был смертельно болен, из горла у него шла кровь. Он знал, что близится день его кончины, и поселился неподалеку от кладбища. В праздник Суккот в 5571 году по еврейскому летосчислению (в 1811 году) отлетела его душа и присоединилась к сонму святых душ — душа одного из избавителей, которому не дано было явить избавление.

Так ушел из мира святой поэт "повествования о семи нищих". Он скончался во цвете лет, сверкнул, как молния, и исчез, исчез, чтобы остаться навеки. Его наследие принадлежит всему народу, не только браславским хасидам.

Не изгладится из истории духа во Израиле память о человеке, который устремлялся в своих видениях и помышлениях к недостижимым высотам, который сказало себе, будучи гением, верящим в свои силы: "Я — поток очищающий, смывающий все пятна".

Действительно, он был великим учителем на путях веры. Новое, внесенное им в иудаизм, состояло в том, что он различал между разумом, предшествующим вере, и разумом, последующим ей. Разум предшествующий — это ересь, не что иное, как мудрость идолопоклонства. "Поистине, нет мудреца во всем мире и нет мудрости, и нет разумения пред ним, Благословенным". Однако есть знание, обретаемое в великом озарении, которого человек удостоивается благодаря вере. От разума невозможно прийти к вере, но от веры человек приходит к разуму. Вначале — простодушие, то есть вера, а после этого — разумение и различение.

Чем больше добрых дел человек совершает, тем больше Всевышний углубляет его мысли, умудряет его.

"Простодушный — просветится". И еще сказал раб Нахман: "У кого есть вера, удостоится служить Всевышнему в великом знании".

И еще о том же: "Все пути, которыми ходит чел век, все они от Всевышнего, да будет благословенно Имя Его, но нет человека, который бы понял свой путь, кроме скромного".

Не разумный уразумеет, но скромный, простодушный, исполненный веры. И напротив: "Надменный не удостоится постичь власть Благословенного над всем".

Простодушный, обладающий верой, — вот кто мудрец. "Это — величайшая мудрость, превосходящая все премудрости: вообще не мудрствовать".

Ты спрашиваешь: Каким путем приходят к вере? — Путем самой веры. Вера — это как бы инструмент (дословно: "щипцы"), изготовленный самим этим инструментом. "Надо верить в Благословенного, идя путем веры, а не путем доказательства". Поэтому раби Нахман выступает против любой философии религии, даже против философии Рамбама. Вера возникает не из рациональных доводов. "Вера рождается в безмолвии". Более того: "Когда возникает у тебя какой-нибудь трудный вопрос, обращенный к

Всевышнему, да будет Он благословен, — молчи, и *благодаря молчанию твои мысли сами подскажут тебе ответ на твой вопрос*".

Молчание — ответ на твои трудные вопросы и возражения, оно — мать высшего разума, разума, который следует за верой.

"Сначала ты должен поверить в Него, да будет Он благословен, а потом ты удостоишься понять Его умом".

Весь метод раби Нахмана развивается в этом направлении. Его цель состоит в том, чтобы передать человеку веру посредством веры, и вера осуществляет ради этого как бы свой собственный психоанализ, психоанализ со стороны святости.

Психоаналитик, представляющий сферу святости, — это цадик поколения, истинный цадик, который охватывает и поддерживает два мира: верхний мир и нижний мир. В нем, в нахмановском психоанализе, содержится также идея исповеди. Велика ценность "исповеди перед сведущим в Горе".

Святой психоаналитик — истинный цадик — выводит людей из трясины отчаяния. Ибо почему впадают люди в отчаяние? "Кажется им, что они весьма далеки от Него, да будет Он благословен". Но тут является цадик поколения и обнажает перед ними истину. "Цадик должен пробуждать и будить их, ибо сказано: "Воспряньте и торжествуйте, поверженные во прах", — и раскрыть им, что Всевышний с ними и они близки к Нему".

Откровение о близости между Всевышним и человеком — это главное в "Ликутэй Моаран". и "Сэфэр а-Мидот". Попутно раби Нахман обнажает многие истины, включая их глубочайшие философские аспекты, например: "Самая суть свободы выбора неведома интеллекту, в основе которого лежат рациональное знания и выбор".

Излечения раби Нахмана, словно молнии освещающие сущность проблемы, вызывают у нас удивление. Например, он говорит: "Из-за чревоугодия он (человек) любит одного сына больше остальных сыновей". На первый взгляд, что общего между чревоугодием и предпочтением, оказываемым одному сыну перед остальными? Или когда он наставляет: "Страдающий бессонницей пусть думает о воскресении мертвых. Что общего между воскресением мертвых и бессонницей?"

Но таков путь тайноведа, видящего связи, скрытые от глаза (обычного человека). Мир для него — необозримая система непрекращающихся взаимных влияний Каждая деталь гармонирует с целым.

В лире нет случайности. Все заключено во всем и бесчисленны всякого рода взаимосвязи и отношения. Ибо праединство лежит в основе вещей, оно проявляется во все времена и его воздействие сближает далеких, ликвидирует разрывы, оберегает от крайностей.

Никто больше раби Нахмана не ищет и не взыскует сокрытых связей. Он находит незримую связь между чревоугодием и просто телесной любовью, предпочтительностью одного сына перед другими. И хотя он не поясняет своей мысли, подумай, и ты найдешь объяснение. Предмет страсти чревоугодника — пища, и как всякий однолюб, он всецело поглощен чем-то одним и не может "поглощать" или "любить" что-то другое.

Или вопрос о сне и воскресении мертвых. Между этими вещами тоже вроде бы нет связи, но он имеет в виду следующее: *причина бессонницы — тайный страх смерти*. Поэтому размышления о воскресении мертвых помогают от бессонницы.

Такие сопоставления часто встречаются в его речах, он приводит их как бы между прочим. Например: "О вспыльчивом известно, что он любит почет"; "Торопливый отличается беспокойным нравом"; "Гнев приходит из-за неподобающего уединения";

"Позорящий на людях своего ближнего теряет память"; "О людях, уважающих друг друга, известно, что они достойные люди, — и наоборот"; "Каждый ученик слышит только то, что ему надо, и не больше того"; "Гордый не может поступиться своей гордыней, и он теряет память". (Это глубокая мысль, и в ней заключается разрешение вопроса о полной потере памяти, или амнезии). Или он говорит: "Распря препятствует разговору, ибо основа беседы — мир".

У раби Нахмана не вызывает сомнения, что "если кто-то позорит тебя или насмехается над тобой, значит, ты позорил его предков", т.е. если не в этом **гильгуле** (пресуществлении), то в другом **гильгуле**. Позор за позор. Таков закон: мера за меру, ибо нет наказания без греха.

И из этого вытекает: "Если кого-нибудь укусила собака, значит, он слушал или переносил сплетню. Снова то же самое: укус за укус. Даже собака не укусит без причины, но только если укус необходим для "равновесия"."

Ты видишь безвинного бедняка, которого преследует злодей, и ты утруждаешь вопросами Всевышнего, да будет Он благословен. Как такое возможно? Злодей — это злодей, и он, несомненно, понесет наказание, но преследуемый тоже заслуживает наказания, ибо если бы это было не так, его не преследовали бы. Знай, что бедняк, которого преследует злодей, грешит гордыней (качество, наиболее ненавистное раби Нахману, сказавшему однажды: "Надменный человек — увечный").

Поскольку в мире нет случайностей, то все, что существует и происходит на свете, суть средство для достижения высшей цели. Даже сватовство, которое не кончается браком, — по воле небес, и "сватовство, о котором лишь говорят, не проходит бесследно для него и для нее".

Или, например, одежда человека. Эта самая что ни на есть внешняя вещь существует, чтобы служить свидетельством и намеком. "Одежда указывает на качества человека". По этой же причине: "Одежда придает человеку достоинство".

Быть может ты скажешь: "Разве так уж важно, буду ли я говорить так, а не иначе? Разве главное — не дело? Нет. Дело и слово связаны друг с другом. И поэтому: "Остерегайся сказать — даже в шутку: я совершу такой-то проступок, ибо слово понуждает к действию".

Форма и внутреннее содержание, образ и его значение в такой степени составляют неразрывное целое и переплетаются друг с другом, что одного упоминания признаков события оказывается достаточным, чтобы оно сбылось. "Кто хочет, чтобы *сбылись* его сны, пусть занесет их в свою записную книжку, а также укажет день, час и место".

И по этой же причине: "Через танец и движение твоего тела ты приходишь к радости, истинной радости".

Так как форма имеет такое большое значение, то и "между Всевышним, да будет Он благословен, и Его заповедями существует полное единство", ибо заповеди суть Его сосуды и колесница.

И нет надобности говорить о том, как велика и как прочна связь между душой и телом. Душа должна очищать тело, но бывает, что тело очищает душу.

"Когда тело пребывает в этом состоянии (чистоты), это благо для души, которая иногда падает со своей ступени, и когда тело сияет и сверкает, — душа может подняться снова на свою ступень благодаря телу, благодаря запечатлевшимся в теле следам того света, которым прежде его освещала душа. Теперь душа может вспомнить, вознестись и вернуться на свою ступень, ибо сказано: "Из плоти моей узрю Б-га...", то есть человек во плоти узрит и воспримет ту высочайшую реальность, которую душа воспринимает всегда".

От этой мистической трактовки, придающей столь большое значение телу и форме, раби Нахман пришел прямым путем к своему собственному *израильскому искусству*, в котором образ и его смысл неразрывно связаны. Образцом для этого служит весь мир: ведь в нем между формой и содержанием существует неразрывная связь. Это особое искусство тайноведа находит свое выражение в "Сипурэй Маасиет" ("Необычайных рассказах") раби Нахмана.

* * *

"Маасиет" невозможно правильно понять, если не попытаться сочетать проникающую их поэзию с неотъемлемым от них мистическим мышлением. В этом сочетании они существуют, и так надо их воспринимать. Тот, кто разрывает эту связь, словно "вытаптывает рассаду"¹. Тот, кто видит в них только явное, неизбежно собьется с пути и запутается. И если он попытается оценивать творчество раби Нахмана, пользуясь критериями общепринятого, традиционного искусства, он, несомненно, не сможет в нем разобраться. Путаница, аморфность, смешение и разлад — таким будет его впечатление. Это — непроходимый лес, встающий словно мрачный массив, и из этого леса никакая тропа не выведет его к человеческому селению. Только тот, кто узнает сначала путь ветра среди деревьев², кто прислушается к напеву ветра в недостижимых вершинах, кто сольется душой с музыкой леса и погрузится в него, тот удостоится также отличить деревья друг от друга и распознать тончайшие оттенки. Мрачный массив раскроет перед ним свои врата, и сама собой появится перед ним дорога. Аморфная масса обретет размер и меру, кривизна выпрямится, слова, которые кажутся излишними, обретут многообразие смысла.

"Сипурэй Маасиет" — это таинственная бездна, обретшая форму. И подобно тому как красота женщины, пользуясь изречением одного великого каббалиста, не что иное, как "аллегорическое подобие красоты Женщины вышней (Шехины), так красота "Сипурэй Маасиет" служит аллегорией вечной красоты, одним из "одеяний", в которое она облекается, когда ей угодно обрести форму и образ.

ПО СЛЕДАМ ПОУЧЕНИЯ

Арье Стриковский

1. Доктрина *тикуна* (исправления мироздания)

Центральное место в учении раби Нахмана занимает понятие *тикуна*. Цадик поколения, раби Нахман, "*хозяин поля*", занимается исправлением (*тикун*) растений-душ, тех, что произрастают на "поле", и тех, что оказались вне его пределов.

Идея *тикуна* является центральной идеей Каббалы. Мироздание нуждается в исправлении и это неотъемлемое условие избавления. Раби Ицхак Лурия (Аризаль) учил нас, что каждый еврей, сын Исраэля, вносит свою лепту в восстановление мира тем, что исполняет предписания Торы и совершает добрые дела. Вместе с тем, особое значение имеют акты *тикуна хозяина поля*, который оказывает материальную и духовную помощь душам своего поколения. *Хозяин поля* знает, как возвращать растения-души и как соединять опавшую листву с осиротевшими корнями.

Аналогичным образом на цадика возложена миссия — устранить страдание из творения. Изъяны творения причиняют страдание сынам человеческим. Чем чувствительнее человек, тем сильнее ощущает он боль своего ближнего. Но больше всех страдает цадик, ибо он чувствует боль всего рода человеческого. Раби Нахман уверен в том, что страдание в мире имеет тайное назначение. Но понять смысл этого страдания можно, лишь глядя на мир с "наблюдательной вышки" конца времен. Чтобы подняться на нее раби Нахман прилепляется к Бесконечному, совершает прорыв к конечной цели мироздания — всеобщему избавлению и поднимает ушербное

настоящее на ступень совершенной вечности. И подобно тому, как он расставляет буквы в цветущем саду молитвы и обновляет чудесное поле душ, точно так же устраняет он изъян страдания, созерцая его с высот грядущего мира.

Хозяин поля (Ликутэй Моаран, 6:5)

Мы избрали это поучение раби Нахмана как пример его творческой беседы. Мы присоединили к нему переводы молитв и отрывки из "Необычайных рассказов", содержание которых связано с этой темой. К этому мы также добавили биографически-комментаторские примечания раби Нахмана из Чигирина, объяснения из сборника (1:60), а также ряд других материалов, и завершаем сборник большой статьей раби Гиллеля Цейтлина, который резюмирует тему Машиаха (Мессии) в учении раби Нахмана.

2. Структура поучения

Объяснения, приводимые в порядке следования фрагментов поучения.

1. Существует чудесное поле **душ**, подобных прекрасным растениям, а за пределами **поля** бродят души отвергнутые, нагие и увечные. На *хозяина поля*, занятого уходом за деревьями, возложено также исправлять отвергнутые души. Эта работа сопряжена с великой печалью и страданием. Вместе с тем, *хозяин поля* удостоивается духовной награды. Каждый успех в восстановлении деревьев-душ живит его душу, и тогда высоко возносится его молитва и проясняется его духовное зрение.

2. Идеальная молитва составляется из букв-цветов-ангелов, создаваемых молящимся, который сплетает их в венки, радующие взор. Буквы молитвы подобны душам. Как души влекутся к *хозяину поля*, так льнут буквы молитвы к молящемуся. Души исправляются, проникая в пардэс (буквально, "цитрусовый сад"; аббревиатура: *пшат, рэмэз, драш, сод* — четыре уровня Торы), буквы молитвы достигают совершенства, обретая свое место в чудесном цветнике. Если миссия *хозяина поля* возлагается лишь на цадика поколения, способность к такой творческой молитве даруется каждому человеку, которому помогает цадик.

3. Как преодолеть страдания? Прежде всего, нужно проникнуться верой, что они не бесцельны. Но требуется колоссальное душевное усилие, чтобы увидеть и почувствовать эту цель. Отрешаясь от мира сего, "закрывая глаза" на внешние аспекты реальности, человек прозревает конечную цель, которая есть совершенное благо. Этим он упраздняет страдание и обретает покой, но только на время.

4. Когда человек, прилепившийся к Б-гу, отвлекается от конечной цели, мучения возвращаются к нему с новой силой. Но благодаря следам прежнего состояния *двэкут* ("прилепленности" к Б-гу), сохранившимся в душе человека, возникает спонтанный поток радостных открытий, Тора обновляется для него, и он удостоивается высвободить вожеленные буквы молитвы и вознести их в сад, изобилующий чудесными цветами. *Хозяин поля*, который теперь удостоился взойти на эти ступени, готов с удвоенной силой помочь своим хасидам преодолеть страдания и исправить святые умыслы их молитв.

5. Раби Нахман, снова очаровывая нас волшебством своего поучения, передает нам аллегорический диалог между Боазом и Рут — на фоне поля, что в Бэйт-Лехеме, поля, изобилующего деревьями, цветами, душами и письменами, поля, над которым витает душа Машиаха.

3. Чувства, испытываемые раби Нахманом

Почтение пронизано тремя самостоятельными темами: исправление душ, совершенная молитва и "усласение" страданий. Эти темы взаимно переплетаются, будучи связаны с личными переживаниями раби Нахмана. Его достижения в исправлении душ и в

преодолении страданий приводят его к радостным открытиям в Торе и к вселяющей радость молитве. Но борьба со страданием прекращается не в этом мире, а в мире грядущем, и победа символизируется хороводом праведников, "окружающим" Всевышнего, да будет Он благословен.

Попытаемся воспроизвести чувства раби Нахмана, которые побудили его высказать это поучение. Как *хозяин поля*, раби Нахман изведал страдания и опасности, сопряженные с ролью духовного наставника. Его одолевала чахотка, гнездившаяся в его легких. И все же он не отступал от своей цели и преследовал ее самоотверженно, не щадя сил. Вознаграждением его страданию была животворная молитва, бьющие ключом открытия в Торе и неразрывная связь с хасидами-приверженцами. И вот скончался его любимый сын, на которого он возлагал надежду, что тот станет Машиахом. (Вспомним, что в книге "Шивхэй а-Ари" рассказывается, что сын а-Ари, благословенна память его, умирает после того, как а-Ари поддался на уговоры и открыл своим ученикам каббалистическую тайну.) В одном из сновидений привиделось раби Нахману, что он предназначен быть принесенным в жертву в Судный день.

Страдания его сопровождаются сильнейшими религиозными переживаниями и творческими прозрениями. Страдания не отступают, но раби Нахман упорствует в своей молитве, и вот буквы молитвы оборачиваются ангельскими цветами. Они льнут к раби Нахману, и он собирает их в саду сокрытой мудрости.

Троекратно совершенствует *хозяин поля*, раби Нахман, свое духовное зрение: в час *тикуна* душ, когда поле является "полем дозорных", в час "сомкнутых глаз", когда ему открывается конечная цель страданий, и в час просветления, когда души и буквы обретают свое место в садах очарований.

Раби Нахман снова смыкает глаза, и вот он оказывается в саду Эдэна, в хороводе праведников, "окружившем" Всевышнего, да будет Он благословен. Осколки мыслей и чувств, не оставляющих его уже многие годы, обретают связь и единство. Невероятное душевное напряжение породило духовную энергию, превратившую их в сияющий монолит — не он ли и есть само учение хозяина поля?

4. Борьба со страданием

Необходимость прозрения конечной цели — Единого — диктуется не только задачей преодоления страданий, но и уподоблением букв молитвы цветам, с которыми буквы сливаются воедино в многоцветном саду. Ибо молитва "расстиляет" человеческое страдание перед Б-гом, а страданию не найти места в саду цветов-букв, если не верить в благость конечной цели Благого и Благотворящего.

Единоборство праведника со страданием раби Нахман описывает в метафизических терминах, отмечая следующие стадии:

1. Человек страдает от адских мук.
2. Человек "смыкает глаза", растворяется в Б-ге, и ему открывается конечное назначение страданий как всеобъемлющее благо. Он не знает содержания и смысла конечной цели, но верит в ее существование и посвящает Единому и Благому все свои мысли и чувства. В этом состоянии близости, "прилепленности" к Б-гу, именуемом *двэкут*, страдания упраздняются, и безмерная внутренняя радость затопляет сердце человека.
3. Когда состояние *двэкут* достигает такой силы, что душа готова покинуть брренное тело, человек вынужден ослабить силу своего приобщения к Б-гу, и тогда его атакуют "вершители казней" — бесы, и мучения возобновляются с новой силой.
4. И вдруг человек испытывает озарение, Тора заново открывается ему. Причина же в

том, что в предшествующем состоянии *двэкут* он удостоился внутренней радости, которая есть сосуд откровений Торы. *Рэшимо*, "отпечаток" этой радости, возносит человека к высшим источникам Торы, не замутненным грехом сотворения золотого тельца. Из этих праисточников черпает человек обновленную, животворящую душу Тору и удостаивается венцов Торы Синайского откровения. Обновление Торы не устраняет страдание, но оно "охлаждает" его. И человеку придется примириться с сосуществованием страданий и обновлений Торы — до конца своих дней. *Хозяин поля*, и он тоже, ничего не может с этим сосуществованием поделать, ибо его работа по исправлению душ неотъемлема от него на бытийственном уровне. Без сосуществования страдания и обновления Торы *хозяина поля* одолело бы страдание, а наличие такого сосуществования ведет к тому, что адские муки превращаются в "муки любви" (Брахот, 5:1), которые развязывают силы созидания.

Обновления Торы проистекают из "разума" (коренящегося в высших сфирот: *хохма*, *бина*, *даат*), а "слова молитвы" исходят из души — "дочери разума". Как Святой, да будет Он благословен, вдунул в человека дыхание жизни и наделил его крупницей Б-жественного (Стих Торы: "И вдунул в ноздри его дыхание жизни, и стал человек душою живою" (Бытие, 2:7), — толкуется "Зоаром" так: "Тот, Кто вдунул, вдунул из глубин Своих"), — так творит душа слова молитвы, прислушиваясь к их молве и мольбе. *Тикун* разума (посредством обновлений Торы) влечет за собой *тикун* души ("дочери разума") и озарение молитвы светом конечной цели мироздания (*тахлит*).

Глаза *хозяина поля*, которые сомкнулись и просветлились, глядят теперь с "поля дозорных", и он способен "видеть" молитвы своих людей и помогать их совершенствованию.

Поучение раби Нахмана о *хозяине поля* завершается цитатой из трактата Таанит, где предстает перед нами чудесное видение хоровода праведников. Трактат этот посвящен теме преодоления страданий посредством поста и покаяния. Возможно, это видение хоровода представляет собой ответ на проблемы страдания. Перст праведников, указывающий на Всевышнего, не напоминает ли он о персте Всевышнего, начертавшем заповеди на скрижалях? Ибо человек, который меряется силами со страданием и преодолевает его... способен начертать своим перстом и на сапфировом камне скрижалей.

5. Претворение поучений учителя в молитву раби Натаном Штернарцем

Если содержание самого поучения — это мысли из тайника души раби Нахмана, "*хозяина поля*", то молитва раби Натана открывает нам, какой отклик мысли учителя находят в душе его ученика-хасида.

Молящийся испытывает чувство вины, потому что вышел за пределы сферы святости, пределы поля, на котором его учитель пестует деревья-души. Его выход за пределы поля был вызван, в частности, преследованием врагов, разрушивших состояние сосредоточенности, необходимое для сохранения *двэкут*, "прилепленности" к Б-гу. Несмотря на эти трудности, он жаждет устремиться душой к конечной цели, чтобы созерцать вечное благо и преодолеть таким образом свои страдания.

В этой молитве раскрывается личность раби Натана. По его мнению, он оказался за пределами поля душ и он лично нуждается в помощи *хозяина поля*. И поэтому он молится о том, чтобы появился подлинный *хозяин поля*, который принесет ему избавление. Когда *хозяин поля* пребывает в сокрытии, он чувствует себя бессильным. Вместе с тем, он ожидает, что Всевышний услышит его молитву и дарует ему избавление. Мне же представляется, что когда он молится об истинных цадиках, называемых "*хозяевами поля*", он включает себя в их число. Доказательство я вижу в

том, что имеется сходство в изображении им его ненавистников и ненавистников *хозяев поля*. И, возможно, существует различие между "истинным *хозяином поля*", праведником мессианского уровня, и просто "*хозяевами поля*", в число которых входит раби Натан как руководитель браславской общины.

Остановимся на *каванот* — устремлениях молящегося, его святых умыслах — и на направлении его мыслей, как они отражаются в этой молитве.

1. О святых умыслах в молитве

"И если иногда Ты помогаешь мне, пока я не начну внимать и не различу издали какой-то буквы или речения святой молитвы... то я долго не могу расстаться с ними, двинуться дальше и продолжить молитву".

На первый взгляд кажется, что раби Натан знает, что "здесь нет полноты, раз я должен много говорить... ибо потребности мои многочисленны", но, с другой стороны, он знает, что "если бы мы удостоились превратиться в слух... дабы слышать, понимать и постигать... несравненную силу и красоту каждого речения, мы не могли бы закончить... даже одно речение... (не будучи в силах порвать) узы, возникшие между речением этим и душой". Из поучения следует, что даже "*хозяин поля*" не удаивается связать воедино молитву обычным путем. Поэтому представляется, что в своей исповеди о великих трудностях установления связи между частями молитвы раби Натан раскрывает свои чувства и свой уровень в молитве, не обнаруживая при этом чувства вины.

2. О направлении его мыслей

"Я нарушил границы святости, переступив их и влево, и вправо. Ибо взгляд свой устремлял я выше ступени своей, созерцая запретное. И, напротив, не удержавшись от мыслей дурных, поглядывал часто за пределы святого... пока не помутился рассудок, и я уже вообще не могу говорить и не знаю, как творить перед Тобою молитву". Он испытывает чувство вины, и молитва его становится еще более страстной, он укрепляется в вере и сильнее прилепляется к Б-гу.

3. Об отдельных отрывках из "Необычайных рассказов"

Сердце и родник

Связь между сердцем и родником порождает страдание, отчаяние и постоянную тоску. Их чудесное функционирование становится возможным благодаря метафизическому времени, создаваемому праведным человеком, и благодаря птице, своими крыльями защищающей сердце от палящего солнца. Это временное разрешение проблемы, но оно поддерживает существование сердца и выполняет назначение, подобное обновлениям Торы, которые приглушают страдания *хозяина поля*. Подобно тому, как страдание и тоска сердца и родника дают пищу их непостижимым переживаниям, так борьба со страданием образует могучий стимул для духовного восхождения *хозяина поля*. Песни сердца и родника, а также *тикуны хозяина поля* жизненно важны для существования мира. Как упоминалось, страдание *хозяина поля* найдет свое разрешение в хороводе праведников в саду Эдэна. И, оказывается, страдание сердца разрешится, когда Всевышний изменит строение горы, на которой находится родник. Тогда сердце сможет **приблизиться** к роднику, не потеряв его из виду.

История о садовнике

Эта история повествует о чудесном садовнике, который принес исправление испорченной державе. Садовника, скрывающегося под личиной нищего, знали в этом государстве. Но потребовалось, чтобы граждане этого государства познали бедствия и болезни духа, прежде чем они согласились воспользоваться помощью неприметного нищего, пребывающего в сокрытии "садовника"-Мессии. Садовник до своего

откровения миру считался безумцем, и его забрасывали камнями. Из этого можно заключить, что "хозяин поля", раби Нахман, тоже страдал оттого, что только небольшая преследуемая община нуждалась в его благословенных услугах. Но истинные страдальцы, неизлечимо больные, — те, кто не ищут подлинного *хозяина поля*. Как сказано, история кончается обещанием, что в конце концов мир найдет истинного своего руководителя и обретет избавление.

История о хозяине молитвы

В этой истории *хозяин поля* выступает как *хозяин молитвы*. Разнообразными путями он учит, как надо молиться и служить Творцу. Исправление держав осуществляется в два этапа. На первом — в руководители выбирали людей Царя, которые пытались уменьшить зло в своих державах. Полное исправление осуществилось, когда люди Царя встретились, держали совет и обратили свои державы к *тэшуве*. Другими словами, каждый из людей Царя — как бы *хозяин поля*, пребывающий в сокрытии, и руководит ими *хозяин молитвы*, который действует, вдохновляемый Царем. Чудесный младенец, который исчез, возвратился и открылся, — это маленький сын раби Нахмана, умерший во младенчестве. Это несчастье привело к созданию поучения "Хозяин поля". И, быть может, здесь нашли свое выражение упование и надежда на воссоединение отца с сыном в мире грядущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

Краткое жизнеописание раби Нахмана из Браслава

Приведенные биографические сведения взяты из книги раби Натана "Хайей а-Ран" (Жизнь раби Нахмана) и книги рава А. Каплана "Gems of rabby Nachman".

¹ Великая суббота (Шабат а-гадол) — суббота перед праздником Песах.

² Хэрэм — здесь: форма бойкота, остракизма.

³ "Шивхэй Бааль Шем Тов", Иерусалим, 5729 г., стр. 66, 68.

⁴ "Хайей Моаран", стр. 296.

⁵ Шабат Шири — суббота, когда читается "Хвалебная песнь" (см. Тора, Шемот 15).

⁶ Рэбэ — цадик, глава хасидской общины.

⁷ "Йемэй Мааранат", стр. 43.

⁸ Собрание молитв и проповедей о смерти, принадлежащее р. Аарону Бэрахье из Модины (ум. в 1639 г.).

СНЫ И ВИДЕНИЯ РАБИ НАХМАНА ИЗ БРАСЛАВА

Из книги раби Натана Штернарца

¹ Собрание бесед раби Нахмана, 1:20.

² Псалом 105:41.

³ Авот, 6:4.

⁴ Тикунэй Зоар, тикун 21 и тикун 70; Зоар Брэшит, 23.

⁵ Зоар Брэшит, 23:5.

⁶ Открывают в них новый смысл.

⁷ Псалом 92.

⁸ Трактат Брахот, 33.

⁹ "Жизнь учителя нашего раби Нахмана".

¹⁰ Тора, Книга Бэмидбар (В пустыне), 20:14.

¹¹ Резник.

¹² "Йешайя, 1:14.

¹³ *Рош а-Шана* — начало года и День суда.

¹⁴ Даниэль, 7:9.

¹⁵ В оригинале *матронита* — госпожа, владычица, царица: Шехина или Тора; см.

Зоар, часть 3, стр. 96.

¹⁶ Трактат Хулин, 60.

¹⁷ Раби — доел, "учитель мой".

¹⁸ Об этих сочетаниях ничего не известно.

¹⁹ *Кэлим* — сосуды, а также — орудия, инструменты.

²⁰ Один из уровней души, а именно третий, считая снизу вверх.

²¹ Нижний Ган-Эдэн — рай на земле.

²² Низший уровень души, наделяющий тело жизнью.

²³ Второй уровень души — дух, духовность.

²⁴ Раввины, учителя.

²⁵ Неделя, когда читают главу Торы под названием *Толедот*.

²⁶ Пятнадцатое швата — Ту-би-Шват (Новый год деревьев).¹

²⁷ Это было сказано так (идиш): *аз сз кумт ди цайт бин их нит сое вое фриэр*.

²⁸ В оригинале употреблено слово *кована* — сосредоточенность, намерение, святой умысел, устремленность, внутренний смысл.

²⁹ Имеется в виду раби Нахман Городенкер.

³⁰ Йешайя, 4:2 — "В тот день росток Б-жий станет хвалою и красою, а плод земли — гордостью и славой уцелевших Исраэля". "Росток Б-жий" — праведники.

³¹ "Плод земли" — потомки праведников, см. комментарий к книге Йешаяу.

³² Это либо обращение на "Вы", либо множественное число — и тогда имеются в виду Бааль Шем Тов и раби Нахман из Браслова.

³³ Одного из хасидов раби Нахмана.

³⁴ *Капарот* — искупительный обряд, совершаемый накануне *Йом а-Кипури*.

³⁵ В книге "Ликутэй Моаран", 1, знак 10, в поучении к недельной главе Торы "И вот законы..." говорится о рукоплесканиях и танце и приводятся слова из "Тикунэй Зоар" (21:48): "*Труа* (звук шофара) потоком дыхания изгоняет нечистого, неверие" и т.д., благодаря чему удостоиваются рукоплесканий и танцев, как сказано: "И этот поток дыхания вдувается (проникает) в шесть частей рук и в шесть частей ног". Если вникнуть в поучение, становится ясно, что *труа* (трубление), звуки шофара подобны рукоплесканиям и танцу.

³⁶ Псалом 126:2.

³⁷ Псалом 89:16.

³⁸ Ликутэй Моаран, I, знак 175.

³⁹ В канун субботы.

⁴⁰ "И пошел Моше..." — раздел Торы, читаемый в первую неделю года.

⁴¹ Исправление души человека.

⁴² Райсин — еврейское название Белоруссии.

⁴³ Зоар Брэшит, 100:129.

⁴⁴ В тексте: *бэ-нэкиат хэфэц* — взяв в руки (священный) предмет.

⁴⁵ "Дом собрания", синагога.

⁴⁶ В ад.

⁴⁷ Зоар, ч.1, 229; ч.II, 210; ч.III, 101.

⁴⁸ Соответственно: мир деяний, мир созидания, мир творчества, мир (Б-жественной) эманации. Нашу жизнь мы проводим в низшем из миров, в мире деяний. Но все эти четыре мира, включая высший из них — *олам ацилут* (мир эманации), достигаемы для праведника.

СИХОТ А-РАН. (БЕСЕДЫ РАБИ НАХМАНА)

¹ Псалом 135:57.

² Псалом 135:67.

³ Коэлет (Экклезиаст) 5:7.

⁴ Мишлей (Притчи) 31:23. "Супруг" — Всевышний; "Не" — имеется в виду Шехина — Б-жественное присутствие; "врата" — врата познания.

⁵ Зоар Брэшит, лист 103. Толкование: "Каждый постигает Его в меру того, что знает о Нем в сердце своем".

⁶ Талмуд Бавли, трактат Пэсахим, лист 119. "Побеждают" — например, Моше Рабэйну "пересилил" Всевышнего, когда Он — ради Моше — отказался от намерения истребить народ Израэля.

⁷ аббревиатура: да будет Он благословляем.

⁸ аббревиатура: да будет благословляемо Имя Его.

⁹ Тора, Дварим, 33:4.

¹⁰ аббревиатура: благословенной памяти.

¹¹ Талмуд Бавли. Брахот 119.

¹² Псалом 19:8.

¹³ См. "Ликутэй Моаран", знак 156.

¹⁴ Псалом 18:19.

¹⁵ Тора, Шемот, 21:19.

¹⁶ Йешайя, 11:1.

¹⁷ Эйха, 4:20.

¹⁸ Талмуд Бавли, трактат Пэсахим, лист 68.

¹⁹ Зэхарья, 8:4.

²⁰ Мэлахим (Книга Царей) II, 4:29. Это слова пророка Элиши, обращенные к слуге, которого он, посылает воскресить с помощью посоха умершего ребенка.

²¹ В скобках — замечание раби Натана.

²² Побродить — глагол "ласуах" (прогуливаться, бродить) означает также "вести беседу". В комментарии к стиху из Торы (Брэшит, 24:63): "И вышел Ицхак побродить в поле..." — Раши указывает, что "ласуах" означает "молиться", ссылаясь на Мидраш Брэшит раба 60 и на Псалом 102:1.

²³ — Тора, Брэшит, 39:12. Она — жена Потифара, пытающаяся соблазнить Йосэфа.

²⁴ — *Ситра ахра* — по-арамейски "другая сторона" (противоположная святости. Примеч. переводчика).

²⁵ Ему — нечистому.

²⁶ Намек на продолжение стиха (Тора, Брэшит, 39:12): "Но он оставил одежду свою в руке ее и, спасаясь бегством, убежал вон".

²⁷ Шабат Нахаму — суббота после 9 ава, называемая так потому, что в эту субботу читают главу из книги пророка Йешаяу, начинающуюся словами: "Нахаму, нахаму, ами!" (Утешайте, утешайте народ Мой!).

²⁸ В тексте беседы и в "Ликутэй Гиньяна" действительно фигурирует слово "простак". Разъяснение таково: "Порою даже великий праведник вынужден превратиться в простого человека (простака), отстранившись от Торы и от собственных свершений. Необходимо, например, какое-то время уделять телесным потребностям. Спрашивается, чем жив праведник в эти промежутки времени? Ведь основа жизни — Тора. Знай, что в эти периоды он поддерживает в себе жизнь, черпая из *оцар хэсэд хинам* — сокровищницы безвозмездных даяний, из которой черпало все существующее в течение первых 26 поколений после сотворения мира, — пока не родился Моше, учитель наш, и нам не была дарована Тора. До этого времени Тора пребывала в сокрытии: *асэрэт а-диброт* — десять заповедей пребывали в *асара маамарот* —

десяти речениях, которыми был сотворен мир и которые воплотились в мироздание со всем наполняющим его". Поскольку доступ к сокровищнице безвозмездных даяний дан только истинным праведникам, они обязаны "нисходить на землю" и, опростившись, на время став "простаками", черпать из этой сокровищницы, чтобы питать и поддерживать жизнь тех, кто далек от Торе.

²⁹ Их — народы мира.

³⁰ *Прекрасно объяснено* — в начале комментария Раши к Торе. Отвечая на вопрос, почему Тора начинается с сотворения мира, Раши говорит: "Потому, что "мощь деяний Своих возвестил Он народу Своему, чтобы отдать ему достояние народов" (Псалом 111:6). Если скажут народы мира Израэлю: "Разбойники вы, присвоившие себе земли народов", — ответит Израэль: "Вся земля принадлежит Творцу. Он сотворил ее и отдал тем, кому Ему было угодно. По воле Своей Он наделил ею их и по Своей же воле Он отнял (ее) у них и дал нам". В "Ликутэй Гиньяна" разъяснено, что "мощь деяний Его" сосредоточена в десяти речениях, на которых зиждется святость Страны Израэля (святость, имеющая десять уровней). Силою десяти речений, которыми создан мир, Израэль может "покорить", то есть освятить, любое место на земле, превратив его в "Эрэц Израэль" — Страну Израэля. Таким образом, путь в Страну Израэля "пронизан" десятью речениями, и через этот путь истинный праведник в пору своего опрощения способен приобщиться к Торе, сокрытой в десяти речениях. Так он получает доступ к *оцар хаим* — сокровищнице жизни.

³¹ Кое-что из сказанного им тогда, очень небольшое, опубликовано. — *Примечание раби Натана Герцеништерна.*

³² *Гевалд* (идиш) — непереводимо; возглас отчаяния, крик о помощи. Даже у великих грешников остается надежда. При посредстве истинного праведника каждый может обрести подлинную жизнь. Поэтому *отчаяния не существует*. Но для этого необходимо раскаяться и "возопить к Всевышнему", необходимо предельное усилие *тэшувы*. Поэтому так необычайно важно приблизиться к праведнику.

³³ *Нэвайот* — первенец Ишмаэля. См. Йешаяу, 60:7 и комментарии к этому стиху.

³⁴ — См. "Ликутэй Моаран", 3, 8:9, 38:4, 42, 49:7, 282; и "Ликутэй Гиньяна", 8:1, 31, 92.

³⁵ Подразумевается стих из "Книги пророка Ионы" (Иона, 2:3 — "Воззвал я в беде моей к Всевышнему — и Он ответил мне; из чрева шеола (преисподней. — Примеч. переводчика) возопил я — услышал Ты голос мой").

³⁶ Коэлет, 7:10.

³⁷ Иов, 5:7.

³⁸ Трактат Санэдрин, лист 99.

³⁹ "Нет мгновения без травмы".

⁴⁰ Коэлет, 2:23.

⁴¹ Тора, Брэшит, 3:19, 20.

⁴² Трактат Авот, часть 6, мишна 4.

⁴³ Трактат Авот, часть 2, мишна 7.

⁴⁴ Мидраш Брэшит, Парашат Цав, стих 2, м Коэлет, 1:3.

⁴⁵ Псалом 90:10.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ИСЧЕЗЛА ДОЧЬ ЦАРЯ

¹ Царь — здесь Царь Вышний (*Мэлэх Эльён*)

² *Тэшува* — возвращение к Всевышнему. Тэшува включает в себя три момента: первый — искреннее раскаяние в совершенных грехах; второй — воздержание от грехов; третий — жизнь по законам Торе. Тэшува — понятие, применимое к отдельной личности и к народу Израэля в целом.

³ Дочь Царя — Шехина — Б-жественное присутствие в общине Исраэля, нижняя из 10 сфирот откровения Бесконечного, при посредстве которой осуществляется Его руководство нашим (низшим) миром. Шестеро сыновей — шесть Б-жественных сфирот: Хэсэд, Гвура, Тифэрэт, Нэцах, Ход, Йесод. Царь — имя, соответствующее одной из высших сфирот. Второй-после-Царя — цадик (праведник); здесь — общность Исраэля (Кнэсэт Исраэль).

⁴ ...с уст его сорвалось — в "Книге Сияния" ("*Сэфэр а-Зоар*") сказано, что не только слово Царя царей, но и слово земного праведника, сказанное "без намерения", всегда исполняется. Так, наш праотец Яаков, отвечая Лавану на обвинение в краже идолов, словами своими, помимо воли, обрек на преждевременную смерть Рахэль.

⁵ Недобрый — ситра ахра (другая сторона, изнанка) — сатана, дурное побуждение.

⁶ Речь идет о галуте Шехины (и Кнэсэт Исраэль). Впервые галут Шехины имел место до сотворения мира — после разбиения сосудов (швират а-кэлим). Адам (Второй-после-Царя) первым должен был вернуть Шехину из изгнания, исправить последствия швират а-кэлим и восстановить гармонию миров, но соблазнился и ел плод от древа познания... Нечто подобное произошло и с Ноахом (Ноем). С тех пор из поколения в поколение праведники пытаются достичь той же цели. Ее достигнет Машиах — да придет он вскорости, в наши дни!

⁷ *служителя с лошадью да денег...* — только насущно необходимое для существования в галуте. Служитель олицетворяет простой народ, неразрывно связанный с материальным аспектом бытия, а Второй-после-Царя — духовную элиту, т. е. святых и мудрецов — наставников народа Исраэля.

⁸ Пустыня — место обитания сил зла.

⁹ *Замок был красив...* — красота и величие не чужды царству зла. В книге "Коэлет" ("Экклезиаст") сказано: "Одно против другого создал Г-сподь", — зло является как бы зеркальным (перевернутым справа налево) отображением добра.

¹⁰ ...*никак ему не препятствуя* — силы зла не властны над человеком, который преодолел страх перед ними; отказываясь подтвердить их суверенность, он лишает опоры их существование, и они обращаются в бесплотные тени.

¹¹ ...*встречая царицу* — во времена галута нарушено единство между Всевышним, Шехиной и общностью Исраэля; силы зла "перехватывают" поток Б-жественной эманации (благодати), предназначенной Исраэлю. Шехина в галуте облачена в нечистые одежды, с этим связано исключительное значение "узнавания": опознание Шехины является неотъемлемым условием начала Избавления — первой победой над силами зла. Следующий этап — вызволение Шехины от их власти путем оказания ей духовной помощи. Далее описаны две неудачные попытки, которые предпринимает Второй-после-Царя, завершающиеся его погружением в сон.

¹² См. псалом 90: "Ведь тысяча лет для Тебя, словно день вчерашний, минувший..."

¹³ По мнению комментаторов — плоды древа познания добра и зла.

¹⁴ Сон — безблагодатное забвение подлинной реальности, "одна шестидесятая смерти". Заслуживает внимания, что служитель Второго-после-Царя продолжает бодрствовать, — простой народ продолжает свое материальное существование — пытается разбудить своего наставника и, не преуспев, не впадает в отчаяние едет его пробуждения.

¹⁵ *Ецер а-ра* — дурные наклонности и побуждения, соблазн, искушение.

¹⁶ ...*не пей вина* — опьянение, которое уже само по себе является формой забвения реальности, усыпляет, тогда как в ожидании избавления надо бодрствовать, надо быть начеку. С этим связан запрет на винопитие в "дни осады", предшествующие девятому

ава — дню, когда начнется избавление.

¹⁷ ср. с опьянением Ноаха.

¹⁸ *...проспал... семьдесят лет* — указание, содержащее намек на полное забвение "семидесяти ликов Торы".

¹⁹ Как Рахэль, земное воплощение **Шехины**: "Голос слышен в Раме, плач и горькое рыдание: Рахэль плачет о сыновьях своих" (Йирмеу, 31:15).

²⁰ *...сняла с головы своей шаль...* — голова **Шехины** соответствует высшим **сфирот**, которые не способна затронуть никакая нечистота. Поэтому "шаль", в отличие от остальных одежд, остается чистой и в галуте (см. примеч. 11).

²¹ *...она больше не пребывает ...* — речь идет об усугублении **галута**, **Шехина** удаляется в запредельные дали.

²² Гора золотая и Замок жемчужный символизируют несравненное духовное богатство — богатство святости, необходимое для хождения по тайным стезям Торы, невозможного без **йтбонэнут** — способности к пристальному всматриванию, предельной зоркости и прозорливости созерцающего. (См. книгу поучений раби Нахмана "Ликутэй Моаран", поучение 60, часть 1, где содержится зашифрованный комментарий к "Рассказу а том, как исчезла дочь Царя"). Великими "богачами" были наши праотцы, учитель наш Моше, все пророки и праведники.

²³ *Пойду-ка в пустыню...* — на этот раз под пустыней подразумеваются безлюдные высшие миры. Странствование в них Второго-после-Царя описано ниже.

²⁴ Три "Повелителя" (дословно — "Назначенных"), которых встречает Второй-после-Царя, — это высшие ангелы трех миров, именуемых **Асия**, **Ецира**, **Бриа**, которые он последовательно проходит. Вначале ангелы препятствуют ему, но, убедившись в непреклонности его веры, оказывают ему помощь. Человек, в отличие от ангелов, наделен способностью по своей воле "проникать миры".

²⁵ *И пошел к одному богачу* — см. примеч. 22.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ "ЛИКУТЭЙ ТФИЛОТ" ("Собрание молитв")

Раби Натан Штернац

¹ Ахароним — мудрецы позднего времени (после появления "Шульхан Аруха", в начале XVI века).

² Понятно, что это относится только к ашкеназим, см. "Ликутэй Моаран", ч. 2, симан 120.

³ Согласно Радаку (раби Кимхи) речь идет о трех изгнаниях Исраэля.

СВЕТ МЕССИИ В УЧЕНИИ РАБИ НАХМАНА ИЗ БРАСЛАВА

Гилель Цейтлин

¹ "Сэфер а-Зоар" ("Книга Сияния") — основополагающий каббалистический труд, излагающий учение раби Шимьона бар Йохая.

² Книги "Эц-5-Хаим" ("Древо жизни") и "При Эц а-Хаим" ("Плод Древа Жизни") — труды каббалиста раби Хаима Витала (1542-1620), в которых он излагает учение раби Ицхака Лурии.

³ Бешт, аббревиатура имени Бааль Шем Това.

⁴ "Ликутэй Моаран" — собрание поучений раби Нахмана из Браслава.

⁵ Аскала ("просвещение") — движение за приобщение евреев к нееврейской культуре, возникшее в XVIII веке.

⁶ "Война Всевышнего против Амалека из рода в род" (Шемот, 17:16). Амалекитяне — племя, непрерывно нападавшее на израильтян, символ исконных врагов Израиля.

⁷ Костер семидесяти звезд — семьдесят народов, воплощающих зло.

⁸ Адмор — аббревиатура слов, означающих: господин наш, учитель наш, наставник

наш.

⁹ Игра слов: "Машиах" и "ми-сиах а-саде" ("от полевого растения" или "от беседы в поле").

¹⁰ Ситра Ахара — Другая Сторона, Изнанка, сфера нечестивых сил, противоположная Святости.

¹¹ *Тэшуба* — "возвращение" к Всевышнему: раскаяние в грехах и исправление пороков, т.е. самосовершенствование в соответствии с заповедями Торы.

¹² *Захваченное добро* — гонения, которым язычники подвергают евреев, препятствуют исполнению заповедей Торы, то есть добру. Неисполненные из-за этого заповеди, несовершенные добрые деяния "присваиваются" Другой Стороной. Это и есть *захваченное добро*.

¹³ Читатель должен вспомнить слова одного из удивительных знатоков Торы и хасидов раби Цадока Коэна из Люблина: "Сыновья — тайны сердца отцов". Тот, кто присмотрится внимательно к жизни, увидит верность этих слов во всем, к чему бы он ни обратился.

ПРАВЕДНИК ПРИХОДИТ В СТРАНУ (О раби Нахмане из Браслава)

Мартин Бубер

¹ *Клипа* (мн. ч. *клипот*) нечистая оболочка — символ нечистоты. В *клипот* пленены искры Б-жественного света. Камень был, по мнению раби Нахмана, "нечистым" городом, ибо здесь в 1759 году состоялся диспут между отступниками-франкистами и представителями ортодоксального иудаизма. Своим пребыванием в городе раби Нахман "покорил" *клипот* и освободил город от скверны.

² *Миква*, бассейн для ритуального омовения.

³ Девятое ава, день разрушения Первого и Второго Храма, отмечается как день траура и поста.

ИСТОЧНИК ТВОРЧЕСТВА РАБИ НАХМАНА

Аарон Цайтлин

¹ Вытаптывание рассады (*кицуц а-нетивот*) — в Каббале акт, ведущий к отделению древа познания от древа жизни и к возникновению зла. Служит прообразом всех великих грехов, упоминаемых в Торе, грехов, общей чертой которых является внесение расстройств в Б-жественное единство.

² Ветер и один из уровней души обозначаются на иврите одним и тем же словом: "руах". "Дерево" тоже означает у раби Нахмана "душу". "Путь ветра среди деревьев — путь души среди других душ".